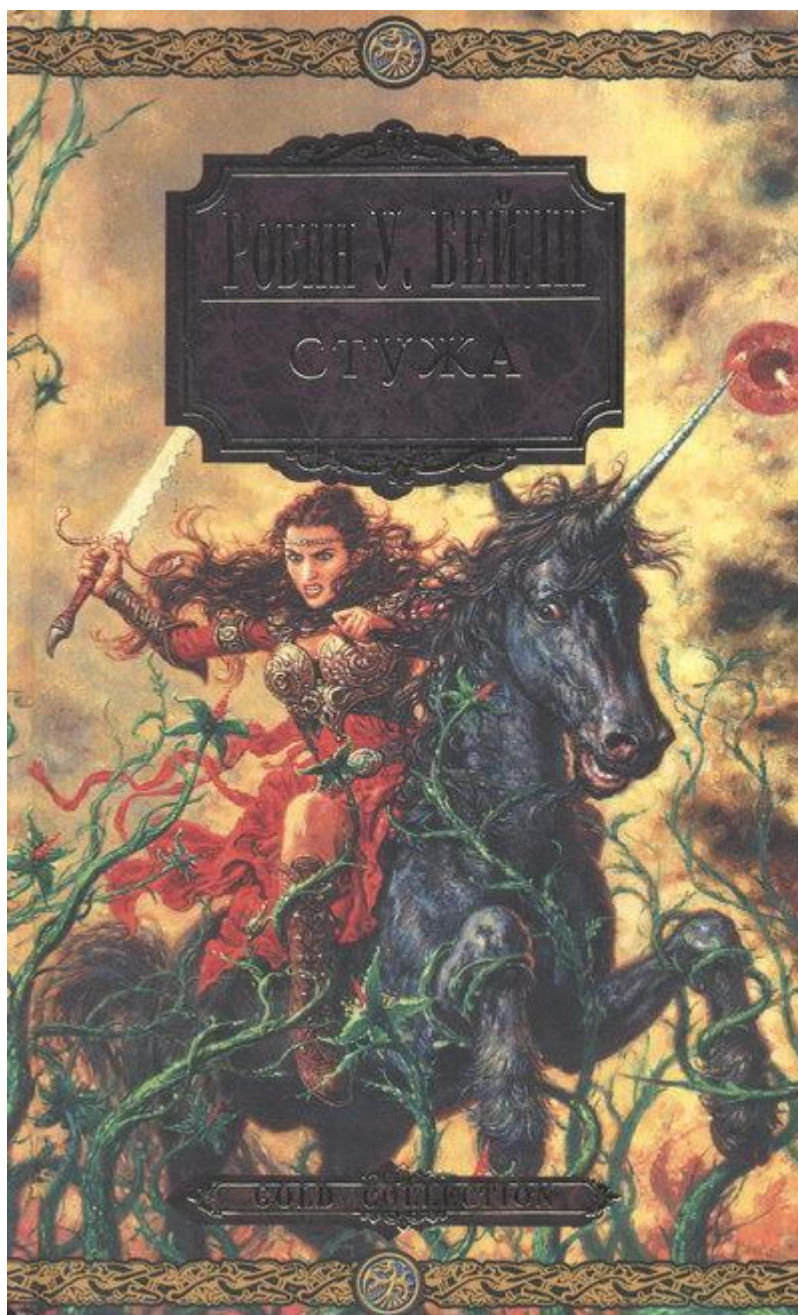

Робин Уэйн Бейли Стужа

Стужа – 1

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Wolf. <http://oldmaglib.com>
«Робин У. Бейли "Стужа"»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2005
ISBN 5-352-01438-X

Аннотация

Когда-то Стужа была обыкновенной ведьмой, как любая женщина ее народа. Она нарушила закон, взяв в руки меч — оружие мужчин. Может, это прегрешение и простилось бы ей, но обстоятельства сложились так, что на ее меч напоролся ее же брат. И вот проклятая матерью братоубийца скитается по свету, и жизнь ее — непрерывная цепь сражений. За деньги и справедливость, за честь и любовь, чаще всего — просто за право жить.

Стуже приходится противостоять жестоким правителям и злобным колдунам, грабителям с большой дороги и демонам преисподней. И очень часто обязательным условием спасения собственной шкуры становится спасение мира.

И хоть написана уже Книга Последней Битвы, битвам не видно конца...

Робин Уэйн Бейли «Стужа»

Глава 1

Стужа полезла в седельную сумку за последней полоской вяленого мяса. Это все, что осталось из съестного. Да, она поступила весьма опрометчиво, уничтожив все запасы.

Отпустив поводья, она принялась жевать, не обращая внимания на то, что мясо было жестким и совершенно безвкусным. Сделав большой глоток прохладной воды, что еще плескалась у нее во фляге, но тоже была на исходе, Стужа снова направила коня в сторону Шазада.

Ветер стих, небо прояснилось, и сверху сквозь ветви деревьев лился лунный свет. Стужа остановилась, несколько секунд тревожно вглядываясь в звездное небо: ей показалось, что оттуда на землю пристально смотрит одинокий красный глаз. Но легкий ветер, гулявший среди деревьев, качнул толстые ветви над ее головой, и дождевые капли попали прямо ей в глаза. Она зажмурилась.

Когда же она снова взглянула вверх, наваждение исчезло. Ну конечно, это всего-навсего луна морочит ее, а возможно, разыгралось ее собственное воображение. Мать предупреждала, что убийц нередко преследуют кошмарные видения.

Она огляделась по сторонам, всматриваясь в темноту. Итай Калан — так назывался этот лес. Лес Забытых. «Лес Проклятых, — подумала она. — Лес Обреченных».

Тускло мерцая в лунном свете, между огромными старыми стволами тянулись нити чудовищной паутины, как зловещее напоминание о тех созданиях, в честь которых был назван этот лес. Пропитанные влагой, они горели тусклым неугасимым огнем. Лениво обвивая сучья и ветви, они ниспадали с деревьев, словно изысканная драпировка. Эсгарийские легенды рассказывают о древней полузабытой расе паукообразных существ, что населяли когда-то землю, а в этом лесу они хранили лучшие образцы того искусства, которым владели, и с тех пор здесь ничто не изменилось.

Что произошло с этой расой, никто не помнит. Они не оставили никаких следов, не сохранилось ни песен, ни легенд об их исчезновении. Но с паутиной обращались очень осторожно и, если прокладывали дорогу через Итай Калан, старались не задеть ни одной нити.

Слава богу, тропа, по которой она ехала, огибала эти неведомые сети. Стужа не любила пауков, даже если они были искусными художниками. Однако, разглядывая паутину с безопасного расстояния, она пыталась понять, почему та не рвется во время бурь и отчего мерцает этим жутким светом. Чем глубже она продвигалась в лес, тем толще становилась паутина. За очередным поворотом тропы она свисала так низко, что до нее можно было дотронуться.

Стужа остановила коня и прислушалась. С тех пор как сгустилась тьма, в Итай Калане стало очень тихо. Слишком тихо. Кроме мерного стука конских копыт и звука капель, стекающих с мокрых листьев и падающих вниз, больше ничто не нарушало тишины. Однако через некоторое время ей стало ясно, что она не единственное живое существо в этом ночном лесу.

Итай Калан внезапно ожил, сначала послышался шум, словно тысячи легких крыльев

одновременно захлопали в темноте. Шум усиливался, и, на миг закрыв луну, над головой пронеслась неясная тень. Стужа нахмурилась. Конь отпрянул, и она с трудом удержалась в седле. Затем все стихло и тень растаяла вдали, лес снова был безмолвным, как прежде.

Резко похолодало. Стужа плотнее закуталась в сырой плащ. Вероятно, это магия... А не была ли буря, что пронеслась недавно, той же природы?

Над деревьями снова пронеслась тень. Конь задрожал и попытался встать на дыбы, но Стужа, хоть и не без усилий, успокоила его, кляня фермера, продавшего ей эту клячу.

Вновь набежали тучи, и звезды пропали. Мелькнув в последний раз, спряталась луна. Лишь благодаря мерцающему свету паутины Стужа могла разглядеть дорогу через Итай Калан.

Внезапно налетел холодный ветер и принес резкий запах палой листвы и гниющего дерева. Потом также внезапно стих. С неба упал столб густого тумана и, едва коснувшись земли, тут же растекся во все стороны, словно вода. Столбы тумана опускались вокруг нее один за другим. Стужа почувствовала себя словно в ловушке. Она вытащила меч и рубанула по ближайшему столбу, клочок тумана прилип к клинку, затем растворился в воздухе. Намотав поводья на свободную руку, она, с трудом удерживая коня, вложила меч в ножны.

Столбы тумана теперь опускались повсюду, с каждым мгновением их становилось все больше. Едва коснувшись земли, туман толстым ковром стелился по лесу. Деревья по обеим сторонам тропы начали бледнеть, заволакиваемые пеленой.

Туман опустил ее на бедро и облепил колено, легкий как перышко и холодный как лед. Она отшатнулась и направила в обход.

Столбы высились, словно гигантские копыя. Стужа старалась избегать столкновения с ними, круто поворачивая коня. Теперь она совсем перестала видеть тропу, но ей уже было все равно. Она постоянно подгоняла животное, пытаясь вырваться из этого плена. Пропитываясь туманом, воздух жег ей легкие холодным огнем.

Стужа слишком поздно заметила паутину. Видение пронеслось у нее в голове: она бьется, запутавшись в блестящих тенетах, а жирный паук сосет ее кровь. Отчаянно вскрикнув, она отпрянула, и низкая толстая ветка выбила девушку из седла.

Она плашмя рухнула на спину, разбрызгивая грязь. Обод щита больно впился ей в кожу, и она пожалела о том, что повесила его на спину, закрепив ремнями на плечах. Она закашлялась, пытаясь глотнуть воздуха.

С трудом поднявшись, она разглядела в тумане своего коня. Он ждал ее, в страхе бешено вращая глазами и трясая спутанной гривой, потом развернулся и вдруг ускакал, скрывшись из виду.

Она в сердцах выругалась. Эта скотина унесла все ее имущество, кроме меча, щита и одежды. Но больше всего Стуже было жаль седла, доставшегося ей от отца. Два дня тому назад она не бросила это седло, когда ее лошадь сломала ногу, а долго тащила его на себе.

Она огляделась, пытаясь сориентироваться. Сняв щит, она взяла его в правую руку, а левой на всякий случай ухватила за рукоять меча. Надо двигаться дальше.

Когда идешь пешком, есть время поразмыслить. Какой-то маг орудует в этом лесу. Вероятно, она случайно попала к нему в плен, но скорее всего это была ловушка. Власть над погодой — азы магической науки, однако то, с какой внезапностью похолодало и каким густым был туман, свидетельствовало о могуществе колдуна; вполне возможно, это была черная магия. К тому же это оглушительное хлопанье крыльев, тысяч крыльев...

Она пробиралась вперед, спотыкаясь о невидимые камни и корни. И вдруг туман начал расступаться перед ней, словно указывая путь. «Меня ведут», — догадалась Стужа, когда проход в тумане начал извиваться, маня туда, куда она и не собиралась идти. Стужа остановилась в раздумье — и туман застыл, будто ждал ее.

Она наверняка сбилась с пути, а кроме того, устала от этих блужданий вслепую. Высоко подняв щит, она пошла туда, куда ее вели. Внезапно дорога в тумане закончилась. Стужа постояла, ожидая, что туман, изменив направление, вновь разойдется, но напрасно.

Из тумана выступила закутанная в плащ фигура и остановилась на расстоянии

вытянутой руки. Лицо скрывал капюшон, а руки — складки плаща. Стужа выхватила меч. Острие застыло у горла Незнакомца.

— Еще одно движение, и тебе конец, — произнесла она спокойно, хотя спокойствия вовсе не чувствовала.

Незнакомец назвал ее по имени. Это было настоящее имя.

Девушка пришла от этого в ярость и замахнулась мечом, но какая-то сила удержала ее левую руку, и она обнаружила, что вообще не может ударить невидимое лицо ни мечом, ни краем щита. Мурашки побежали у нее по спине, и теперь она думала только о том, как бы защититься. Она осмотрительно отступила на два шага, не сводя глаз с Незнакомца.

— Назовешь меня еще раз этим именем, и, клянусь, я найду способ выпустить тебе кишки, демон ты или человек.

— Хорошо, Стужа. Я буду называть тебя так, хотя не могу сказать, что это прозвище ласкает слух.

Это был мужской голос, глубокий и мелодичный, мягкий и в то же время сильный. Незнакомец не пытался напасть на нее, и все же она держала меч между ним и собой.

— Откуда ты вообще знаешь, как меня зовут?

— Я вижу твои имена так же ясно, как слова на странице книги, — ответил он. — Каждая мысль, когда-либо приходившая тебе в голову, отпечаталась в ней. Я немного просмотрел их.

Очень может быть. Когда-то и она умела, хоть и в определенных пределах, заглядывать в мысли других. Но то, что Незнакомец так свободно может влезть в ее сознание, совсем не понравилось Стуже.

— Скажи, зачем ты это сделал? — спросила она.

— Я должен попросить тебя выполнить одно поручение.

— С чего бы это мне делать что-то для тебя?

Незнакомец пожал плечами:

— Я бы заплатил тебе, но у меня нет денег. Возможно, ты сделаешь это, чтобы спасти наш несчастный мир, а заодно и собственную жизнь, хотя предприятие это трудное и рискованное. К тому же, выполняя мою просьбу, ты сможешь на время отвлечься от тех страшных воспоминаний, что терзают тебя. Думаю, это самая веская причина согласиться.

Рука, в которой она держала меч, задрожала. Усилием воли она подавила нарастающий гнев. Незнакомец знал о ее кошмарах. Он знал все.

— Чего ты от меня хочешь? — процедила она сквозь зубы. — Но предупреждаю, скорее всего я откажусь. Что-то ты мне не нравишься.

Он протянул руку. На ладони у него лежала книга в кожаном переплете, с железными петлями и замком. Кожа была потертой и потрескалась от времени. Замок причудливой формы заржавел. Судя по обреза, страницы стали хрупкими и пожелтели. От книги исходил неприятный запах плесени, но Стужа заметила, что на переплете были вырезаны какие-то руны и колдовские знаки. Стужа не могла отвести от них глаз, она протянула руку.

— Ты должна доставить это чародеям в Шондо.

Стужа отдернула руку и стиснула рукоять меча.

— Я похожа на дуру? Шондо находится в тех краях, где властвует черная магия. Нормальные люди и не суются туда, словно там чума.

— Шондосийцы сами распускают слухи, отпугивающие посторонних. Да, там властвует магия, но не все тамошние чародеи практикуют черную магию. Ты могла бы и знать это, ведь ты сама ведьма.

— Бывшая, — пробормотала она. — Я утратила магический дар.

Незнакомец покачал головой:

— Проклятье твоей матери лишило тебя возможности пользоваться им, только и всего. Он, как и прежде, заключен в тебе, хотя тебе не высвободить его.

— Неважно. Теперь у меня есть меч.

— Когда-нибудь ты снова захочешь стать колдуньей, ведь твоими врагами будут не

только люди.

— Я заметила, — медленно проговорила она, — что мне больше нравится смотреть в лицо своему противнику, человек он или нет. Видеть лицо врага, когда убиваешь его, — единственное удовольствие.

— Ты хорошо держишься, но это всего лишь громкие слова, — сказал Незнакомец. — Однако у тебя сильный характер, и скоро это поможет тебе.

Внезапно он запрокинул голову, будто прислушиваясь к чему-то. Стужа тоже навестила уши, но туман хранил безмолвие.

— Меня нашли, но тебя они обнаружить не должны.

— Кто тебя нашел? — Она напрягала слух. — Я ничего не слышу.

— Прости, но у нас мало времени. Бери книгу и уноси отсюда ноги. — Он протянул ей древний фолиант. — Ну же! — воскликнул Незнакомец, видя, что она колеблется.

— Не так быстро. У меня есть пара вопросов, и я хочу получить на них ответ. Что это за книга, и почему она должна оказаться в Шондо? Вот и все.

Незнакомец вновь поднял голову к небу. Но Стужа по-прежнему не улавливала ничего, кроме своего хриплого дыхания.

— Времени почти не осталось, поэтому слушай внимательно. — Он быстро отвел меч, который она все еще держала у его горла, и сунул ей книгу. — Это Книга Последней Битвы.

Она раскрыла рот. Это же легендарная Книга! Ни один смертный не видел ее, но желание узнать то, что таилось под этим переплетом, заставляло магов отправляться на ее поиски. Даже мать Стужи, самая могущественная в Эсгарии ведьма, пыталась разыскать ее и не смогла. Стужа вложила меч в ножны, чтобы лучше рассмотреть Книгу.

— Долгие тысячелетия она была погребена в самом сердце горы далеко-далеко отсюда, — начал объяснять Незнакомец. — Пока один шардаханский колдун случайно не наткнулся на нее.

— Шардаханский? — перебила она его. — Они слабые колдуны. У них нет воображения.

— Зарад-Крул был слабым колдуном, он пытался постичь тайную науку, но безуспешно, до тех пор пока не нашел Книгу. Он сразу понял, что это за книга, и боги Тьмы, которым он поклоняется, тоже поняли это. Как и люди, они жаждали обладать ею, ибо известно, что в Книге Последней Битвы сокрыты Тайные Слова, дарующие победу в решающей схватке Света и Тьмы.

Зарад-Крул стал орудием Властителей Тьмы. Хотя сейчас он и лишен возможности изучать Книгу, те, кому он поклоняется, постоянно пополняют его знания в надежде на то, что он найдет способ проникнуть в ее тайны. А если нет, то он призовет Тьму для достижения своей цели. Этот колдун пока еще не слишком силен, но уже сейчас его новые магические способности дают ему определенные преимущества перед прочими магами, и в Шардахе ему нет равных. А он становится могущественнее с каждым днем. Скоро его тайные знания достигнут пределов возможного для разума простого смертного. Он уже начал сходить с ума и собирается призвать в этот мир не кого-нибудь, а Властителей Тьмы и направить их полчища на своих врагов.

А Силы Света не могут и не хотят помешать ему. Время для этого еще не пришло. Если кто-то призовет Силы Тьмы, равновесие в мире нарушится и невозможно будет предсказать, когда пробьет час Последней Битвы. Если кто и может помешать Зарад-Крулу, то, вероятно, это ты или я и, возможно, еще один человек.

— Кто?

— Шондосийский чародей, магистр Братства Черной Стрелы. Его зовут Креган. Отдай Книгу ему. Он знает, что с ней делать.

— Но почему именно тебе досталась Книга, если Зарад-Крул нашел ее первым?

— Больше нет времени. Беги! Ты должна спастись.

Стужа была не прочь унести отсюда ноги, но медлила.

— Сначала ответь на мой вопрос, я ведь не знаю, можно ли тебе верить.

И тут она услышала зловещее хлопанье крыльев.

— Я выкрал ее из башни Зарад-Крула, пока он спал, но страж поднял тревогу прежде, чем я успел улизнуть вместе с Книгой. Мне удалось бежать, но его демоны преследуют меня. Я бился с ними всю ночь до изнеможения. Наконец я сотворил этот туман, чтобы укрыться в нем, прекрасно зная, что это меня не спасет. Я сделал это от отчаяния, когда решил, что проиграл. Но потом я почувствовал, как ты скачешь по лесу.

Шум нарастал. Казалось, в этом мерном хлопанье крыльев, рассекающих ночной воздух, слышалось: конец, конец, конец. Но Стужа не видела, с какой стороны приближался этот выворачивающий душу звук.

— Беги же, наконец, — взмолился Незнакомец. — Если Зарад-Крул пошлет свой Глаз, он обнаружит и тебя. Тогда все пропало.

— Бежим со мной. Мы можем спастись вместе.

Он покачал головой:

— Нет, Зарад-Крул теперь знает мою ауру. Он найдет меня повсюду, мне некуда бежать.

— Тогда я останусь с тобой, и мы примем бой.

— Нет! — воскликнул он. — Твой меч бесполезен в схватке с этими тварями. Беги! Беги сейчас же!

Воздух взорвался бешеной пульсацией невидимых крыльев. Стужа ощутила леденящий ужас. Ведь она столкнулась с колдовством, а ее магический дар утрачен. Стужа крепко сжала Книгу в правой руке и выхватила из ножен меч. Хотя и бесполезное, но это все-таки оружие. Потом она повернулась и побежала.

— Подожди! — Незнакомец окликнул ее прежде, чем она успела скрыться. — Я дам тебе оружие против Зарад-Крула. Есть два средства, с помощью которых ты сможешь одолеть его.

Незнакомец скинул плащ. Он был идеально сложен, и его нагое тело лучилось золотистым светом. Она никогда раньше не видела столь прекрасного мужчины, он показался Стуже воплощением совершенства. На нем не было ничего, кроме серебряного пояса, на котором висел кинжал. Он швырнул его ей. Ножны блеснули, они тоже были сделаны из чистого серебра.

— Это Жало Демона, и он назван так неспроста, ибо в этом имени таится угроза. Не вынимай его из ножен без необходимости, обнаженный кинжал потребует крови. И если он не получит крови врага, он насытится твоей.

— А второе средство? — крикнула она. Ей казалось, что хлопанье крыльев было уже совсем близко.

— Ты получишь его в свое время, и лишь тогда, когда оно само пожелает этого. А сейчас беги как можно быстрее.

— Скажи мне свое имя, — прокричала Стужа. — Мне нужно знать твое имя!

— Какая разница? Я орудие Света.

Шум стал оглушительным, знаменуя прибытие слуг Зарад-Крула. Тысячи и тысячи крошечных призрачных созданий кружились в воздухе в поисках человека, который так и не назвал своего имени. Стужа замахнулась и безрассудно кинулась на них, но они легко уворачивались, порхая, слишком маленькие, чтобы их можно было поразить мечом.

И вдруг они обнаружили Незнакомца. Он вскинул руки, бешено замолотил ими в воздухе, тщетно пытаясь отбиваться. Они роем накинулись на него, облепив голову, глаза. Стужа снова взялась за меч. Если нельзя уничтожить его палачей, то по крайней мере она может облегчить его смерть. Но как только она шагнула к нему, Незнакомец предупреждающе поднял руку и отчаянно крикнул в последний раз.

Колеблющаяся масса поглотила его прекрасное тело и свалила с ног. Он бился под тяжестью этих бесчисленных созданий, но тщетно. Последние судорожные движения, и он замер.

Выполняя его последнюю волю, Стужа повернулась и бросилась в туман, в страхе

оглядываясь через плечо. Когда поверженная фигура Незнакомца почти совсем потеряла очертания в туманной дымке, она упала на землю, прячась за кустами, и приготовилась смотреть и ждать. Она накрыла собою Книгу, прижимая ее к земле. Кинжал в серебряных ножнах лежал рядом, пояс петлей поблескивал на плече. Она наблюдала за облепившими тело Незнакомца призрачными существами, боясь, что ее постигнет та же участь. Вскоре они перестали помахивать крылышками. Туман начал рассеиваться.

Долгие часы Стужа пролежала не шелохнувшись. Когда туман совсем растаял, она ахнула, не в силах поверить своим глазам: в тусклом свете предзвездных сумерек тысячи бабочек покрывалом укутывали тело Незнакомца так, что его не было видно. И над всем этим парил слезящийся красный Глаз, опухший и злобный. Какое-то время он перемещался, осматривая место убийства. Потом стал медленно обозревать лес. Когда его взор скользнул в ее направлении, она, лишь взглянув в черный зрачок, задрожала. Глаз замер. Хотя он, кажется, не видел ее, она подползла еще ближе к кусту и спрятала лицо. Когда же она вновь осмелилась поднять голову, Глаз исчез.

Бабочки все еще сидели на теле Незнакомца, слабо помахивая крылышками, пока первый луч солнца не блеснул в небе. Она боялась пошевелиться в своем укрытии. Потом, как по команде, бабочки поднялись в воздух, расправляя крылышки в утреннем свете. Теперь они двигались бесшумно, и когда эти нежные создания заплясали в листве, лес заискрился яркими красками — зеленым, красным и золотым.

Никогда прежде она не видела такой красоты. Они недолго порхали среди деревьев. Собравшись в огромный рой, бабочки полетели на северо-запад на своих разноцветных крыльях, такие прекрасные, такие изящные. Она провожала их взглядом, пока они не скрылись из виду.

Стужа снова посмотрела туда, где лежал Незнакомец, и тошнота подступила к горлу. Там белела груда чисто обглоданных костей. Всю ночь бабочки пировали на его трупе. Так что ни капли крови не осталось на траве.

Глава 2

Стужа вытерла пот со лба и еще раз выругалась, проклиная сбежавшего коня. Уже давно миновал полдень, она проделала длинный путь по Итай Калану пешком. В горле пересохло, за все время ей не встретилось ни одного ручейка. Она сорвала с дерева лист, размяла его и сунула в рот. Отвратительный вкус, но хоть какая-то влага.

Она не могла избавиться от ужасного воспоминания о том, как встретил смерть Незнакомец. Время от времени она доставала Книгу из складок своей туники, почти решившись зашвырнуть ее подальше в кусты и забыть о ней. Но пережитый кошмар ожесточил ее сердце, и она лишь стискивала зубы, беззвучно клянясь отомстить Зарад-Крулу.

Близился вечер. Она устала как собака. После четырех дней в седле она не чувствовала под собой ног и едва не падала под тяжестью щита. И все же она редко останавливалась, чтобы передохнуть. Казалось, лесу не было конца.

В густых зарослях слева от тропы послышался хруст. На секунду она приостановилась, но потом решила, что это какое-нибудь животное. Через несколько шагов она снова услышала хруст, на этот раз уже справа.

Неожиданно из кустов появились люди и окружили ее. Восемь человек. Лоснящиеся от пота лица, неопрятные космы. Их одежда была заляпана грязью. Вонь, которую они распространяли, перебивала все лесные запахи.

«Разбойники», — догадалась она. Эти молодчики часто тайком пересекали эсгарийскую границу, грабя фермы и небольшие торговые караваны. Прежде чем сторожевому отряду удавалось схватить их, они успевали скрыться в лесу и пробирались обратно в Ролароф, унося добычу. В Шазаде многие промышляли разбоем. Городские трущобы просто кишели ворами и убийцами.

У пятерых были мечи, у одного широкая кривая сабля, а у двух других — длинные кинжалы. Она выхватила свой меч и приготовилась защищаться.

Но один из разбойников вдруг осклабился, показывая желтые испорченные зубы. Он ухмылялся все шире и наконец разразился хохотом.

— Черт возьми, да это баба, — проревел он. — Мы выследили бабу!

— Точно, а по ее одежде не скажешь, — сказал другой.

— Или по этому ножичку у нее в руках, — добавил третий.

Похохатывая, они кружились вокруг нее, осыпая ее градом колкостей и насмешек. Она собралась нарезать цветочков к обеденному столу? Или зарубить неверного любовника? Да нет, у нее никогда не было любовника, и она решила поправить дело с помощью этой штуковины.

Тот, кто заговорил первым, махнул рукой, и все умолкли.

— Неплохой щит, — послышался голос у нее за спиной.

— А мне не помешал бы новый плащ, — сказал кто-то еще. — Свой проиграл в карты на прошлой неделе. Мой плащ был получше, но сойдет и этот.

— А мне нужен меч.

— Обувка у нее что надо.

Стужа не шевелилась, вслушиваясь в их голоса, шелест одежды, шарканье ног. Она знала, где кто находится, хотя не могла видеть их всех сразу.

— Ну а с ней как быть? — спросил первый, видимо главарь.

— Симпатичная бабенка. Как вы думаете, на что она сгодится?

— На что еще может сгодиться баба? — отозвался третий.

Стужа похолодела. Она была девственницей. Ее едва не стошнило от запаха их немых тел, и она поклялась, что первый же, кто осмелится прикоснуться к ней, жестоко за это поплатится.

Главарь встретился с ней взглядом, и ухмылка сползла с его лица. Меч блеснул у него в руке, он сделал шаг в сторону, намереваясь обойти ее и выбить из рук оружие. Стужа ощутила, насколько он уверен в себе, но парировала его удар, и меч главаря полетел в кусты.

Разбойник в изумлении отскочил, проверяя, все ли пальцы у него на месте. Затем он свирепо уставился на нее, и Стужа увидела, как его лицо исказилось от ярости. Он выхватил меч у стоявшего рядом товарища, грубо оттолкнув его, и выругался.

Глубоко вдохнув, она на мгновение прикрыла глаза, припоминая слова своего наставника. Он готовил ее к этому. Он учил ее, как сдерживать нападение нескольких человек, заставляя тренироваться в темноте. Она ощущала напряжение, повисшее в воздухе, слышала их дыхание, задышалась от запаха пота. Стужа крепче сжала рукоять меча и подумала о щите. Бесполезно пытаться снять его сейчас. Пусть прикрывает спину. Она взяла меч обеими руками и встала в боевую стойку.

— Думаешь, ты неплохо смотришься с этой игрушкой, женщина? Что ж, тебе удалось

досадить мне. Сильнее, чем следовало. До этого мы собирались лишь немного позабавиться, но сейчас ты не на шутку рассердила старика Верикуса. Выставила дураком перед его же людьми, так что теперь ему придется показать, что бывает, когда Верикус рассержен. — Он снова оскалился, обнажая гнилые зубы. — Отберите у нее меч, ребята.

Первым бросился разбойник, что стоял справа от него. Меч Стужи со свистом описал дугу и вонзился в его тело. Верикус сделал выпад, но промахнулся. Выдернув меч, она подскочила к главарю и изо всех сил заехала ему коленом в пах. Когда же он согнулся пополам, она толкнула его, так что он врезался головой в дерево.

Кольцо разомкнулось. Стужа пробежала несколько шагов и повернулась к разбойникам лицом. Еще двое бросились на нее, ступая по телам своих товарищей. Она отбила удар одного из них и отрубила руку с мечом другому. Краем глаза она заметила, что остальные вновь пытаются ее окружить.

Стужа устала от долгой ходьбы, и теперь каждый взмах меча давался ей с трудом, и, когда она отражала удары, руки у нее дрожали. И что еще хуже, меч стал скользким от крови.

Услышав свист опускавшегося на нее клинка, она увернулась и едва парировала удар. Противник снова замахнулся и обрушился на нее. Она быстро подставила меч, но удар был таким сильным, что она не удержала меч, и он упал на дорогу в нескольких шагах от Стужи. Обезоружив ее, разбойник с саблей заколебался. Собрав последние силы, она с криком двинула ему кулаком в челюсть. Удар оказался слишком слабым, и, когда она ударила снова, он схватил ее за запястье. Не теряя времени, другой разбойник вывернул руку. Она содрогнулась и зажмурилась от боли. А когда открыла глаза, увидела над собой злобное, ухмыляющееся лицо Верикуса.

Он наотмашь ударил ее по лицу. Она попыталась уклониться от следующего яростного удара. Не удалось. Струйка крови потекла у нее из разбитой губы. Он схватил ее за подбородок, заставляя смотреть туда, где валялись двое убитых, еще один лежал на земле, воя и сжимая обрубок руки.

— Сука! — орал главарь. — Подлая сука! Ты заплатишься за это! Поплатишься за смерть этих славных парней, и особенно за то, что ты отрубила руку моему сыну! Ты пожалеешь, что не раздвинула ноги и не ублажила нас, пока было можно, а теперь я разделаюсь с тобой по-своему.

Верикус начал снимать одежду, похоть и ненависть горели у него в глазах. Другие ухмылялись и в предвкушении облизывались.

— Положите ее на землю и крепко держите. Можно не очень нежно.

Стужа пнула одного из тех, кто держал ее, угодив ему по голени, и в ответ получила кулаком в живот. Она изворачивалась, пытаясь вырваться, но ее повалили и, ухватив за руки и за ноги, придавили к земле. Верикус протянул к ней свои грязные лапы. Нашупав что-то у нее под одеждой, он просиял.

— Эй, ребята, эта сука кое-что припасла для нас. — Он пошарил под туникой и вытащил Книгу Последней Битвы.

— Нет!

Главарь тычком заткнул ей рот, прежде чем она издала еще хоть какой-то звук.

— Не расстраивайся, тебе не придется больше читать. — Он небрежно кинул Книгу одному из своих людей. — Держи. Может, удастся выручить за нее пару медяков.

Грязные пальцы уцепились за ее пояс, туника сползла, и Верикус плотоядно воззрился на обнажившуюся грудь, он сжал ее своей огромной лапой, и острая боль пронзила Стужу.

— А с титьками у нее не густо, — прокомментировал тот, что прижимал коленями ее ушибленную левую руку.

— В самый раз, — пропыхтел Верикус.

Стужа оцепенела, проклиная свою беспомощность. Она закрыла глаза, сдерживая слезы, стараясь отрешиться от того, что грубые руки лапают ее тело.

И тут утехи мерзавца прервал рев какого-то неизвестного существа. Верикус

вопросительно взглянул на других. Но те лишь недоуменно пожимали плечами. Таинственный звук послышался снова. Лежа на спине, она почувствовала, как задрожала земля. Прижав к ней ухо, Стужа уловила топот копыт, он был все ближе. Она изогнулась, пытаясь взглянуть на дорогу. В третий раз она услышала рев неведомого существа. И вдруг ее мучители вскочили, хватаясь за оружие и призывая своих богов.

Стужа перевернулась, всматриваясь туда, откуда слышался рев.

Это был огромный зверь, ужас ночи, поднявшийся из глубин ада. Его грива развевалась, хвост бичом рассекал воздух. Там, где должны были быть глаза, диким пламенем горели два раскаленных угля, а изо лба, блестя обсидианом, торчал гигантский, длиной в руку, витой рог.

Опустив голову, единорог с победным ревом протаранил ближайшего к нему разбойника, наколов его на свой рог, и тот, вопя, перелетел через спину зверя и приземлился в кустах.

Стужа потрясенно смотрела во все глаза, потом запахла тунику и подобрала меч. Как бы ни был опасен этот немыслимый зверь, нельзя упускать случай свести счеты с ее обидчиками, и она выбрала того, что стоял рядом.

— А ну повернись ко мне, сволочь!

Разбойник с кинжалом обернулся. Ее меч разрубил шею и плечо, фонтаном брызнула кровь. Что-то выпало из его безжизненных пальцев. Книга Последней Битвы, хвала богам! Стужа подхватила ее и спрятала обратно под тунику. Она так жаждала мести, что чуть не забыла о Книге.

Однако Стужа снова обратила на себя внимание. Один из разбойников, с перекошенным от страха бледным лицом, переводил взгляд с единорога на нее и обратно. Потом он, очевидно, решил, что она куда более слабый противник, и, сделав выпад, попытался ударить ее своим длинным кинжалом. Но меч Стужи был длиннее, и она с легкостью отразила удар. Он снова отчаянно бросился на нее. Она увернулась и тоже сделала выпад, но разбойник был осторожен и парировал его. Снова обмен ударами, и разбойнику удалось обойти ее, теперь дорога для него была открыта. Он бросился наутек, но Стужа догнала его. Захлебнувшись криком, он повалился в грязь, сраженный точным ударом. Она в последний раз заглянула в его полные ужаса глаза и проткнула горло острием меча.

Вопль заставил ее обернуться, смертоносные копыта единорога разможили кому-то голову. Зверь вновь кинулся на поверженного, расплющив ему грудную клетку.

Она огляделась. Остался лишь Верикус. Он тоже смотрел на нее, потом выдернул меч из руки своего мертвого пособника. Он стоял, держа в каждой руке по мечу и переводя взгляд с нее на единорога. А тот, храпя, рыл копытом землю, потом двинулся на главаря. Зверь тряхнул гривой, вздымая обагренный кровью огромный рог. Однако он не стал нападать, — похоже, Верикус получил передышку.

— Ведьма! — проорал он истерически. — Все мои парни погибли!

Стужа не сводила с единорога настороженного взгляда, но желание убить Верикуса пересилило. Она начала медленно приближаться к нему, стягивая со спины щит и поднимая его в правой руке.

Верикус разразился бранью:

— Проклятая тварь! Чтоб тебе провалиться в преисподнюю заодно с этим демоном!

Она остановилась и посмотрела на единорога. Верикус стоял между ними. Если она его убьет, не набросится ли зверь на нее?

— Вы положили всех моих ребят на пару с этим чудищем, думаешь, твоя взяла, ведьма? Черта с два! Старика Верикуса так просто не возьмешь!

Он поднял один меч и изо всех сил метнул в нее. Она не стала уворачиваться, лишь небрежно подставила свой клинок. Меч разбойника, блеснув в воздухе, отлетел в сторону и шмякнулся в грязь.

Но, похоже, это не понравилось единорогу. Опустив голову, он двинулся на Верикуса, и тот, отступив, самонадеянно попытался поразить зверя в голову и повернулся к Стуже спиной. Стужа не стала медлить. Ее меч вошел ему между лопаток по самую рукоять.

Единорог остановился на полпути, тряс огромной головой.

Широко распахнув глаза, изумленный Верикус потрогал торчащее из груди острие меча, пробившего его тело насквозь, и охнул, не в силах поверить в случившееся. Кровь

побежала по его волосатой груди. Он поскреб ее когтями, потом поднес руки к глазам. Лицо разбойника исказилось.

— Тебе удалось меня прикончить... Будь ты проклята, ведьма!

Ноги у него подкосились, и, задохнувшись, он рухнул.

Единорог медленно подошел к нему и понюхал растекшуюся лужу ярко-красной крови. Потом посмотрел на Стужу и захрапел. Ничего нельзя было прочитать в его глазах. Безоружная, она никак не сможет ему противостоять, если он нападет. Она озиралась в поисках оружия. Меч Верикуса лежал слишком далеко. Тогда ее рука легла на рукоять Жала Демона, кинжал все же лучше, чем ничего.

Но что-то изменилось в облике единорога. Дикий огонь в его глазах стал гаснуть. Зверь беспокойно переступал среди тел разбойников и косил на нее глазом. Наконец он склонил голову и робко направился к ней.

Стужа напряглась и потянула из ножен Жало Демона. Будто почуяв, что она боится, единорог остановился и заглянул ей в глаза, и тогда она увидела, что они лучатся мягким теплом.

Ее пальцы разжались, и она отпустила рукоятку кинжала.

Весь в запекшейся крови, его рог плавно скользнул ей под руку, и зверь ткнулся ей носом в ладонь, она почувствовала его нежное дыхание. Она осторожно провела рукой между его загадочными глазами вниз по широкой морде. По шкуре единорога пробежала дрожь, когда она почесала его длинную шею. Стужа пропустила сквозь пальцы струящуюся гриву, ее прикосновения становились все более смелыми. Его стройные ноги были само совершенство, быстрые и сильные копыта, гораздо крупнее, чем у обычной лошади, отливали синевой, как и смертоносный рог на лбу. Хвост стелился по земле, густой и шелковистый.

Она коснулась витого рога и, замирая от страха и любопытства, провела по нему рукой. Краем плаща она оттерла с него кровь, и он снова блеснул на солнце.

Просто удивительно, как быстро они подружились. Такие животные существуют лишь в сказаниях, говорила она себе, или в аду. Неужели одно из них стоит перед ней и лижет ей пальцы?

Случайно она задела рукой серебряную рукоятку Жала Демона и вдруг вспомнила слова Незнакомца. Второе оружие против Зарад-Крула попадет к ней по собственной воле, не единорога ли он имел в виду? Она решительно схватилась за спутанную гриву и вскочила ему на спину. Он метнулся в сторону, но тут же встал смирно. Стужа облегченно вздохнула. Она всерьез опасалась, что он сбросит ее, а может быть, даже растопчет. Но единорог оказался совсем ручным, трудно было поверить, что не так давно он убил двух человек.

Она спрыгнула на землю, чтобы вытащить свой меч из тела Верикуса. Ухватившись за рукоять обеими руками, она с усилием высвободила клинок и вытерла его о рукав мертвеца. Стужа опять взобралась единорогу на спину. Когда наступит ночь, ей не придется снова идти к Шазаду пешком.

— Пстой, — раздался слабый голос. — Прошу тебя.

Она обернулась. Человек, которого Верикус называл своим сыном, приподнялся на локте и помахал ей кровоточащей культей.

— Помоги мне, — взмолился он.

Она всмотрелась в его лицо и внезапно вспомнила ненавистное лицо другого юноши, ее родного брата. Они были похожи, примерно одного возраста, она так же стояла когда-то, склонившись над ним, и с ее меча капала его кровь.

— Что ж, я могу тебе помочь. Выпущу тебе кишки, и ты умрешь быстро и легко.

— Ты ведь не бросишь меня здесь умирать. — Он захныкал, тыча в нее обрубком. Красная струя затекала ему в рукав, под ним собралась уже целая лужа. Кровь медленно впитывалась в землю.

Стужа внимательно смотрела в его мертвенно-бледное лицо. Если рану прижечь и забинтовать, он, может, и выживет, но в этом она сомневалась. Ей приходилось раньше

видеть такие раны у воинов ее отца. Почти всегда кровь превращалась в яд и кожа вокруг раны приобретала зеленоватый оттенок. Смерть была медленной и мучительной. Ей было все равно, умрет он или нет. За ней числились и куда более тяжкие грехи.

Она тронула каблуками бока единорога, и они отправились в путь.

— Но как же так? — услышала она пронзительный крик. — Этого не может быть! Женщина и лошадь — и я убит!

Это заставило ее остановиться и в недоумении обернуться. Он что, слепой или совсем спятил от отчаяния? Назвать ее боевого друга лошадью! Верикус называл единорога чудовищем, остальные тоже.

И вдруг она резко развернулась, подъехала к юноше и наклонилась к нему со спины единорога. Юный разбойник сел, испытующе глядя на нее полными надежды глазами.

— Может быть, я и помогу тебе... Если ответишь мне на один вопрос.

Он с готовностью закивал.

— На какой лошади я сажу верхом?

Он тупо уставился на нее, и она повторила вопрос.

— Отвечай, если хочешь, чтобы я помогла тебе.

Его губы осторожно растянулись в улыбке.

— Ну, это большой черный жеребец.

Она задумалась над его словами, потом вынула из ножен меч и вонзила его прямо в сердце юноши. Быстрая смерть — это даже больше, чем он заслуживал.

Дорога через Итай Калан тянулась на север. Паутина, поблескивающая на верхушках старых деревьев, появлялась все реже, а вскоре и вовсе исчезла. Больше не попадались древние, замшелые стволы, она приближалась к опушке леса. Ветер донес запахи людского жилья. Солнце уже садилось, когда она выехала из леса и посмотрела через Гаргасскую долину на ворота Шазада.

Она похлопала единорога по холке, шепча имя, которое она придумала для него, — Ашур, в честь эсгарийского бога войны. Сейчас этот зверь может создать ей определенные неудобства. В городе его необычные глаза, блестящий рог, пожалуй, привлекут внимание; а толпы зевак ей ни к чему. Она перебросила ногу через шею Ашура и прыгнула на землю.

Сорвав пучок травы, Стужа протянула его своему новому Другу.

— Ты подождешь меня? — прошептала она.

Ашур без особой охоты пожевал угощение.

Опасаясь, что он пойдет за ней, она, пятась, отступила на несколько шагов. Ашур поднял голову и с укором посмотрел на нее.

— Я вернусь, — пообещала она.

По-видимому, это его успокоило, и, размахивая хвостом, он принялся щипать сочную траву.

Стужа пошла к воротам. Заходящее солнце окрасило их багрянцем. Прищурившись, она посмотрела на гаснущее светило и с неудовольствием отметила, что оно напоминает ей глаз Зарад-Крула. Ее шаги поднимали легкие облачка пыли. Эта долина вошла в народные предания. Триста лет назад эсгарийские ведьмы благодаря своему искусству разбили здесь войско Роларофа и тем спасли эсгарийскую армию от сокрушительного поражения.

Ворота Шазада никогда не закрывались. Стены были возведены лишь для того, чтобы в случае необходимости защитить город от разграбления, а вовсе не для того, чтобы препятствовать притоку денег, так что у ворот никогда не было стражи. Закрыв лицо капюшоном, она прошла под низкой аркой и оказалась на широкой улице. Повсюду, распространяя зловоние, валялись мусор и отбросы. Стужа поморщилась.

Как удачно, что она появилась здесь именно сейчас: было слишком поздно для честных граждан и слишком рано для всякого сброда. На улицах ей встретилось всего несколько человек, которые даже не попытались заговорить. Чужестранцы беспрепятственно проникали в город и свободно перемещались. Никто не лез в их дела.

Наконец она нашла постоянный двор. Топорно сделанная вывеска гласила: «Скорбящая

вдова». Ну и название, подумала она, но все-таки вошла. У коновязи Стужа заметила трех лошадей. Хочешь не хочешь, а от компании никуда не деться. Она плотнее завернулась в плащ. Последние лучи солнца отбросили ее тень на пол таверны. Внутри было всего четыре посетителя, они мельком взглянули на нее, и она скрыла улыбку: ее позабавило, что они не узнали в ней женщину.

Стужа села на табурет за длинным деревянным столом, сняла щит и прислонила его к стене, чтобы он был под рукой. Крайне невежливо оставаться при мече, но она все-таки ухитрилась запихнуть его ногами под стол.

Хозяин таверны, маленький суетливый человечек, поспешил к ней. Стужа обратила внимание на то, что он то и дело посматривает на троих мужчин, сидевших в дальнем конце помещения у нерастопленного камина.

— Чего изволите, сударь?

Она постаралась говорить низким голосом.

— Комнату, где можно было бы спокойно выспаться. Но сначала принеси мне чего-нибудь промочить горло, да желательно покрепче воды, и закусить.

Звякнули два золотых коргота. Хозяин ловко подхватил их.

— А скажи-ка мне, — поинтересовалась Стужа, — почему ты назвал таверну «Скорбящая вдова»?

Хозяин кинул взгляд на тех троих:

— Вот перепьются гости, и конец мне, быть моей хозяйке скорбящей вдовой.

С этими словами он поспешно скрылся.

Стужа подперла голову рукой и присмотрелась к гостям, пряча глаза в тени капюшона. Один из них был, похоже, уже довольно стар. Оборванная одежда была покрыта пылью. Склонившись над чашей с поссетом, он пытался поест, но двое других, расположившись у него по бокам, всячески ему мешали.

Стужа как следует их рассмотрела. Оба сильные, хорошо сложенные молодые мужчины, у них был одинаковый цвет волос. Должно быть, братья. Узкие короткие штаны и кожаные куртки без рукавов были прекрасно сшиты и свидетельствовали о богатстве тех, кто их носил. У обоих были мечи, но при тусклом свете она не могла разглядеть, насколько они хороши. Зато она оценила их пояса, поблескивающие драгоценными камнями. Вероятно, они знают, как уберечь эти побрякушки в городе воров, а значит, искусно владеют мечами.

Вдруг братья разразились грубым смехом. Один из них с размаху так сильно хлопнул старика в плечо, что тот свалился с табурета. Второй схватил его чашу и перевернул, выливая содержимое на стол.

Стужа молча наблюдала за ними, у нее возникло дурное предчувствие. Старик с опаской вернулся на свое место. Дрожащей рукой он собрал обратно в чашу все, что мог соскоблить со стола, и вновь принялся за еду.

Братья покатались со смеху. Они хлопали себя по коленям и дубасили друг друга по спинам, потом снова стали тормошить старика.

Хозяин вернулся с тарелкой мяса, овощами и бутылкой вина. Она не ожидала такой роскоши.

Стужа сделала большой глоток, чтобы смыть пыль, осевшую в горле, и накинулась на мясо. Хозяин стоял рядом и смотрел, как она ела, желая угодить. Тем не менее он не спускал глаз с братьев. Они не на шутку разошлись, и Стужа почти осязаемо ощущала страх хозяина.

Она тронула его за рукав и кивнула на троих. Невесело вздохнув, он опустил на табурет напротив нее.

— Это старшие сыновья нашего бургомистра, лорда Рольфа, — прошептал он, — вот тот Тан, а другой Чейви. Они уже целый час издеваются над стариком. Ни стыда ни совести. А он, между прочим, хорошо платит.

— Так вышвырни их, — предложила Стужа.

— Сыновей бургомистра? — Он покачал головой.

Она пожала плечами и вновь принялась за еду. Какое ей дело до наглых выходок

избалованных отпрысков лорда Рольфа, да и старик ей никто.

Но хозяин наклонился к ее уху:

— Между нами говоря, этих двоих давно пора проучить. Старик не сделал им ничего плохого.

Издавательский смех становился все громче. Чейви вновь опрокинул чашу, а Тан вылил старику на голову бокал вина. Когда хозяин кинулся вытереть стол, Тан грубо оттолкнул его:

— Не суй нос не в свое дело, если не хочешь остаться без него.

Чейви ударил хозяина кулаком в лицо, и тот плюхнулся на табурет рядом со Стужей. Наконец старик заговорил:

— Зачем же обижать нашего хозяина? Ведь он ничего вам не сделал.

Братья удивленно воззрились друг на друга. Чейви схватил старика за горло и поднял на ноги:

— Ты еще будешь указывать нам, что делать, оборванец?

— А я думал, он вообще немой, — сказал Тан.

Старик промолчал.

— Ты что, считаешь, что говорить с нами — ниже твоего достоинства? — проорал Чейви и тряхнул свою жертву.

— Невежливо так обращаться с сыновьями бургомистра, — пожурил старика Тан. — Ведь так, брат?

Чейви злобно ухмыльнулся, старик полетел через стол и растянулся на полу недалеко от Стужи. Тан и Чейви подошли к нему.

Теперь уже Тан принялся за старика. Но в спешке он толкнул стол, за которым сидела Стужа, и разлил ее вино. Она дала ему хорошего пинка, он отлетел к стене и врезался в нее головой.

— По-моему, тут кое-кому другому стоит поучиться хорошим манерам, — сказала она.

Предвкушая новое развлечение, Чейви пришел в восторг, глядя, как его брат, качаясь, поднимается на ноги.

— Дерьмо собачье! — заорал Тан на нее, вытирая кровь со лба. — Ты за это заплатишь! — И он направился к ней, угрожающе сжимая кулаки.

Она же собиралась ни во что не ввязываться, запоздало вспомнила Стужа. Она достала меч и поднялась. Старик молча встал рядом с ней. Смех Чейви резко оборвался, но он не стал вмешиваться. Сидящий в своем углу хозяин был на грани обморока.

— Так вот, значит, как! — Тан вынул меч. — Сейчас я перережу тебе глотку!

Зажатая между двумя столами, Стужа занимала неудобную позицию. Грациозно перемахнув через свой стол, она встала на свободное место.

— Ну что, проучим того, кто сует нос не в свое дело? — сказал, обращаясь к брату, Тан.

Но Чейви покачал головой:

— Да этот коротышка на две головы ниже тебя. Ты обойдешься и без моей помощи, — проговорил он насмешливо, почти шутливо.

Стужа увидела ухмылку на его лице. Она бросила взгляд на свой щит. Он по-прежнему стоял у стены, воспользоваться им не удастся. Несмотря на то что было мало места, она все-таки взяла меч двумя руками. Ее учитель не одобрил бы такого способа ведения боя. «Щит всегда является преимуществом», — говаривал он. Но она опровергла его слова самым решительным образом в тот день, когда не стало ее брата.

Плащ будет только мешать. Она дернула завязки на шее, и плащ упал на пол. Она ногой отправила его под стол.

— Это женщина! — вскричал Тан.

Стужа не стала медлить и тут же воспользовалась его замешательством. Блеснул меч, и клинок Тана отлетел в сторону. Она с улыбкой приставила острие меча к груди своего противника. Один и тот же трюк второй раз за день.

— Это нечестно, — запротестовал он.

— Честность — для дураков.

Стужа слегка надавила. Острые проткнуло его безрукавку и поцарапало кожу. Показалась кровь, он негромко вскрикнул от боли.

— Может быть, ты извинишься перед стариком?

Тан стал пунцовым, но ничего не ответил. Стужа нажала сильнее. Чейви стоял рядом, заходясь в истерическом смехе и осыпая своего брата насмешками.

— Ну? — настаивала она.

— Я... я прошу прощения, — промямлил Тан.

Она отступила назад и увидела, как в глазах Тана вспыхнула ненависть. Глупо было унижать его, и еще глупее — оставлять в живых. Но на сегодня ей хватит смертей.

Тан потер рукой царапину на груди, размазывая кровь. Заметив кровь, он уставился на свою руку.

Стужа бросила взгляд на плащ и наклонилась, чтобы поднять его. И тут же пожалела об этом. Схватив меч, Тан с диким криком ринулся к ней. Стужа едва увернулась. Удар обрушился на столешницу, и в воздух полетели щепки. Тан снова повернулся к ней:

— Ты дура! Надо было убить меня, когда у тебя был шанс.

Стужа промолчала, она знала, что он прав. Ведь ее же учили: раз обнажила меч — убей. Что ж, эту ошибку можно исправить. Она спокойно стояла, словно приглашая противника напасть на нее.

Тан сделал выпад, но она с легкостью отбила удар. В глазах ее противника вспыхнула ярость, и в то же время Стужа почувствовала, что этому человеку нравилось убивать. Чем дальше, тем сильнее он входил в раж, выкрикивая проклятия и хвастливые ругательства. Он бросался на нее, как берсеркер. Столы были опрокинуты, вокруг валялись табуреты. Звон мечей и крики Тана были слышны на соседней улице, а вот Стужа дралась молча, она берегла дыхание.

Девушка двигалась словно кошка, изматывая противника постоянным перемещением с места на место. Она снова и снова отбивала его удары, однако стараясь экономить силы, только защищалась и не пыталась нападать сама. Но все же Тан был сильнее, и ему удалось сломить ее оборону. Хотя она успела в последний момент отразить его удар, на плече у нее остался глубокий ярко-красный порез.

— Ха! — торжествующе вскричал он. — Из этой коровы можно надоить крови!

Ослепленная внезапной яростью, она кинулась на него, бешено размахивая мечом, и распорол ему живот. Она заглянула Тану в глаза и увидела, что в них появился страх. Неистовство берсеркера оставило ее противника. Но Стужа не чувствовала к нему жалости, и в следующий момент она полоснула его по правой руке.

Забывший в пылу схватки, старик вдруг предостерегающе вскрикнул. Даже не оглянувшись, она отпрыгнула в сторону, а затем услышала свист и увидела тень меча, разрубающего воздух в том месте, где она только что стояла.

Теперь у нее было два противника, и один из них полный сил. С нее градом катился пот. Помещение было слишком тесным, чтобы сражаться с двумя. Она плясала вокруг Тана, стараясь держаться так, чтобы он находился между ней и Чейви. Но братья были опытными и умелыми бойцами. Хотя она могла сдержать натиск любого из них, вместе они одолеют ее. Стужа почувствовала спиной стену, они загнали ее в угол.

Она была на волосок от гибели. Она отчаянно бросилась вперед и, перекувырнувшись, встала слева от Тана. Ее меч описал широкую дугу, она вложила в этот удар всю свою силу.

Кость раскололась прежде, чем Тан почувствовал боль. Он рухнул на пол и лишь тогда закричал. Его левая нога была перерублена. Чейви застыл с искаженным от ужаса лицом. Кровь его брата растекалась по полу темной лужей, заливая ему сапоги.

Стужа отступила, радуясь возможности перевести дух. Если Чейви прекратит схватку, чтобы позаботиться о брате, она не будет против. Но, видно, не судьба.

Чейви торжественно обмакнул руку в кровь брата и размазал ее себе по лицу, затем

нанес ее на свой клинок и произнес спокойным, зловещим голосом:

— Один из нас должен смешать свою кровь с его кровью. Ты или я.

Стужа ждала. Чейви напал первым. Снова начался бой, однако на этот раз не было слышно ни проклятий, ни пустого бахвальства. Лишь звон мечей и тяжелое прерывистое дыхание.

Стужа прекрасно владела мечом, но она все-таки уступала Чейви в силе. А кроме того, сказывалась усталость от долгой дороги, и схватка с Верикусом и его шайкой давала о себе знать. Очень скоро она почувствовала, что ей все труднее поднимать руку, и все чаще и чаще на нее накатывали волны страха, когда ей едва удавалось парировать удар. Чейви то и дело открывался. Будь она в хорошей форме, он был бы уже покойником, но сейчас она двигалась слишком медленно. Так или иначе, рано или поздно, но это закончится. Она из последних сил отчаянно бросилась на него.

Чейви ответил бешеным натиском. Стужа споткнулась, и эта заминка чуть было не стоила ей жизни. Клинок Чейви летел на нее, она не успевала увернуться и подставила меч. Это было состязание в силе, и выйти из него с победой у Стужи не осталось никаких шансов. Удар Чейви был так силен, что рука у Стужи онемела, и она выронила меч.

Измазанное кровью лицо Чейви скривилось в усмешке. Он занес меч для последнего удара. Она смотрела на опускающийся на нее клинок и уже видела свою смерть. И все же она не собиралась сдаваться. Правой рукой она нащупала Жало Демона и рванула его из серебряных ножен.

Жуткий крик сотряс дом. Он раскатывался эхом, и в нем звучала жажда. Жажда крови.

До Стужи вдруг дошло, что кинжал был магический, и она чуть не выронила его. Жало Демона задрожало, и она сильнее сжала его рукоятку.

Только что Чейви был столь близок к тому, чтобы отомстить ей, и вдруг остановился как вкопанный и уставился на колдовское оружие. Она увидела, как меч дрогнул у него в руке.

В памяти вспыхнули слова Незнакомца: «Обнаженный кинжал потребует крови, либо крови врага, либо твоей».

Чейви стоял с открытой грудью, и невозможно было не принять это приглашение. Она замахнулась и вдруг увидела, что ее противник оцепенел от страха, он не шелохнулся бы даже для того, чтобы защититься. Широко открытыми глазами он заворуженно смотрел, как лезвие входит в его сердце.

Жало Демона умолк, но через мгновение Чейви, словно подхватив душераздирающий вопль кинжала, с диким криком повалился на пол.

Разинув рот, Стужа уставилась на этот небольшой кинжал, стараясь не терять головы. Он заставил ее убить. Даже окровавленный, он блестел каким-то странным особенным блеском.

Ее первой мыслью было отшвырнуть его и бежать. Но возбуждение от битвы прошло, а вместе с ним испарился и страх. Его пересилили чутье ведьмы и здравый смысл, присущий воинам. Незнакомец дал ей этот кинжал не просто так. Жало Демона нельзя бросить. Она убрала его в ножны.

«Подходящее название», — подумала она.

Раздался стон. Кажется, Тан еще был жив. Хозяин гостиницы стоял перед ним на коленях, пытаясь перетянуть ему рану своим фартуком и остановить кровь. Разумеется, он боялся мести бургомистра, если тот узнает, что два его сына погибли в этой таверне.

Старик, из-за которого все началось, подошел к Стуже, протянул ей меч и набросил на плечи плащ.

— Пожалуй, самое время уносить отсюда ноги, — прошептал он. — У них есть еще два брата и папаша, весьма вспыльчивый. За нами обязательно будет погоня.

Она заковыляла к двери. С мечтой о мягкой постели пришлось распрощаться. Ее заменит жесткая земля, если ей вообще удастся уснуть этой ночью.

— Стойте! — кричал хозяин. — Ущерб...

Тьма поглотила Шазад. На улице у таверны собрался народ. Все хотели узнать, что случилось.

Стужа натянула капюшон, пытаясь протиснуться сквозь толпу, но люди сжали ее со всех сторон, забрасывая вопросами. Однако ей нечего было бояться, ведь она всего лишь женщина, а меча под плащом не видно. Стужа думала только об одном: как бы побыстрее убраться отсюда. Вдалеке раздались испуганные крики. Собравшиеся у «Скорбящей вдовы» начали в панике разбегаться, о Стуже тут же забыли. Люди выбегали из-за угла, в ужасе оглядываясь назад.

И тут показался Ашур. Его глаза горели, рог сиял в лунном свете. Это Ашур обратил в бегство толпу.

Старик прошептал:

— Не беспокойся, они видят взбесившуюся лошадь и боятся, что она их затопчет, — только и всего.

Улица постепенно опустела. Ашур проскочил мимо Стужи, резко остановился и развернулся. Она ухватила за его спутанную гриву и вскочила к нему на спину.

Единорог неся по булыжным мостовым, и искры летели у него из-под копыт. Они выскочили за ворота. Шазад остался далеко позади. Задыхаясь, Стужа обернулась и увидела, что старик скачет за ней на одной из тех лошадей, что были привязаны у постоянного двора.

При полной луне они мчались по Гаргасской равнине на запад. Ашур был не намного быстрее обычного коня, зато обладал сверхъестественной выносливостью, и гнедая лошадка, на которой скакал старик, прилагала поистине героические усилия, чтобы не отставать от него.

Они долго скакали в ночи без всякого отдыха.

* * *

Над Шазадом вспыхнул огромный красный глаз и принялся ощупывать город в поисках Книги Последней Битвы или той ауры, что он смутно уловил в Великом Лесу.

В небольшой таверне он напал на след этой ауры, оставшейся на щите. Щит был сделан эсгарийским мастером.

Глава 3

Кутаясь в плащ, она смотрела на яркое пламя костра. Порывистый ветер поднимал искры и горячую золу, унося их в ночь. Он развеивал спутанные волосы Стужи, и они хлестали по лицу. Никогда еще она так не уставала, однако уснуть ей никак не удавалось. Ее мучили кошмары, страшные видения преследовали Стужу и наяву. Она оглядела темные пятна на рукавах. Ее спутник стоял невдалеке у края обрыва, которым заканчивалась площадка на холме, где они устроили привал, и смотрел на равнину внизу. Ветер трепал на

нем лохмотья, он обхватил себя руками за плечи, пытаясь согреться.

Наверное, у нее осталась какая-то доля колдовского чутья, поскольку она ощутила, что за ними гонятся. Однако было бесполезно вглядываться в темноту, а старик слишком замерз на ветру. Она позвала его к костру.

— Как плечо? — спросил он, устраиваясь у огня.

Стужа коснулась раны и поморщилась. Адская боль. Она почувствовала, как лопнула корочка запекшейся крови.

— Жить буду, — объявила она. — Но, думаю, зря. Впереди меня не ждет ничего хорошего.

Она стала рассматривать своего нового знакомого в неверном свете костра. Не так уж он и стар. Хотя виски уже поседели, на лице только начали появляться морщины. Взгляд темных, глубоко посаженных глаз еще сохранял живость. Она посмотрела на его руки. Они были грязными и обветренными, но кожа на них была довольно гладкой.

— Как твое имя?

Он пожал плечами, не отводя взгляда от огня:

— С тех пор как я покинул родину, у меня было много имен, и не все они лестные. Называй меня просто Старик.

Они замолчали, только завывание ветра нарушало тишину. Костер начал затухать, и Стужа подбросила в него последнее полено.

— Я думал, эсгарийцы запрещают своим женщинам носить оружие, — небрежно заметил он.

Стужа вздрогнула от неожиданности:

— Как ты узнал, что я эсгарийка?

— Ты хорошо говоришь на роларофском, почти без акцента. — Старик улыбнулся. — Но только «почти».

— Для старика у тебя острый слух.

Резкий порыв ветра разметал костер, унося дым и искры в сторону обрыва. Старик отодвинулся от огня и подсел к ней. Она прижала колени к груди и обняла их.

— Если можно, я повторю вопрос. Что заставило эсгарийскую женщину взять меч, несмотря на законы и обычаи ее народа?

Она отвела глаза:

— Мне совершенно не хочется об этом говорить.

— Я чувствую, как ты страдаешь, — мягко сказал он. — Поговорим, и тебе станет легче.

Она ударила кулаком по земле, морщась от острой боли в раненом плече.

— Вовсе я не страдаю и не собираюсь ни о чем говорить, — прошипела она. — По крайней мере с незнакомцем, который отказывается назвать свое имя!

Промелькнувшая тень на мгновение закрыла луну. Стужа взглянула на небо, на нем не было ни облачка.

— В третий раз за ночь, — мрачно сказал старик. — Голову даю на отсечение, за нами кто-то следит, и я не думаю, что это бургомистр Шазада.

Она кивнула:

— Я тоже видела. Это всего лишь птица.

Он покачал головой:

— Да нет, это не птица. Это посланник. Он будет рыскать, пока не найдет того, кого ищет, а потом доложит своему господину.

— Откуда ты знаешь о таких вещах? Ты что, маг или колдун?

В ее голосе послышалось презрение, хотя она и не хотела его показывать. Но ведь человек, который позволял сыновьям бургомистра издеваться над собой, наверняка не может быть магом.

— За свою жизнь я прошел немало дорог, — ответил он спокойно. — Острый слух помог мне кое-чему научиться.

В его глазах отразился огонь костра, и она заметила, что в них промелькнуло что-то странное. Старик заговорил снова:

— Ну а ты, Стужа? Хотя я знаю не так уж много, я чувствую слабую силу, заключенную в тебе.

— Когда-то я была ведьмой, — сказала она и прикусила язык. С какой стати ей откровенничать с этим старым бродягой? А впрочем, почему бы и нет? Он знает, откуда она родом, значит, ему известно, что, она посвящена в тайны Така, бога ведьм, как и все представительницы женского пола в Эсгарии. Она поклялась себе не слишком распускать язык, однако со стариком было так легко говорить, и к тому же она уже сказала ему, как ее зовут. — Но я утратила свой дар.

Ветер, бушующий на открытой площадке, где они расположились, стал холоднее. И от этого плечо у нее заболело еще сильнее. Она ближе пододвинулась к костру.

— Я называю это место Кундалаконтир — «Проклятое Ветром Место», — тихо сказал старик, пока она укутывала плащом ноги.

— Очень многие используют это слово, не понимая всего ужаса, который в нем таится.

Он пристально посмотрел на нее:

— Это и есть твоя тайна, Стужа? На тебе лежит проклятие?

— Мать прокляла меня на смертном одре. — Она закусила губу и больше ничего не сказала.

* * *

Снова чья-то тень закрыла луну, Стужа посмотрела вверх и увидела похожее на птицу существо, которое быстро пронеслось прямо над ними, рассекая крыльями воздух. Оно долго кружилось над их костром. Затем с жутким криком полетело на север и исчезло в темноте.

Старик вскочил и бросил в костер пригоршню земли, чтобы свет от него не был таким ярким. Стужа подбежала к краю обрыва и всмотрелась в темноту, царившую над равниной, сиюсь разглядеть хоть какие-то признаки погони или слежки. Ничего. Она поспешила обратно к своему попутчику.

Ветер утих, и все замерло.

— Я уезжаю отсюда, — вдруг объявила она. — Нас слишком легко заметить на этой площадке.

— Согласен, — сказал старик. Он угрюмо вглядывался в небо на севере. — Здесь беспокойно, кто-то пытается отыскать одного из нас. — Он многозначительно посмотрел на нее. — И я не знаю, кого именно.

Неподалеку паслись Ашур и гнедая кобыла старика. Стужа тихо свистнула. Единорог прискакал к ней, кобыла за ним.

— Какое красивое животное, — похвалил Ашура ее попутчик. — Я ни разу в жизни не видел такого жеребца.

Стужа спрятала улыбку. Кажется, еще для кого-то Ашур всего лишь конь. Но Верикус и его погибшие люди видели чудовище. Только сын разбойника назвал его конем.

Когда-то наставник сказал ей, что перед смертью чувства обостряются. Возможно, он даже не догадывался, насколько его слова соответствовали истине. Вероятно, перед лицом неминуемой гибели даже обычный человек способен развеять чары...

Но почему же она тогда видит единорога? Не потому ли, что он был предназначен именно ей? А может, потому, что ее собственный конец уже предопределен и стремительно приближается? Она не знала ответа.

Они взобрались на своих скакунов и разыскали тропу, по которой можно было спуститься на равнину. Но едва они начали спуск, Стужа резко остановила Ашура.

— Мой щит! — вскричала она. — Я забыла его в Шазаде!

— Ничего не поделаешь, — твердо сказал старик. — Шазад остался далеко позади, и возвращаться туда слишком опасно.

— Одну за другой я растеряла все вещи, принадлежавшие моему отцу: лошадь, седло, а теперь и щит с гербом. Мое прошлое слетает с меня, как шелуха.

Старик направил свою лошадь вниз по тропе.

— Нам нужно поспешить, если ты хочешь, чтобы у тебя появилось будущее. Опасности преследуют нас по пятам.

«И впереди у нас одни опасности, — подумала она. — Чем же люди так прогневили богов?»

Спустившись к подножию холма, они повернули на север. Их окружал мертвый пейзаж, залитый светом луны. От постоянной тряски у Стужи страшно разболелась рана, ветер хлестал ей в лицо, но они не сбавляли скорости.

Когда она наконец подала знак остановиться, луна уже скрылась за горизонтом, и какой-то странный, словно потусторонний, свет разлился в небе. Ашур был весь в мыле, а маленькая лошадка совсем выбилась из сил, она хрипела и задыхалась. Путники спешили и медленно пошли по унылой пустынной равнине.

Далеко на севере виднелась призрачная остроконечная вершина горы Друд.

— Вот от чего надо держаться подальше, — с трепетом произнесла Стужа. Некоторое время она задумчиво разглядывала одинокую вершину. Потом с глубоким вздохом повернулась лицом к западу, туда, где лежал Шондо.

— Шондо! — прошептал старик, когда понял, куда они держат путь. — Что нужно тебе в том неведомом краю?

— Я ищу одного человека, — ответила она. — Если боишься, уходи.

Он натянул капюшон, закрывая лицо.

— Ты не бросила меня там, во «Вдове», разве я могу бросить тебя сейчас?

— Это было бы благоразумно.

Он ничего не ответил, но без колебаний продолжал двигаться вперед.

* * *

Незадолго до рассвета огромный жирный ворон влетел в окно личных покоев колдуна Зарад-Крула и уселся на череп идола какого-то безымянного бога. На троне, вырубленном из черного обсидиана, сидел Зарад-Крул и, держа на ладони рубиновый шарик, смотрел сквозь него на свет. Вращая глазами, ворон почистил клювом перья и нагадил на голову идола. После этого он соскочил на пол и, расхаживая перед троном, принялся говорить на каком-то отвлеченно звучащем языке.

Зарад-Крул выслушал его. Затем его лицо перекосилось в подобии улыбки.

* * *

Когда солнце было уже высоко, Стужа и старик наконец решили сделать привал в небольшой роще. Прохладная вода из ручья утолила их жажду, но все, что они смогли найти поесть, — это пригоршня кислых ягод.

Она устало села на траву, прислонившись к стволу молодого деревца, и стала наблюдать за своим спутником, заинтересовавшимся какими-то листьями у ручья. Он сорвал их и наклонился к воде, чтобы смыть с них пыль.

Стужа осторожно потрогала плечо. Она давно уже не могла пошевелить левой рукой, и боль по-прежнему была сильной. Несколько лет назад она видела, как человек лишился руки. Малоприятная перспектива. Она заставила себя думать о чем-нибудь другом.

Тяжелая книга, спрятанная под туникой, давила ей на живот, и Стужа достала ее. Старинный кожаный переплет нагрелся от ее тела, она рассмотрела вырезанные на нем руны. Интересно, что здесь написано? Стужа поковыряла замок, с виду он был очень древним. Она попробовала просунуть между страницами палец, потом меч, но замок не поддавался. Тогда она отложила Книгу и задремала.

Стужа услышала плеск и, открыв глаза, увидела, что старик спешит к ней, неся что-то в руках. Она подвинулась и закрыла Книгу бедром.

На широком листе лежал ил с берега ручья, смешанный с растертой травой и листьями. Аккуратно положив эту бурую кашу на землю, старик потянулся к ее руке.

Она отпрянула:

— Что ты собираешься делать?

— Тебе больно, — сказал он коротко. — Я же вижу.

Нет смысла спорить. Она не могла согнуть руку, а когда попыталась сжать кулак, пальцы лишь свело судорогой.

Старик оторвал у нее рукав, открыв глубокую рану. Хотя он старался действовать осторожно, в глазах у Стужы появились слезы. Окуная пальцы в смесь, старик накладывал ее на воспалившуюся рану. Грязь приятно холодила.

— Это облегчит боль и вытянет все яды. Нам повезло, что мы наткнулись здесь на нужные травы.

Она глубоко вздохнула, и он размазал смесь по руке и плечу. Жаркое солнце быстро ее высушило, превратив в твердую корку, и это было довольно приятное ощущение.

— Пахнет полевыми цветами и лесными травами, — сказала Стужа, приносясь.

— Целебными травами, — ответил он и поднялся. — А теперь отдыхай, и пусть они сделают свое дело. Тебе нужно поспать, а я посторожу.

Стужа откинулась, прислонившись спиной к дереву. Станный запах обволакивал ее. Глаза закрылись, голова упала на грудь, и она погрузилась в спокойный сон без сновидений.

Когда она проснулась, солнце уже почти село. Первая бледная звезда мигала в небе. Стужа вскочила. Старик позволил ей поспать слишком долго. Она с досадой выругалась и вдруг поняла, что не чувствует боли. Она согнула руку. Ничего особенного. Пальцы тоже сгибались нормально. Она стала отскребать засохшую корку и увидела багровый шрам. Рана затянулась.

Стужа стала оглядываться, ища глазами своего спутника. Он сидел спиной к ней у ручья, девушка направилась к нему.

Книга. Она чуть не забыла о ней. Стужа обернулась, чтобы поднять ее, и похолодела. Книжки не было. Она снова посмотрела в сторону ручья, ее охватила дикая злоба. С тихим шорохом из ножен выскользнул меч.

Когда она подошла, старик поднялся и повернулся к ней лицом. В руке он держал Книгу Последней Битвы. Он молчал. Глаза их встретились.

Острие меча уперлось ему в грудь.

— Отдай, — только и сказала она.

Он не пошевелился.

— Ты знаешь, что это такое?

— Отдай, — повторила она дрожащим голосом. — Я не хочу делать тебе ничего плохого, но...

— Ты понимаешь, чем владеешь? — Его голос изменился почти до неузнаваемости, теперь он был сильным и властным.

— Понимаю, — ответила она взволнованно.

— Что ты понимаешь? — вскричал он. — Говори, женщина! Я должен знать, что именно тебе известно.

Она колебалась, не желая произносить это вслух.

— Это Книга Последней Битвы.

Он расслабился.

— Боги, — пробормотал он. — О боги! Неужели я вот так просто наткнулся на нее?

Он больше не был стариком, сгибающимся под бременем лет. Его спина выпрямилась. С благоговейным страхом он завороченно смотрел на Книгу, сжимая ее в руке. Наконец глаза его закрылись, будто он молился, а потом он открыл их и протянул ей Книгу.

— Забирай эту проклятую книгу, — прозвучало как приказ. — И уберись свой дурацкий

меч.

Она схватила Книгу и снова вложила меч в ножны.

— А что знаешь о ней ты? — спросила она.

Книга вновь исчезла в складках туники.

Хмурясь, он беспокойно расхаживал вдоль ручья.

— Я узнал, что она снова появилась в этом мире. Мой друг попросил меня помочь ему разыскать ее, но мы служим разным богам, и я отказался. Я знал, что он продолжит поиски в одиночку. С помощью волшебной чаши я несколько дней следил за ним, но, когда он пересек границу Шардаха, вода в чаше почернела. Я понял, что он в опасности, и ничем не мог ему помочь. Две ночи вода оставалась темной, а на третью появилось странное видение. Какая-то женщина, лица которой нельзя было разглядеть. Она ехала со стороны Эсгарии на свирепом звере из давно забытых времен. В руках она несла мир, на ее плечах были золотые весы, они склонялись то в одну, то в другую сторону. Ведьма и воительница, ее руки были запятнаны кровью, но в ней не было зла. Кем бы она ни была, я знал, что наши судьбы связаны, иначе она не могла бы появиться в моей чаше. В последнее полнолуние я отправился в Шазад, мне открылось, что она появится там. — Он прекратил ходить и встал, глядя ей прямо в лицо. Его глаза, как угли, жгли ее. — Ты и есть та женщина, Стужа. Я не знал, когда ты появишься. Я был готов ждать много месяцев. У меня появилась надежда на то, что наша встреча неслучайна, как только я услышал твой акцент и увидел, как ты владеешь мечом. Я окончательно убедился в этом, когда к таверне прискакал единорог.

Стужа моргнула:

— Что ты сказал?

— Ну да, — он усмехнулся, — я прекрасно знал, что Ашур вовсе не конь. У меня на родине многие обладают истинным зрением. И я тоже вижу то, что есть на самом деле, а не то, что кажется.

Не мешало бы расспросить его обо всем поподробнее, но Стужа решила пока повременить с этим.

— Зачем ты взял Книгу?

— Когда ты уснула, я увидел краешек Книги, и сразу понял, что это такое.

— Значит, ты можешь прочесть руны, написанные на ней?

— Я узнал их, вот и все, — ответил он. — Ни один человек не решится произнести это. Но скажи, как она попала к тебе?

Присев на траву, Стужа поведала ему о своей встрече с Незнакомцем, о том, как тот украл Книгу у Зарад-Крула, и о его гибели.

— Бабочки, — прошептала она. От этого воспоминания ее до сих пор бросало в дрожь.

Он печально склонил голову:

— Люди думают, что зло уродливо и отвратительно. Таким оно и является тем, кто обладает истинным зрением, а обычным людям зло видится прекрасным, что сбивает их с толку. Мой друг погиб благородной смертью.

— Благородная смерть — это уже не смерть.

— Не будем больше об этом, — сказал он задумчиво. — Но скажи мне, кого ты хочешь найти в Шондо. Мало кто осмеливается переступить границу этой страшной страны.

— Человека из Братства Черной Стрелы, — ответила она. — Человека по имени Креган.

Он вдруг затрясся от смеха.

— О боги! — вскричал он. — Надо же такому случиться! Я мог бы догадаться!

Он смеялся все громче и наконец скинул с себя свои лохмотья.

— Я слишком долго носил этот ненавистный наряд!

Его смех был совершенно неуместен. Стужа молча смотрела на него, решив, что ее новый знакомый оказался сумасшедшим.

— Посмейся и ты вместе со мной, Стужа. Боюсь, скоро нам будет не до смеха.

Но она не приняла приглашения.

— С чего бы это мне смеяться?

Его глаза странно блеснули. Он наклонился к ее лицу и, передразнивая ее суровый тон, произнес:

— Креган — это я.

Глава 4

Швырнув свои лохмотья в кусты, Креган закинул руки за голову и потянулся. Его обнаженное загорелое тело блестело в лучах заходящего солнца, он выглядел очень сильным и был совсем не стар.

Стуже не часто приходилось находиться столь близко к обнаженному мужчине. Она бесстыдно пялилась на него.

— Зачем тебе понадобилось менять внешность?

Креган вошел в ручей и стал купаться.

— Шондосийцев не очень жалуют в этих краях. Гораздо проще путешествовать, переодевшись в лохмотья. Большинство людей не видят в старике-оборванце никакой угрозы, и к тому же он слишком беден, чтобы привлечь внимание.

Закончив купаться, он достал из седельной сумки чистую одежду: узкие черные брюки и черные сапоги из мягкой кожи, тунику без рукавов, из тонкого черного шелка, с горлом, пояс в виде золотой цепи с мастерски сделанной застежкой — стрелой, знаком Братства, и, наконец, широкий плащ, украшенный каймой из вышитых золотом рун. Теперь было видно, что этот человек обладает властью и привык повелевать.

— А я-то думала, ты украл свою лошадь, — заметила она с иронией. — Кажется, я ошиблась.

Креган рассмеялся:

— К конокраду ты относишься бы большим уважением? Он подмигнул ей и ласково похлопал свою лошадку. — Я воспитал Нери из жеребенка. Если я захочу, она пронесет меня через девять кругов ада или загонит себя до смерти, чтобы поспеть за твоим волшебным скакуном.

— Да, тут ты промахнулся со своей маскировкой, — заметила она. — Разве у оборванного старика может быть такая лошадь?

Он кивнул:

— Как раз это и хотели выяснить сыновья лорда Рольфа, когда я подъехал к постоялому двору. Хоть путь из Шондо был долгим и она порядком измоталась, я все-таки не хотел бы ее терять.

С севера подул свежий ветер. Солнце село, на северо-востоке собирались темные тучи.

Книга Последней Битвы, тяжелая и теплая, по-прежнему была спрятана под туникой. Стужа бессознательно прижимала ее к себе, когда ветер развеивал одежду, ощущая ладонью сквозь ткань жесткий переплет и вырезанные на нем руны.

— Что ж, нас ждет долгая скачка в Шондо, — сказала она, вздохнув. — Тогда скажи мне, что делать с Книгой.

Она протянула ее Крегану. Он помрачнел:

— Я пока еще не знаю, что с ней делать. — Его лицо стало суровым. — Нужно скакать в Шондо. Больше делать нечего. Там есть все необходимое, а главное — люди, которые мне помогут. Если я и смогу что-то сделать с Книгой, то только там. Мы должны доставить ее в Шондо.

Ей по-прежнему ужасно не нравилась подобная перспектива. Хотя Стужа верила конкретно этому шондосийцу, его народ пользовался дурной славой, и ей было нелегко забыть об этом. Впрочем, Незнакомец в лесу доверял этим людям, а все, о чем он говорил, оказалось правдой.

— Если иначе нельзя, тогда мы теряем время, — сказала она. Ее друг задумался. Потом отрицательно покачал головой.

— Время еще есть, — произнес он спокойно. — Мы проделали долгий путь, а тебе к тому же пришлось драться. Если хочешь, можешь окунуться в ручей и освежиться.

Стужа улыбнулась, оценив его деликатность. Наверняка от нее разлило потом, а на руках и лице толстым слоем лежала дорожная пыль. Ее одежда была вся в темных пятнах крови. Даже в волосах, спутавшихся и взлохмаченных во время скачки, запеклась кровь.

— Еще совсем недавно мой отец отрезал бы язык любому, кто осмелился бы такое сказать. — Она пожала плечами, в голосе ее прозвучала грусть. — Да, времена меняются.

— Если ты стесняешься, я куда-нибудь отойду, — предложил Креган.

— Я больше никого не стесняюсь. — Она постояла, глядя через плечо на юг, туда, где лежала Эсария. — Это осталось в прошлом.

Как сказать ему? Как признаться хоть кому-нибудь в том, что она совершила?

Сложив одежду на берегу и оставив тут же Книгу и меч, она вошла в журчащий ручей. Вода была ласковой и прохладной. Стужа, будучи от природы грациозной, наклонилась вперед, просто и естественно. Густые черные волосы поднялись и закружились, словно водоворот, когда она погрузилась в воду с головой. Потом она вынырнула и начала смывать с себя грязь.

Купание подняло ей настроение. Она опустила в воду лицо, чтобы вода помассировала ей кожу, ступнями она ощущала песок и гальку на дне. Она постирала одежду, смыв с нее пыль, но бурые пятна остались видны на серой ткани.

Она иногда поглядывала на Крегана, чувствуя, что он не спускает глаз с ее обнаженного тела. Он сидел на берегу, и ей забавно было наблюдать, как он то и дело меняет положение. Теперь он сидел плотно сжав колени.

— Может, это тебе не помешает, — сказала она, брызгая в него водой.

Она натянула на себя мокрую одежду, надела пояс и пристегнула меч.

— Пожалуй, тебе не следует одеваться в мокрое, — сказал он, поднимаясь.

Она моргнула. Было уже довольно поздно, но даже в сумерках нельзя было не заметить, что он возбужден.

— Ты просто хочешь продлить удовольствие, любуясь мной, — упрекнула она его. — Гораздо быстрее я обсохну на скаку. — И как бы между прочим добавила: — Эй, а ты сможешь скакать в таком состоянии?

Креган пригладил спереди свою тунику и широко улыбнулся. Она подняла с земли Книгу и спрятала ее, подзывая Ашура. Зверь вскинул голову и подошел к ней.

— У меня есть немного вяленого мяса в седельной сумке, — сказал Креган. — Поедим на скаку.

Когда Стужа взобралась на спину Ашура, а Креган уселся в седло, они принялись за еду. Мясо было очень соленым, но Стужа была так голодна, что оно показалось ей удивительно вкусным. Как только с мясом было покончено, она ударила Ашура пятками в бока, и он пустился вскачь, Нери за ним. Стужа наблюдала за бегущими впереди тенями, в то время как поднявшаяся из-за горизонта луна светила им в спины.

Справа от них выросла стена — грозные Крильские горы. Похожие на исполинских солдат, скалистые и обрывистые, они смутно виднелись вдали, отбрасывая черные тени, среди них возвышалась гора Друд. У Стужи мурашки побежали по спине, и она постаралась избавиться от этого ощущения. Она слышала, что эти горы и зажатые меж остроконечных вершин долины населяет племя столь злобное и дикое, что даже закаленная в битвах роларофская регулярная армия не рискует пересекать границы земель этого племени. Она почувствовала глубокое облегчение оттого, что их путь не лежал через эти страшные края.

В Эсгарии почти не было гор. Но однажды, когда шло ее пятнадцатое лето, она взобралась на высокую скалу над Календским морем. Соленые брызги летели ей в лицо, ветер трепал волосы. Она дала себе полную волю, и ее колдовской дар высвободился во всей своей ужасающей силе. Громадные волны разбивались о зубчатые скалы внизу, море бесилось и пенилось.

Это сделало не божество, которым управлял чародей. Никаких магических символов и заклинаний. Это сделала ведьма с помощью той силы, что является частью ее самой. Это она вызвала шторм. Это по ее повелению он прекратился.

Впрочем, так было первый и последний раз. Ее силы иссякли, ее дар отняли. Теперь у нее был только меч.

Брат Стужи узнал о мече и попытался ее убить, на что имел полное право согласно древнему закону Эсгарии, запрещающему женщинам пользоваться мужским оружием. Но в ту ночь пролилась его кровь, и мать прокляла ее за это.

На нее нахлынула тихая грусть. Чтобы отвлечься от горьких воспоминаний, она стала вслушиваться в ночь и обнаружила, что стука копыт Нери не слышно. Она придержала Ашура, чтобы дать Крегану возможность догнать ее. Нери была вся в мыле, ее гнедые бока блестели от пота. Креган осадил лошадь и соскочил на землю. По его лицу было видно, что он очень устал.

— Я не хочу загнать ее до смерти, — сказал он довольно спокойно, ласково поглаживая кобылу, — даже ради спасения этой чертовой книги.

Она глубоко вздохнула и прыгнула со спины Ашура. Единорог тоже устал: с него летели клочья пены.

— Да и не надо, — ответила она. — Давай пойдем пешком. — Она не узнала своего собственного голоса, таким он был мрачным и безжизненным. Жаль, что ее попутчик молчал; если бы он заговорил о чем-нибудь, это помогло бы ей развеяться. В ночной тишине были слышны лишь шаги да тяжелое дыхание.

Вдруг единорог встал и потянул носом воздух. Стужа подергала за поводья, он прошел несколько шагов, но снова остановился и принялся. Нери тоже остановилась. Она начала беспокоиться, задрожала, стала бить копытами, переступая с места на место. Внезапно глаза Ашура вспыхнули диким огнем, и он встал на дыбы. Стужа едва удержала его, ухватившись за гриву, и попыталась успокоить, поглаживая ему скользкую шею. Креган тоже шептал на ухо Нери какие-то ласковые слова, и животные, казалось, перестали нервничать. А вот Стужа почувствовала тревогу. Она никогда еще не видела, чтобы глаза Ашура горели так ярко, огонь отбрасывал на землю пляшущие блики. Она повернулась к Крегану, но он предостерегающе прижал палец к губам и прислушался, поворачиваясь во все стороны.

Она ощутила, насколько незащищенными они были на открытой равнине, здесь им негде было укрыться. Она тихо вынула из ножен меч. Без всякой видимой причины единорог вдруг снова с громким ревом встал на дыбы. Нери жалобно захрапела и начала мотать головой, на морде у нее появилась кровавая пена.

Стужа вдруг почувствовала, как будто что-то укололо ее сзади в шею. Она обернулась и завопила. Над ней висел Глаз Зарад-Крула. Вздувшиеся сосуды, налитые темной кровью, придавали Глазу отвратительный красный оттенок, черный зрачок был словно окно в ад, он горел неземной злобой.

Как только Стужа встретилась взглядом с Зарад-Крулом, она поняла, что пропала. Ее руки и ноги парализовал страх, кровь застыла у нее в жилах, она не могла сдвинуться с

места, будто вросла в землю. Она хотела закричать, но ни звука не слетело с ее губ. Она услышала тихий вскрик, невнятное ругательство и поняла, что Креган помочь ей не в силах. Животные попали под те же чары, что и их хозяева, и на них тоже нельзя было рассчитывать. Мир погрузился в зловещую тишину.

Через некоторое время из каменистой бесплодной земли показались побеги. Они прорастали очень быстро и, словно изумрудные змеи, обвивали ее лодыжки. На концах побегов появились крошечные бутончики, и с фантастической скоростью распустились цветы всевозможных оттенков. Они наполнили воздух сладким дурманом. Стебли карабкались по ее бедрам, забирались в сапоги, залезали в рукава. Стужа почувствовала резкую боль, как будто кто-то ее укусил, еще раз, и вот раскрытые рты цветков принялись сосать ее кровь.

Стужу передернуло, и все внутренности словно свело судорогой, когда цветы впились в ее плоть, скользнули под пояс и поползли по груди. Она вспомнила, что держит в руке меч, и попыталась поднять его, но руки ее не слушались.

У нее сжалось горло. Капля пота стекла со лба, глаза обожгло солью, а она ничего не могла сделать.

Она чувствовала, что ее охватывает паника, которой ни в коем случае нельзя поддаваться. Собрав всю свою волю, она вызвала в памяти жуткий образ — кости, обглоданные бабочками. Она представила себе, как ее кости валяются вперемешку с костями

Крегана, а из пустых глазниц растут две маргаритки, невинно покачивая головками.

Она терзала себя этой мыслью до тех пор, пока не начала вновь ощущать свою левую руку. Пальцами ей удалось сжать рукоять меча, но она смогла лишь чуть-чуть приподнять его. Глаз Зарад-Крула впился в нее взглядом, проникая во все мысли и пресекая все ее попытки освободиться от чар. Его энергетический удар был так силен, что разум едва не покинул ее. Слезы обожгли ей щеки, она ощутила, что погружается в пустоту, из которой нет возврата.

И вдруг Стужа услышала, как беспомощно заржал Ашур. Этот звук проник ей прямо в мозг. Единорог снова заржал, потом еще и еще, и каждый раз это как будто вытягивало Стужу из той бездны, в которую ее засасывал чудовищный Глаз. Она сосредоточилась на этом звуке, представляя себе мучения друга, питая этим свою ярость и ненависть, которые ослабляли действие чар Зарад-Крула. «Мы не сдадимся, Ашур, — мысленно поклялась она. — Мы не погибнем».

Она напряглась. Пот струился по ее лицу и шее. Меч задрожал в ее руке. Кровь стучала у нее в висках, а мышцы сводило от боли, пока она билась за право распоряжаться собственным телом.

Ее веки затрепетали. Неимоверным усилием, ей удалось опустить их...

И чары рассеялись. Как только она сумела отвести взгляд, тело вновь стало подчиняться ее воле. Дикое рычание слетело с ее губ. Она взмахнула мечом, и, описав широкую сверкающую дугу, он врубился в зеленую массу. Неистово и отчаянно она рубила мечом и рвала рукой траву и цветы, что сковали нижнюю часть ее тела. Там, где цветы-кровососы впивались в нее, оставались красные следы. Крегана было почти не видно в пышной цветущей растительности, сквозь заросли можно было разглядеть лишь часть лица. Ноги животных тоже были спутаны, а цветы тянулись к их шеям. Ни Крегана, ни Нери не шевелились, словно Глаз пригвоздил их к земле, а вот Ашур бешено мотал головой, хотя и не мог двигать ногами.

Возможно оттого, что единорог — неземное существо, он не был подвержен гипнотическим чарам Глаза. Стуже некогда было раздумывать об этом, она снова вспомнила слова Незнакомца о том, что единорог — оружие против Зарад-Крула.

С победным криком она оторвала от себя последнего кровососа. Прикрывая глаза рукой, Стужа подняла меч. Он почти не встретил сопротивления, проходя сквозь глазную ткань, и рассек черный зрачок.

Дымящаяся кровь и глазная жидкость стали выплескиваться на землю. Хищные цветки жадно набросились на эту омерзительную массу и принялись всасывать ее.

Стужа с удовлетворением оглядела свою работу. Сначала в Глазу отражалось лишь крайнее изумление и только потом боль, по мере того как содержимое Глаза — желтоватая вязкая жидкость — вытекало из него, словно из разбитого яйца, и медленно впитывалось в землю. Прозрачная оболочка являла собой тошнотворное зрелище. Некоторое время она еще колыхалась, висая в воздухе, а потом упала на землю. Стужу чуть не вывернуло наизнанку, когда она увидела, как смердящий студень испаряется, превращаясь в черное пятно.

Затем она неожиданно почувствовала, что в мозгу раздался невыносимо громкий крик, на мгновение оглушив ее. Но когда Стужа пришла в себя, она злорадно улыбнулась: в далеком Шардахе колдун Зарад-Крул навсегда ослеп на один глаз.

Крегана вышел из оцепенения и принялся срывать с себя путы. Он яростно отдирал толстые жгуты растений от своих щиколоток и бедер. Ашур и Нери уже вырвались на свободу, и единорог старательно истоптал цветы.

Стужа улыбалась, но ее радость была недолгой. В воздухе послышался шум, от которого все внутри у нее оборвалось. Она взглянула в небо, потом посмотрела на Крегана. Он тоже слышал его — мерное хлопанье легких крыльев.

— Это те самые бабочки? — Страх прозвучал в его голосе.

— Скачи! — прокричала она Крегану, взлетая на спину Ашура. — Скачи так, будто за тобой черти гонятся!

Они неслись по равнине, и их тени, летевшие впереди них, искажались на каменистой земле. А справа, заслоняя звезды, летела еще одна тень, и сопровождавшее ее ритмичное хлопанье преследовало их по пятам. Креган бросил через плечо полный ужаса взгляд и прокричал что-то, пытаясь перекрыть свист ветра.

— Если мы продержимся до рассвета, они оставят нас в покое, — крикнула она в ответ.

Единорог шел все так же ровно, его выносливость была поистине сверхъестественной. Но Стужа боялась за Нери. Хотя у маленькой лошадки было храброе сердце, она слишком устала, чтобы долго выдерживать такую скачку.

Однако, задолго до того как в небе вспыхнули первые лучи солнца, хлопанье крыльев стало стихать. Стужа оглянулась и увидела удаляющуюся в сторону севера тень. Она придержала Ашура, не веря своим глазам. Рой бабочек держал путь на север. Она подала знак Крегану. Они остановились.

— Еще далеко до рассвета, а они почему-то улетели. — Шондосиец поскреб подбородок. — Сегодня ночью Зарад-Крул выбился из сил, — наконец предположил он. — Без глаза он вынужден управлять этими насекомыми одной только волей, а на таком расстоянии это требует невероятного напряжения.

Бабочки скрылись из виду, их поглотила тьма. Стужа и Креган спешили и повели животных на поводу. На Нери сегодня ночью уже нельзя было ехать верхом.

— Его безумие пустило глубокие корни, — заключил шондосиец. — Существует множество способов видеть на огромном расстоянии, но чрезмерная тяга к внешним эффектам заставила Зарад-Крула избрать для этой цели часть своего тела, что сделало его уязвимым.

— Тем не менее это позволило ему проверить свои возможности, — заметила она. — Эти цветочки не похожи были на простую демонстрацию силы.

— Это точно, — согласился он. — Практикуя такого рода магию, нельзя просто сидеть в безопасности в своей башне и пялиться в хрустальный шар. И все же он недооценил находчивость своих противников. Я шондосийский маг, а ты вообще нечто особенное.

Стужа пропустила его последние слова мимо ушей.

— Что же он сделает в следующий раз? Креган пожал плечами:

— Разве можно предугадать действия безумца? По крайней мере, в первом бою благодаря тебе мы одержали победу. Наверное, колдун просто умирает сейчас от боли, ведь остаться без глаза — это не шутка.

— Всего лишь маленькая победа в большой войне, — ответила она мрачно. — А раненое животное всегда смертельно опасно.

Стайка ночных птиц пролетела у них над головами, держа путь на юг, в сторону Календского моря.

Стужа вспомнила тех крылатых тварей, которых она видела сидя у костра в Кундалаконтуре. Посланники, как сказал Креган. Шпионы — так поняла она.

Твари легко их выследили. Стужа и Креган так спешили, что даже не пытались сбить их со следа, а теперь делать это было поздно. Зарад-Крул уже узнал, куда они направляются, к тому же одежда Крегана выдала шондосийца. Не надо быть магом, чтобы догадаться, куда они держат путь.

— Долго еще? — спросила она.

— Трудно сказать, слишком темно. Около суток верхом. Если будем идти пешком, то дольше.

— Я хочу пересечь границу еще до захода солнца, — сказала она своему товарищу. — Нери выдержит?

— Выдержит, — уверенно ответил он. — Только ей надо немного отдохнуть. Но через реку Кокитус, по которой проходит граница между Роларофом и Шондо, можно переправиться всего в трех местах.

Стужа нахмурилась и склонила голову набок:

— И где ближайшая переправа?

— В Зонду. Там есть дамба, только ее охраняют, в Зонду ненавидят шондосийцев, и поэтому мне там появляться опасно. Две другие переправы — это броды, река в тех местах не очень бурная, и, соблюдая осторожность, через нее можно перейти. Они расположены дальше к северу.

— Тогда скачем в Зонду.

— Для тебя это тоже определенный риск, — предостерег он. — Хозяин «Скорбящей вдовы» наверняка сообщил наши приметы, а по законам чести, лорд Рольф должен отомстить за смерть сыновей, неважно, что зачинщиками стычки были они. В Роларофе такие обычаи, там верят, что всякого, кто не отомстит за родственника, ждут вечные муки.

— О чем ты говоришь? — перебила она его нетерпеливо.

— Если весть о драке в таверне достигла Зонду, нас схватят и продержат под стражей до тех пор, пока не появится Рольф.

— Мы же ехали очень быстро и почти не отдыхали.

— Меняя лошадей и не делая остановок, гонец из Шазада мог попасть в Зонду гораздо раньше нас.

Однако у них все равно не было выбора. С наступлением ночи Зарад-Крул нападет снова. А в Шондо они будут в относительной безопасности. Там есть все необходимое для ведения войны, а братья по ордену помогут Крегану. Вместе они придумают, что делать с Книгой. Как ни рискованно было появляться в Зонду, им нужно еще до ночи попасть на родину шондосийца.

Когда первые лучи солнца вспыхнули в небе, они остановились на краю скалистого гребня. Перед ними раскинулась пустынная равнина. Не было видно ни одной фермы, ни единого деревца или кустика не росло на выжженной солнцем земле.

— Зондаур, — произнес Креган, обводя равнину широким жестом.

— Последнее предостережение, — перевела Стужа.

За ней несла свои ядовитые воды Кокитус, Река Плача. В ней не водилась рыба, ни одного животного не было видно на ее илистых берегах, на них не росло ни лесов, ни рощ. А за рекой лежит Шондо. Страна, жители которой не были обычными людьми, страна, где занимаются колдовством. Демоны и невиданные звери спокойно разгуливают там, питаясь кровью младенцев и производя на свет чудовищ, в чем им охотно содействуют шондосийские женщины. По крайней мере так гласила молва. Но вот это Стужа знала наверняка: для тех, кто в здравом уме, «Шондо» звучит как «преисподняя».

Она сглотнула:

— Твой друг сказал, что вы сами распространяете слухи о своей родине, чтобы отпугнуть незваных гостей.

Креган приподнял бровь:

— Когда-то один молодой и глупый роларофский король по имени Тордеш тоже никак не хотел верить этим слухам. Он задумал завоевать Шондо и присоединить ее к своим землям. Он смеялся над рассказами о колдунах, демонах и вурдалаках, он считал, что лишь простонародью пристало верить в эти сказки. На западном берегу Кокитус никто ни разу не видел ни одной живой души. Любое государство охраняет свои границы. Нет, говорил он своим приближенным, если кто и живет в Шондо, то скорее всего это полудикие варвары или совсем примитивные племена. У них нет никаких шансов выстоять против войска Зонду. Как ни отговаривали его советники, король был глух к их словам, он жаждал славы. Тордеш начал строить дамбу через Кокитус. Из-за частых наводнений оба брода были ненадежными, а по дамбе его армия и обозы легко переправились бы через бурную реку.

Стужа с интересом слушала.

— На выбранном для строительства месте поначалу появился небольшой лагерь, который быстро вырос в большой город, по мере того как всякие жулики, виноторговцы и продажные женщины пересекали Зондаур в надежде пожить. Вскоре улицы заполнились проститутками, на каждом углу — убийства, пьяные драки. Почти в шутку они называли город «Зонду» — «предостережение».

Строительство шло медленно. Казалось, Кокитус смывала ночью то, что было построено за день. Но Тордеш подгонял людей, а когда они начинали роптать, долго не раздумывая, пускал в ход плети и бичи. Солдаты работали бок о бок с рабочими, и если кого-нибудь смывало, он тонул, только и всего. Что значат для короля чьи-то жизни? Тордеша волновала только дамба, и завоевание Шондо стало для него смыслом жизни.

Наконец грандиозное строительство было завершено. Воды Кокитус угрожающе бурлили, но Тордеш со своей армией мог беспрепятственно переправиться через нее. Он планировал захват в трех направлениях. Тордеш провел бы часть армии через дамбу, а два его военачальника должны были провести две другие части через броды. Одна часть пошла бы на север, другая — на юг, а третья — прямо в самое сердце страны. Потом все три должны были соединиться, чтобы погасить последние очаги сопротивления.

Накануне выступления молодой король распорядился щедро угостить людей вином. Все бочонки в городе были открыты, вино текло рекой. Женщин хватали и насиловали. Тордеш время от времени выходил из своих покоев на балкон и швырял в толпу монеты, и люди, пьяно горлая, ползали в грязи и собирали золото. Они выкрикивали его имя, и он провозгласил себя Королем Роларофским и Шондосийским, и прочая, и прочая.

На следующее утро Тордеш сел на белоснежного коня, чтобы вести свое войско. На его голове сверкала корона Роларофа. Он был одет в одежду из самых дорогих тканей, на нем сверкали драгоценные украшения тончайшей работы. На поясе висел великолепный двуручный меч, принадлежавший когда-то его отцу. Глаза короля горели диким огнем, он заверил своих подданных в том, что победа будет быстрой. Из Шондо через дамбу вернулись лазутчики. Не было ни малейших признаков того, что армия Зонду встретит сопротивление. Король во всеуслышание хвастливо заявил, что возьмет Шондо без потерь и ни один роларофский воин не погибнет в этой войне.

Тордеш гарцевал на своем белоснежном коне. Ворота на дамбу были открыты. Король вынул из ножен свой меч и высоко поднял его. Солнце ослепительно сверкнуло на гладком клинке, и все увидели в том предзнаменование победы. С помпой и блеском Тордеш повел поющих солдат через дамбу.

И в это время отовсюду послышался звон, будто зазвенели бесчисленные хрустальные колокольчики. Дамба вдруг задрожала. Лошади ржали и в ужасе вставали на дыбы, сбрасывая несчастных седоков. Поднялся неистовый ветер, вздымая воды Кокитус, огромные свирепые волны подхватывали злополучных воинов, не удержавшихся на дамбе. Тордеш, вцепившись в поводья, стоял на самой середине дамбы и упрямо подгонял свое войско. Вдруг дамба перестала трястись, река утихла. Воины Тордеша, ничего не понимая, с ужасом смотрели, как воздух колыхнулся, по нему пошла рябь, и на противоположном берегу появился город, подобного которому они не видели никогда. Он был окутан дымкой, которая быстро таяла в утреннем солнечном свете. Дамба упиралась в ворота города, на которых висел герб в виде черепа, и будто пропадала в этом черном зеве. Спиральные башни, искажаясь в дымке, вздымались в небо, и каждая была увенчана страшной горгульей. Под шпилями и вдоль плоских крыш висели, словно огромные летучие мыши, отвратительные демоны и облизывали свои ярко-красные когти и ядовитые клыки. Громадная стена из черного камня окружала таинственную крепость, а по верху стены изваянные в камне души грешников вопили и корчились в вечных муках.

Роларофцы в страхе закрывали руками глаза, не в силах вынести этого зрелища. Вопли и стенания вырывались у издавших виды воинов, кто-то повернулся и побежал, а кто-то бросился в реку, чтобы избежать более страшной участи. Королевские военачальники, бледные от ужаса, умоляли Тордеша вернуться и укрыться за надежными стенами Зонду, но король был непреклонен. Он пытался вновь поднять боевой дух своих солдат. Размахивая мечом, он приказывал наступать. Но никто не сдвинулся с места. Тордеш насмехался над воинами, грозил им, сулил горы золота и серебра. Но никто не внял ни уговорам, ни угрозам. «Это колдовство, — кричал он в злобе. — Идиоты! Труссы! Это мираж!»

На черной стене появилась высокая тощая фигура, укутанная в широкий плащ. И

каждому почудилось, будто его сердце пронзает указующий перст, когда человек в плаще поднял руку. И все услышали его звучный голос:

— Поворачивай назад, Тордеш! Отправляй своих воинов по домам. В аду еще недостаточно жарко для твоей алчной души.

Тордеш стал пунцовым от ярости. Семена безумия дали ростки в его извращенном уме.

— И ты, и твой город — мираж!

Молодой король пришпорил коня. Размахивая мечом и проклиная весь мир, он в бешенстве кинулся через дамбу на несуществующих врагов.

Человек на стене достал из-под плаща лук из черного дерева и одну-единственную стрелу. Люди не дыша смотрели, как медленно натягивается тетива, как оперенье стрелы касается уха стрелка. На мгновение, которое длилось целую вечность, все как будто замерло. Затем человек с луком отпустил тетиву. Смертоносное жало проткнуло толщу воздуха и вошло в сердце прекрасного белого коня, на котором сидел король Тордеш.

Несчастное животное споткнулось и, кувыркаясь, полетело вперед, сбросив своего незадачливого седока. Тордеш закричал, когда его меч канул в водах Кокитус. Король с трудом поднялся, он был весь в ссадинах, в правом плече зияла рана. Но это были пустяки по сравнению с презрением, которое он увидел в глазах своих людей.

Он повернулся к стоящему на стене стражу города и принялся злобно его клясть.

— Поворачивай, Тордеш, — сказал лучник. — Поворачивай и убирайся отсюда. Здесь тебя ждет ад.

В полном смятении роларофский король побрел обратно в Зонду. Его солдаты расступались, давая ему дорогу, а потом пошли за ним, сгибаясь под бременем поражения.

Легенда гласит, что молодой король закрылся у себя во дворце и больше его никто никогда не видел. Управление королевством он передал своим военачальникам, а когда он умер, опозоренный и обесчещенный, никто не горевал.

Креган облизнул губы, закончив рассказ.

Стужа вздохнула.

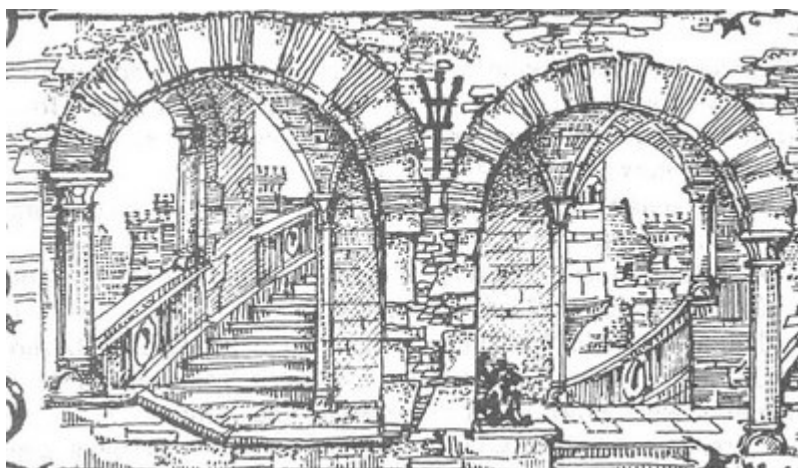
— Интересная история, — выговорила она наконец.

— Это правдивая история, — ответил шондосиец угрюмо. — Что бы там тебе ни говорил мой друг, трусливым в Шондо лучше не соваться. Множество странных существ населяют эту страну, существ, рядом с которыми бледнеют все твои самые страшные кошмары.

Краска бросилась ей в лицо.

— Только не мои. — Она подстегнула единорога и припустила по гребню горы над долиной Зондауэр.

Глава 5

В лучах заходящего солнца земля стала красной. Длинные багровые и пурпурные

полосы облаков, похожие на сотканые из тумана гигантские пальцы, тянулись по небу, и казалось, они упирались в темноту ночи, безуспешно пытаясь задержать ее наступление.

Стужа устало отмахивалась от полчищ жужжащих насекомых, которые облепляли ей лицо. Эта долина была настоящим раем для разнообразных насекомых: муравьев, жуков и особенно комаров. Они огромной живой тучей повисли над каменистой землей. Люди и животные одинаково страдали от них. Насекомые летели на запах пота, струившегося по их телам, мошкара изводила их весь день. Делать было нечего, приходилось терпеть, и Стужа с Креганом старались дышать как можно осторожнее, чтобы не вдохнуть ненароком комара.

— С наступлением ночи станет холоднее, — сказал ей Креган, — и тогда они уберутся.

Это мало ее утешило. Стужа в страхе ожидала, что ночью Зарад-Крул снова нападет на них. Один раз они его одолели, но она больше не рассчитывала на удачу.

Они не могли ехать быстро. Животные устали, да и сама Стужа тоже чувствовала, что силы ее на исходе. Ноги у нее болели от долгой езды, пальцы, вцепившиеся в гриву Ашура, онемели. За весь день они ни разу не отдохнули, то шли пешком, то ехали верхом, упрямо продвигаясь в сторону Шондо, до которого было уже недалеко.

Стужа в очередной раз потрогала спрятанную у нее под туникой Книгу Последней Битвы, потом внимательно всмотрелась в небо. Солнце уже почти зашло, на востоке зажглась первая звезда.

— Он обязательно появится. — Она так сильно вцепилась в Книгу, что у нее хрустнули пальцы. — И появится неожиданно.

— О колдуне можешь пока забыть, — вдруг сказал ей Креган. — Скоро мы будем в Зонду.

Сердце у нее подпрыгнуло, и она посмотрела туда, куда указывал Креган. На темном фоне долины виднелся чуть более темный островок, и Стужа удивилась, как ее спутник вообще его заметил.

— Не заметил, — ответил он и легонько постучал пальцем себе по носу. — Унюхал.

Стужа принялась. Потянуло дымом из кузниц и кухонь, вонью отбросов. Запахи людского жилья были очень слабыми, едва уловимыми, но по мере приближения путников к городу они ощущались все сильнее. А потом запахло водой.

— Кокитус, — сказал Креган.

Стужа едва разглядела темную ленту реки.

— Отсюда ты не увидишь дамбу и Эребус на другой стороне. Их закрывает Зонду.

Стужа встала в стремях, всматриваясь в сторону Кокитус. Но тьма уже слишком сгустилась. До Шондо было рукой подать, и от мысли об этом у нее по спине побежали мурашки.

Внезапно ее охватило беспокойство, ей стало страшно. Позади нее был Зарад-Крул, впереди — Шондо. Руки у нее задрожали, и она попыталась скрыть свою тревогу от Крегана. Меж двух огней меч ей не поможет.

Стужа закусила губу и прищипорила Ашура. Высокие стены Зонду нависли над ними, изъеденные временем и иссеченные свирепыми пыльными бурями, что постоянно проносились над Зондауэр. Местами стены осыпались. Когда-то от них откололись большие каменные глыбы. Теперь они лежали внизу, и их острые края уже давно сточились. На путников упала тень от стены.

Огромные ворота, обитые стальными полосами, были закрыты. Охраны не было видно, и, похоже, открыть было некому.

— Ты говорил, что восточные ворота всегда открыты.

Креган поскреб подбородок.

— Обычно так и есть. — Он оглянулся, осмотрелся по сторонам. — Не нравится мне это.

— Мне тоже не нравится. — Стужа развернула единорога и проехала вдоль широких ворот. — Мы можем добраться до Дамбы в обход?

Шондосиец покачал головой:

— Стены выстроены над водой, и дамба начинается прямо в городе.

— Эй, вы там! — окликнула Стужа невидимых часовых. — Хватит спать, открывайте ворота.

На бастине показался блестящий шлем, и со стены свесился стражник.

— Кто вы такие? Что вам нужно в Зонду в столь поздний час? — Голос был грубый, принадлежал явно какому-то малому чину.

— Мы честные путешественники, и нам нужен отдых, — ответила она с досадой: ей было почти ничего не видно.

— Клянусь Гатом! Это баба!

Смех и приглушенные голоса наверху. Значит, он там не один.

— У меня зоркий глаз! — снова заговорил часовой уже не таким грозным голосом. — Я вижу, на твоём попутчике одежда шондосийца.

Креган рассердился и тихо проворчал:

— Выходит, я шондосиец. А ты идиот. — А потом он уже громко, с достоинством добавил: — Отвори нам ворота! Да пошевеливайся, а не то я снесу эту стену. — Он взмахнул рукой, показывая, как легко он мог бы выбить у часового из-под ног опору, а потом тихонько засмеялся.

Стужа нахмурилась. Надменный тон шондосийца вполне мог вызвать град стрел со стеньг. Зачем без необходимости оскорблять стражников? Это опасно.

Заскрежетали старинные цепи и блоки, и ворота медленно отворились.

Креган обернулся и, встретившись с ней взглядом, холодно произнес:

— Они клянутся именем Гата, бога-паука из хаоса, но трепещут перед могуществом шондосийцев.

Она и не думала, что он может быть таким высокомерным. Губы Крегана изогнулись в странной усмешке. Он сидел в седле очень прямо, как влитой. Отчего с ним произошла такая перемена? Может быть, он просто устал, а возможно, близость родины так подействовала на него. Стужа вглядывалась в его лицо, но не нашла в нем ответа и отвела глаза.

— Не останавливайся, — прошептал ей Креган, когда ворота были широко открыты. — Скачи прямо к дамбе, на тот конец города. Отдохнем и поедем в Эребусе!

Стужа, начала медленно закипать, но постаралась подавить раздражение. Таким же пренебрежительным тоном он говорил с часовым. Просто возмутительно, она снова почувствовала, как горячая волна гнева ударила ей в лицо, но промолчала. Он ведь знал, что она и не собиралась останавливаться в Зонду, раз уж Шондо находится на другом берегу реки. Стужа первая въехала в ворота, явно давая понять Крегану, что не считает его за главного.

Слишком поздно она услышала подозрительный шелест одежды и лязг стали. Тень легла у нее на пути. Креган предостерегающе крикнул ей что-то. Они засели на крыше. Стужа потянула меч из ножен, но кто-то спрыгнул прямо на нее, выбив из седла. Второй взмахнул мечом и плащом ударил им шондосийца по голове. Тот рухнул на землю. Стужу схватили за руки и поволокли по булыжной мостовой, она завопила.

И тут раздался рев. Сверкнули эбеновые копыта, и один из тех, кто тащил ее, со стоном упал. Из-под пробитого шлема потекла кровь. У Стужи сжалось горло, она почувствовала приступ тошноты.

Потом чьи-то руки снова подхватили ее. Меч у нее отобрали, и Стужа начала бешено брыкаться и царапаться. Кто-то подошел к ней сзади и пережал горло согнутой в локте рукой. Стужа исхитрилась и вцепилась в нее зубами, чувствуя горько-соленой вкус крови. Зубами и ногтями, руками и ногами, локтями и коленями она дралась, и дралась без передышки.

Казалось, ее противникам не было числа. А поскольку она была безоружной, им быстро удалось повалить ее и прижать к земле. Она извивалась ужом, но вырваться не могла. Однако она слышала какие-то крики и шум драки. Хотя ее крепко держали, она вывернулась и сквозь кольцо окруживших ее врагов посмотрела, что там происходит.

Она увидела, как Ашур проткнул рогом одного из нападавших, потом другого. Два безжизненных тела по очереди взлетели в воздух и, шмякнувшись о стену, упали на землю. Единорог издал победное ржание.

Стражники стали окружать его, держа в руках оружие и веревки. И тут Стужа увидела, что ворота начали закрываться. Это было совсем скверно. Если Ашур останется в городе, он окажется в ловушке, и тогда его наверняка убьют. Она сделала еще одну безуспешную попытку вырваться, но стражники крепко прижимали ее к земле.

— Беги! — крикнула она. — Спасайся!

Кто-то ударил ее ножнами по голове. Ей показалось, что перед глазами блеснула яркая вспышка, и все померкло. Будто темная зияющая бездна втянула ее в себя.

— Ашур, — прохрипела она.

Когда Стужа очнулась, единорог был по-прежнему рядом, и она на мгновение встретила с ним взглядом. В его глазах было бешенство, ей показалось, будто он зовет ее. Зверь встал на дыбы — и еще один стражник упал замертво из-под его смертоносных копыт. Кто-то метнул копьё, и едва не попал в Ашура.

— Беги, — еле выдавила она, но он вряд ли ее услышал.

До нее донесся полный неземной скорби рев. Взметнулся рог, и странный огонь вспыхнул в глазах единорога, заливая улицу янтарным светом, заплескали неясные тени. Неожиданно огромный зверь рванулся к воротам. Вслед ему летели копья, стражники что-то кричали. Они еще не успели закрыть ворота. Копыта звонко цокали по мостовой, высекая искры. Времени у Ашура почти не оставалось, но все же ему удалось проскочить в узкую щель, и он вырвался из города. Стужа разрыдалась, ненавидя себя за это, слезы обожгли ей щеки, и она потеряла сознание.

Стужа пришла в себя от пульсирующей боли в голове и почувствовала на запястьях тяжелые оковы. Она лежала, уткнувшись лицом в сырую затхлую солому, в нос ей ударил резкий запах мочи. Стужа поморщилась. Она попыталась сесть, но это вызвало у нее приступ тошноты. Лучше подождать, пока в голове не прояснится, и спокойно полежать.

Слабый свет проникал сквозь маленькое зарешеченное оконце в двери ее темницы. За дверью слышались голоса и стук костей по столу, шла игра.

Сначала ей удалось сесть, потом встать и сделать первый неуверенный шаг к двери. В темноте она наткнулась на что-то, потеряла равновесие и упала, лязгая и гремя цепями. Стужа протянула руку и нащупала низкий табурет.

В оконце появилось лицо.

— Эй, она пришла в себя, — громко сказал кто-то, подзывая остальных.

Стужа услышала приближающиеся шаги. В замке заскрежетал ключ. Она присела на корточки и крепко ухватила за ножку табурет. В камеру вошли трое мужчин. Двое из них были в доспехах и с мечами наготове, а третьим был тюремщик, огромный толстяк, который держал в руке факел. Тюремщик ухмылялся, вид у него был глупый и самодовольный, а в глазах промелькнула похоть.

Внезапно Стужа осознала, что она совершенно голая, девушка слегка смутилась и покраснела. Ее одежда и оружие лежали на столе в коридоре. Отшвырнув бесполезный табурет, она пожала плечами и вышла из камеры. Стражники вложили мечи в ножны и взяли ее под руки. Выбрав из большой связки нужный ключ, тюремщик снял с нее оковы.

— Хорошенькая какая, — негромко проговорил один из стражников, широко улыбнувшись. — Кто бы мог подумать?

Тюремщик издал непонятный звук — полумычание-полухрюканье.

— Эта бабенка не про вашу честь. Отведете ее наверх, Зарабет ждет.

Все тот же стражник приблизился к Стуже и прошептал, чем бы он с нею занялся, будь у него на это немного времени. Стужа вспыхнула и сжала кулаки, но подавила гнев. Она с улыбкой посмотрела стражнику прямо в глаза:

— Я не сомневаюсь, что ты знаешь в этом толк. Твои товарищи наверняка не раз имели возможность в этом убедиться.

Он замахнулся, и она сжалась, ожидая сокрушительного удара, но огромная мясистая лапа перехватила его руку.

— Она должна остаться целой и невредимой, — предупреждающе сказал тюремщик.

Стражник свирепо зыркнул на нее. Пожалуй, ей следует опасаться его мести. Однако слова тюремщика заставили Стужу задуматься. Кто бы там ее ни ждал, этому человеку она была нужна живой и здоровой. Что ж, в ее положении было хоть что-то обнадеживающее. Но если ей представится удобный случай, у нее не дрогнет рука разделаться с этой троицей. Она увидела свой меч и Жало Демона, они лежали вместе с ее одеждой на столе. Недалеко, но она не могла до них дотянуться.

— Пошла, пошла, — проворчал тюремщик, бренча ключами. — Если ты заставишь Зарабет ждать слишком долго, она придет в бешенство.

И вдруг удобный случай ей представился, когда оскорбленный стражник подошел к ней, собираясь подтолкнуть. Он положил руку ей на плечо, но Стужа резко присела, стражник потерял равновесие и с воплем полетел вперед, а она снова выпрямилась. Падая, он врезался в другого стражника, и оба они повалились на пол.

Между Стужей и столом, на котором лежало оружие, оставался только тюремщик. Она с разбега ударила его плечом, и он врезался спиной в стену. Обрадованная, она кинулась к мечу, ее пальцы уже коснулись пояса с ножнами, но жирная ручища вцепилась ей в волосы. Вопреки ее ожиданиям удар о стену не причинил тюремщику никакого вреда. Жировая прослойка смягчила удар. Со злобным рычанием он резко рванул ее сзади за волосы и оттащил от стола. Стужа забилась, пытаясь высвободиться, ей было очень больно: она ободрала кожу о каменные плиты, когда он катал ее по полу. Тюремщик занес над ней громадный кулак, собираясь разбить ей лицо.

— Нет! Не смей ее трогать! — раздался властный женский голос.

Тюремщик повернул голову, чтобы посмотреть, кто это тут раскомандовался. Стужа не могла видеть обладательницу столь грозного голоса, потому что та стояла у них за спиной, но она вдруг почувствовала, как толстяк задрожал всем телом. Когда он снова перевел взгляд на свою жертву, маска ярости на его лице уже сменилась выражением испуга и одновременно затаенной жестокости.

— Ладно, ладно, — прошептал он. — Я понял.

Его рука накрыла ее грудь и принялась нежно, и даже игриво, мять ее. Затем его стальные пальцы начали медленно сжиматься. У Стужи вырвался произвольный крик и эхом разнесся по коридорам. Она резко втянула воздух сквозь зубы и зажмурилась от невероятной боли. Она колотила его ногами, но он будто и не чувствовал этого, она царапала ему руки, а он, ухмыляясь, схватил ее за запястья одной рукой и коленом нажал на живот.

Ей казалось, что боль никогда не прекратится, и она сорвала голос задолго до того, как туша тюремщика отвалилась от нее. Собрав все силы, она села. Грудь у нее горела, по щекам текли слезы. Два стражника, уже поднявшись на ноги, с ошалевшим видом смотрели на нее.

— Говоришь, не трогать ее лицо. — Легкая ухмылка пробежала по уродливой роже тюремщика.

Расталкивая стражников, из тени с проклятиями вышла пожилая женщина. Опустившись на колени, она с сочувствием обняла Стужу за обнаженные плечи.

— А теперь вставай, дорогая. В следующий раз ты хорошенько подумаешь, прежде чем полезешь в драку, не так ли?

Стужа отпихнула руку старухи и в упор посмотрела на хищное лицо тюремщика.

— Я убью тебя, так и знай, — сказала она ему. Голос у нее дрогнул, но никому не пришлось бы в голову усомниться в ее словах.

Он нахмурился и угрожающе поднял кулак, но старуха с удивительной быстротой подскочила к нему и схватила за руку.

— Хватит. — Ее голос стал еще более властным. — Она предназначена Тумаку, а ты знаешь его приказ.

Тумак. Стужа попыталась вспомнить это имя. Нет, она никогда прежде его не слышала.

Судя по реакции тюремщика, этот человек занимал высокое положение.

Женщина снова повернулась к ней.

— А ты думай, что говоришь, — сказала она жестко. — Я не собираюсь отскребать тебя от стены, если ты снова разозлишь Орголио.

Тюремщик скрестил на груди жирные руки и с вызовом посмотрел на Стужу.

— Вставай. — Старуха помогла ей подняться. Удивительно, но в ее маленькой жилистой руке таилась сила. — Ничего страшного, — заключила она, осмотрев красные пятна, которые остались на груди у Стужи. — Боль пройдет, и вскоре тебя ждет настоящее блаженство.

Стужа вымучила улыбку:

— Единственным удовольствием для меня было бы покинуть этот город, где так подло ловят людей.

— Ну нет, милая, — ответила старуха резко. — Даже не мечтай. — Потом она повернулась к стражникам, которые стояли у нее за спиной, и изо всех сил пнула каждого по голени. — С дороги, никчемные болваны! Я послала вас сюда всего лишь привести девчонку, а она чуть головы вам не открутила. Если я доложу о вашем возмутительном поведении, Тумак прикажет насадить их на пики, и пусть они красуются на парадных воротах дворца.

Стражники расступились, моля о прощении, но старуха будто не слышала их. Она гордо вскинула голову и, подав Стуже знак следовать за ней, шагнула к двери. Пристыженные стражники пошли за ними. Стужа спросила у старухи, как ее имя.

— Зарабет, — последовал ответ. — Я управляю сералем, который принадлежит нашему повелителю Тумаку.

Они прошли через анфиладу залитых светом пустынных залов, потом путь им освещал единственный факел. Стужа попробовала считать шаги и повороты, стараясь запомнить дорогу, но путь был слишком длинным и извилистым, а стены везде одинаковыми.

Наконец они остановились. Дорогу им преградила дверь из слоновой кости и двое могучих часовых.

— На этом все, — обратилась Зарабет к сопровождавшим их стражникам. — Возвращайтесь на свой пост и молитесь о том, чтобы я забыла ваши лица.

Оба стражника отдали ей честь, развернулись и скрылись в глубине коридора. Когда эхо шагов растаяло, часовые у двери поклонились и расступились. Зарабет постучалась условным стуком, и двери отворились. Стуже в нос ударил запах благовоний. Молодая девушка, держа дверь широко открытой и почтительно опустив глаза, пропустила Зарабет, но на Стужу она взглянула с холодным превосходством. Стужа приостановилась и окинула девушку взглядом: слегка поддурмненное лицо, подведенные миндалевидные глаза и густые черные волосы ниже пояса, свободно распущенные по плечам. Отрез прозрачного шелка, заменявший ей одежду, был накинут на одно плечо и ниспадал до щиколоток, на талии его поддерживал тонкий золотой пояс с подвесками из драгоценных камней, свисающих на золотых нитях. Девушка показала Стуже язык. А Стужа ответила ей жестом, который она позаимствовала у воинов своего отца, они пользовались им в запале, когда играли в кости или ссорились. Она не была уверена, что точно понимает его значение, но ей понравилось то, как он подействовал. Лицо наложницы вспыхнуло. А Стужа прошла вслед за Зарабет.

Комната поражала своими размерами и убранством. Изящные тонкие колонны из белого мрамора поднимались к сводчатому потолку, который был расписан альковными сценами. Стены были увешаны гобеленами, на которых прелестные обнаженные женщины резвились на лоне природы, иногда их преследовали олени, быки или сатиры. Пол был устлан толстыми коврами и пушистыми ковриками. Мебель отсутствовала, лишь многочисленные подушки разного размера и формы валялись повсюду да стояла жаровня, в которой курились благовония.

В комнате было девять женщин, они занимались своим туалетом. Зарабет хлопнула в ладоши, и все обернулись к ней. За спиной у Стужи закрылась дверь.

— Проследите за тем, чтобы эта девица приняла ванну и была одета надлежащим образом, — распорядилась Зарабет. — Сегодня она будет сидеть на пиру с Тумаком.

Стужа увидела, как по-разному отреагировали на это наложницы. На лицах у одних отразилась ревность, другие явно испытывали перед Тумаком благоговейный страх. Но большинству удалось напустить на себя безразличный вид. Кем бы ни был этот Тумак, наложницы принадлежали ему. Это означает, что он занимает высокий пост, возможно это правитель города. Стужа задумалась. Теперь она тоже принадлежала ему, так сказала Зарабет. «Ну что ж, — подумала Стужа, — клянусь тремя глазами Така, у меня на этот счет другие планы». Она небрежно отстранила одну из невольниц и подошла к двери. Если не считать замочной скважины, поверхность двери была совершенно гладкой. Выругавшись, Стужа повернулась к девушке, которая впустила их в комнату. Наложница злорадно ухмыльнулась и покачала на пальце большим железным ключом. На его конце было кольцо, которое одновременно служило ручкой для двери, когда ключ вставляли в замок.

Зарабет взяла ключ, положила его себе за пазуху и сложила руки на груди. В ее серых, выцветших от времени глазах не было злобы.

— Один раз ты уже попробовала. Не надо, больше не пытайся.

Стужа хотела было отобрать ключ у старухи. Однако, как ни странно, Зарабет все больше нравилась ей, ее сила и уверенность в себе не могли не восхищать. И Стужа решила пока подождать подходящего момента. Он еще подвернется.

Женщины увели ее.

Они скребли ее жесткими щетками и втирали в кожу душистые масла. Потом ей вымыли волосы, уложили их и тоже надушили. Глаза красиво и аккуратно подвели, потом накрашили губы и подрумянили щеки. Зарабет собственноручно привела в порядок ее ногти. Наконец девушки принялись одевать Стужу в прозрачный шелк.

— Ну нет, это уже слишком! — вскричала она, разрывая тонкую ткань в мелкие клочья. — Я не стану так откровенно выставять себя напоказ. Дайте мне нормальную одежду.

Зарабет пошептала с одной из наложниц, и Стуже принесли длинный отрез светло-голубого шелка вместо прозрачного. Две девушки торопливо задрапировали ее в шелк и перетянули талию таким же золотым поясом, какой носили все наложницы Тумака.

Зарабет поднялась:

— Нет, дорогие мои. Слишком у нее открыта грудь. Нельзя, чтобы были заметны синяки, которые наставил ей Орголио.

На груди у Стужы действительно стали хорошо видны багрово-синие пятна. Девушки постарались спрятать их под шелком.

Стужа внимательно рассмотрела свое отражение в зеркале из отполированной бронзы. Спереди и сзади ее тело было прикрыто, а бока от плеч до щиколоток остались совершенно голыми. (Если бы не золотой пояс с драгоценными подвесками, шелк просто свалился бы с нее.) Этот наряд был откровенно неприличным, однако Стужа не могла сказать, что он ей не нравился.

— Ты прелестна, дитя. — Зарабет обошла ее вокруг, одобрительно кивая. Она поманила одну из девушек. — Принеси-ка мою шкатулку с драгоценностями.

Когда шкатулку принесли и открыли, Зарабет глубоко погрузила в нее пальцы и выудила оттуда тонкую витую диадему из серебра. На ней сверкал гладко отшлифованный лунный камень. Зарабет любовно посмотрела на украшение долгим взглядом, затем с глубоким вздохом водрузила диадему Стуже на голову так, чтобы лунный камень был точно посредине лба:

— Это тебе.

Невольницы зароптали, обжигая Стужу злобными завистливыми взглядами.

— Зарабет! — наконец осмелилась сказать одна из них. — Как можно...

Старуха ударила нахалку по губам, и та, съежившись, отступила назад. Внутренний свет озарил глаза Зарабет.

— Не тебе решать, что мне можно, а чего нельзя, — сказала она грозно. — И не смей впредь мне указывать. — Она снова повернулась к Стуже. — Этот подарок сделал мне отец Тумака, когда я впервые провела с ним ночь. Я была тогда очень молодой и такой же горячей, как и ты. — Зарабет взмахнула рукой, и все расступились. — Тебе пора идти. Тумак ждет.

Они подошли к одному из гобеленов, и за ним оказалась дверь, которая открывалась тем же самым ключом. Два стражника с алебардами уже ждали их, стоя по обеим сторонам двери. Стужа с удивлением отметила, как эти огромные и сильные мужчины низко склонились перед Зарабет.

— Новенькая готова.

Старая куртизанка шла впереди, а стражники замыкали шествие, уважительно помалкивая. Из невидимых щелей в стенах за ними внимательно следили глаза других солдат.

Босые ноги Стужи бесшумно ступали по каменным плитам. В стенах извилистых коридоров не было ни одного окна, лишь несколько запертых дверей. Ярko горели масляные лампы, освещая путь небольшой процессии. Мурашки побежали у Стужи по спине, она вдруг испугалась, что никогда не сможет найти в этом лабиринте дорогу обратно.

Из-за тяжелых дубовых дверей до них донеслись слабые звуки музыки и смех. Зарабет остановилась, один из стражников шагнул вперед и, нажав на блестящую медную ручку, толкнул дверь.

У Стужи потекли слюнки, когда из пиршественного зала на нее хлынул аппетитный запах жареного мяса. В коридор выплеснулась веселая музыка. В центре зала плясали и кувыркались шуты. Слуги проворно разносили блюда с шипящим мясом и овощами. Хорошенькие служанки снова и снова наполняли кубки вином.

Стужа нерешительно шагнула вперед. Откуда в Зонду такое изобилие, если земля здесь совершенно бесплодная? Она вопросительно взглянула на Зарабет, та улыбнулась ей и, взяв за руку, повела через зал прямо к столу, за которым сидели, очевидно, самые важные господа и дамы.

Когда они подошли, навстречу им церемонно поднялся один из мужчин и сверху вниз посмотрел на Стужу. Она встретила с ним глазами, забыв, что надо поклониться, пока Зарабет не ткнула ее легонько в живот.

Мужчина был низенький и толстый. На нем была яркая одежда, на пальцах сверкали кольца. На шее висело множество цепочек и кулонов, драгоценности переливались в пляшущем свете бесчисленных факелов. Под золотым венцом проглядывал лысый череп.

Зарабет снова поклонилась:

— Я приготовила ее, мой повелитель, как ты приказал мне.

Он обнажил в улыбке мелкие белые зубы.

— Дорогая, — сказал он, обращаясь к Стуже, — ты просто обворожительна. Гораздо обворожительнее, чем тогда, когда я увидел тебя впервые. О, не пытайся вспомнить, в этот момент ты спала. — Он указал на свободный стул справа от себя. — Я приберег для тебя почетное место.

На пол упал кубок с вином. Молодой человек благородной наружности вскочил и ударил кулаком по столу:

— Милостивый государь!

Все взоры обратились на разгневанного гостя.

— На ней такой же пояс, как и на всех твоих наложницах!

Тумак остался невозмутим.

— От тебя ничего не скроешь, не правда ли, юный Терлик? — Он сделал глоток вина. — Будь славным мальчиком и не поднимай шума по пустякам.

Но юноша снова стукнул кулаком по столу:

— Она моя! Она убила двух моих братьев и должна быть предана смерти.

Тумак спустился с возвышения для стола, за которым сидел он и его главные гости. Он подошел к Стуже, поцеловал ей руку и улыбнулся.

— Смерти? Это прелестное создание? О нет, я не допущу этого. Какая талия! — Он повел ее к столу, жестом отстраняя Зарабет. — Признаюсь, я подумывал отдать ее тебе, но теперь, увидев, как она преобразилась, понял, что чуть было не допустил большую ошибку.

— Она убила двух моих братьев!

— Не беспокойся, я лично прослежу, чтобы она была хорошенько наказана.

От Стужи не ускользнуло то, как лукаво он ей подмигнул.

— Моему отцу это совсем не понравится! — вскричал Терлик.

Тумак как ни в чем не бывало помахал рукой:

— Ничего не поделаешь, лорду Рольфу придется с этим смириться. Так что сядь и угошайся, побереги нервы.

Терлик побагровел:

— В последний раз прошу, Тумак, отдай ее мне.

Правитель Зонду слегка нахмурился.

— Я представляю это на суд присутствующих здесь мужчин, — обратился он к гостям. — Этот юноша рассказывает какие-то дикие истории об убийстве, якобы совершенном этим прелестным созданием. — Он погладил Стужу по голове мясистой белой рукой.

Самым отвратительным было то, что в этот момент от него зависела ее участь. Она постаралась не отводить голову.

— В самом деле, — продолжал Тумак, — Терлик утверждает, будто она убила его братьев мечом в обычной стычке на постоялом дворе. — Его лицо расплылось в широкой улыбке. Он поднял ее руку и шутливо потрогал бицепс. — А теперь я спрашиваю у вас, разве могла она этой нежной, хрупкой ручкой убить двух сильных мужчин, искусно владеющих мечом, таких, как сыновья лорда Рольфа? Рассудите же нас. Ну, что вы скажете?

Зал взорвался от смеха. Тумак пожал плечами и развел руками:

— Ну что ж, юный Терлик. Ты слышал вердикт своими ушами. Я, честно говоря, рад бы отдать ее тебе, да не могу. Но будь уверен, как только у меня будет время, я разберусь в этом недоразумении и обязательно докапаюсь до правды. А пока что успокойся и отведай моего вина.

Сын лорда Рольфа бросил на Тумака разъяренный взгляд, и гости, почувствовав неловкость, умолкли. Затем он презрительно плюнул в блюдо с дымящимся мясом, повернулся на каблуках и вышел.

— Кланяйся от меня своему благородному отцу, — громко сказал Тумак вслед юноше, скрывшемуся за дверями зала. А потом тихонько добавил, обращаясь к Стуже: — Никогда мне не нравился его папаша. Он просто какой-то напыщенный осел.

Она задумчиво хлебнула вина, которого он налил ей, закусил каким-то фруктом и ломтиком мяса. Креган предупреждал, что Рольф будет преследовать ее. Повелитель Шазада, должно быть, догадался, куда они направлялись. Как и опасался Креган, быстрая скачка и свежие лошади позволили Терлику оказаться в Зонду раньше.

Но существовала куда более серьезная опасность, ведь не один только Терлик охотился за ними.

Стоило Стуже вспомнить о Зарад-Круле, ее рука по привычке потянулась туда, где раньше была спрятана Книга Последней Битвы. Ее пальцы коснулись лишь золотого пояса, который означал, что она наложница Тумака, Книга осталась вместе с ее одеждой в подземной тюрьме.

Стужа нахмурилась и поджала губы, когда вдруг подумала, что уже очень поздно. Окон

в пиршественном зале не было, и она не могла определить время. Стужа с Креганом въехали в город на закате, но сколько часов прошло с тех пор? Наверняка уже наступила ночь и колдун вовсю ищет Книгу. Если ему удастся ее найти... Стужа постаралась отогнать от себя эту мысль.

Она решительно осушила кубок с кроваво-красным вином. Пора разыскать ее шондосийского друга и уносить ноги из этого гнусного города. Сделать это можно было только одним путем. Она нащупала руку Тумака и погладила ее. На его лице заиграла сладострастная улыбка, он сжал ее ладонь.

— У тебя глаза такого необычного зеленого цвета, — сказал он. Дыхание у него участилось.

Стужа с трудом сглотнула, горло у нее непроизвольно сжалось.

— У меня много чего необычного, — сказала она развязно, — и не все на виду.

Нет, роль обольстительницы ей явно не удавалась, и Стужа с трудом сдерживала дрожь. Тумак накрыл ее ладонь своей и почувствовал, как дрожит его сегодняшняя избранница, однако истолковал это по-своему и, отпустив сальную шутку, пригубил вина.

Стужа с притворной застенчивостью отвела глаза:

— Разве может девица, находясь рядом с тобой, не дрожать?

Кубок с вином дрогнул у него в руке, когда он поднес его к губам. Тумак закатил глаза, потом снова посмотрел на нее и медленно отставил кубок, не отрывая от нее взгляда.

— Девица?

Она снова застенчиво отвела глаза, надеясь, что на щеках у нее выступил румянец, и ответила лишь кивком головы.

У него на губах вновь сверкнула акулья улыбка, и правитель Зонду облизнулся, очевидно почувствовав внезапный прилив желания. Он погладил Стужу влажной от пота ладонью по обнаженному боку.

— Если ты лжешь, тебе не поздоровится, — пригрозил он ей.

Она позволила себе слегка улыбнуться и игриво покусала крылышко жареной дичи:

— Мне не поздоровится в любом случае, разве нет?

Тумак запрокинул голову и разразился смехом.

— Неплохо сказано! — проревел он, тряся животом так, что стол заходил ходуном, и гости изумленно замолчали. — Очень неплохо сказано!

Он поманил служанку, и та налила ему еще вина. Он осушил бокал одним глотком, потом второй. Затем он встал, поднимая вместе с собой и Стужу.

— Друзья мои! — проговорил он громко, и все затихли. — Я благодарю вас за то, что разделили со мной трапезу, и прошу — продолжайте без меня. Я распорядился, чтобы у вас ни в чем не было недостатка, ни в еде, ни в вине, ни... — он осклабился, недвусмысленно скосив глаза на грудь Стужи, — в чем другом. Но сейчас ваш правитель устал, и ему пора в постель. Я желаю всем доброй ночи.

Он сжал ее руку своей потной лапой и притянул к себе. Так ей и пришлось пройти через зал под грубый смех и скабрзные шутки. Стужа сторала от стыда, пока Тумак вел ее за собой, словно она малое дитя. Выйдя из зала, они пошли по мрачному коридору, за ними последовал стражник. Вскоре Стужа потеряла ориентацию в лабиринте коридоров. Они были то освещенными, то совершенно темными. Она уже начала бояться, что ей никогда не удастся выбраться отсюда. И тут они остановились перед дверью, за которой оказалась комната. Стражник проскользнул вслед за ними и зажег тонкую свечу от лампы, которую он снял со стены в пиршественном зале и принес с собой. Потом он вышел и закрыл дверь.

Стужа еле слышно ахнула, оглядевшись вокруг. Роскошные драпировки и гобелены, тонкие, почти прозрачные, ниспадали до пола, устланного богатыми коврами. По углам высились груды пухлых подушек, которые также лежали и на огромной кровати с балдахином и пуховой периной. Больше в комнате ничего не было. Тумак подвел Стужу к кровати.

Она озиралась в поисках чего-нибудь, что могло бы заменить ей оружие, хотя бы

гребенка или шпилька. Не было ничего, чем она могла бы его оглушить. Подсвечники были намертво прикручены к стенам. По-видимому, из комнаты преднамеренно убрали все потенциально опасные предметы.

Тумак выпустил ее руку и, глядя на нее глазами голодного хищника, стал медленно раздеваться в чувственном танце. Так женщина могла бы соблазнять мужчину. Одну за другой он скинул с себя все детали туалета и остался совершенно голым. Он окинул взглядом фигуру Стужи, и низкое рычание вырвалось из его горла.

Стужа отвернулась, борясь со страхом и отвращением. Холодные руки легли ей на плечи и принялись лапать грудь. Тумак прижался к ней жирным телом, и она, как ни старалась, не смогла сдержать дрожь. Он сжал Стужу в объятиях, развернул ее к себе лицом. В нос ей ударил запах перегара и пота. У него самого грудь была почти как у женщины — пухлая и чуть-чуть отвислая, а меж бедер подрагивал здоровенный... Тумак приник губами к ее шее.

Стужа рассчитывала найти здесь что-нибудь, что послужит ей оружием и поможет бежать, но все пошло не так. Горячее дыхание Тумака обжигало ей кожу. Его пальцы безуспешно пытались расстегнуть золотой пояс у нее на талии. Стуже стало страшно. Если бы она знала, какую цену ей придется заплатить за свою свободу и свободу Крегана, — разделить ложе с этим уродом, она сразу отказалась бы от своего плана, слишком это было омерзительно.

Она с содроганием почувствовала, как его руки скользнули к ней под одежду. Оставив наконец в покое сложную застежку, он стянул тонкую ткань с ее плеча. Он чуть не потерял сознание, сжав ее нежную грудь цвета слоновой кости. Но он хотел видеть ее обнаженной и другой рукой продолжал дергать упрямую застежку.

Внезапно Стужу передернуло, страх словно улетучился. Ей потребовалось сделать над собой определенное усилие, чтобы не рассмеяться. Она кинула взгляд на дверь, прикидывая расстояние до нее и вспоминая лабиринт коридоров. Она не представляла, как будет искать Крегана в подземелье, где остались ее вещи, и как они выберутся оттуда.

Она в конце концов придумала, как избавиться от этого похотливого чудовища.

Стужа мягко оттолкнула Тумака, глядя на него долгим многообещающим взглядом, и улыбалась.

— Позволь, я сама, — прошептала она, снимая его руки со своего золотого пояса. Драгоценные подвески на серебряных нитях поблескивали в янтарном свете, пока она расстегивала пояс. Потом она подняла его на вытянутых руках и незаметно проверила, насколько он прочен.

Стужа широко раскинула руки, словно открывая объятия, и Тумак, зажмурившись, кинулся к ней. С чувством глубокого удовлетворения она спокойно накинула цепь ему на шею и резко затянула ее. Он выпучил глаза неизвестно от чего больше — от неожиданности или от боли. Стужа продолжала затягивать у него на горле импровизированную удавку, но Тумаку все-таки удалось просунуть руку между шеей и поясом.

Стужу вновь охватил страх, но она справилась с собой. Цепи было уже почти не видно, так глубоко она врезалась ему в шею, и все же Тумак никак не хотел умирать. Лицо у него стало багровым, на висках вздулись и пульсировали вены. Но он был жив!

Время поджимало, Стужа боялась, что кто-то может пройти по коридору и услышать звуки борьбы. С этим пора было кончать. Она врезала Тумаку коленом в пах. Он издал низкий хрип, почти животное рычание, и качнулся вперед. Тогда она резко подсекла ему ноги. Голова его вывернулась так, что казалось, вот-вот сломается шея, он выпучил глаза, повиснув всем своим весом на драгоценной удавке. Синий язык вывалился из помертвевших губ.

И все же он цеплялся за жизнь. Стужа наступила ему ногой на горло. И тут раздался бешеный стук, дверь распахнулась. В комнату вбежали двое стражников с обнаженными мечами в руках. Она сразу узнала того, кто сопровождал их.

Стужа отпустила один конец пояса, и Тумак повалился на ковер. Только необычайная

проворность спасла Стужу от неминуемой смерти, когда один из стражников кинулся на нее. Клинок вжикнул у самого уха. Она махнула цепью, и один из нападавших пронзительно вскрикнул, когда драгоценный камень впился ему в глаз. Он тут же получил пинок в живот, а сзади — оглушительный удар кулаком по шее. Стужа была уверена, что он потерял сознание. Потом на нее бросился другой стражник. Она сделала отчаянную попытку увернуться и, отскочив, дернула одну из свисавших с потолка драпировок. Драпировка упала, и нападающий, запутавшись в ней, рухнул на пол.

Однако его товарищ, шатаясь, поднялся на ноги. Хоть он еще не окончательно пришел в себя, у него в руках был меч. Он неуклюже размахивал им, Стужа пятилась и вдруг наступила на что-то скользкое, ноги у нее разъехались, и она полетела на пол. Это были штаны, которые незадолго до этого сбросил Тумак.

Стужа неуклюже упала и при этом сильно ударилась головой. Взметнулся и опустился клинок. Будучи на волосок от смерти, она едва успела откатиться.

Голова у нее раскалывалась от боли, в ушах звенело. Она проиграла. И виной тому была какая-то шелковая тряпка. Перед глазами у нее плыли круги, но она все же увидела, как в спальню ворвались еще трое стражников. Все было кончено, попытка к бегству не удалась. Находясь в опасной близости от одного из стражников, она, сдаваясь, подняла руки.

Тумак все-таки выжил. Поддерживаемый с обеих сторон под руки, он доковылял до нее на трясущихся ногах. На его шее виднелись багровые отпечатки там, куда впивались звенья цепи, служившей ей поясом. Боль застыла в его маленьких глазках. Тумак ударил Стужу по щеке, но в его ударе не было силы. Она выдавила кривую усмешку. Он мог говорить только сиплым шепотом, срывающимся на хрип.

— Ты тупая, ублюдочная тварь. — Трясущимся пальцем он показывал куда-то вверх на стену. Там, под потолком, была узкая щель. Свет не проникал сквозь нее. Стужа догадалась, для чего была предназначена эта щель. — При мне всегда мой личный телохранитель. Даже когда я с женщиной, он следит за мной.

Этот толстенький человечек, только что избежавший смерти, злобно смотрел на нее, будто ожидая ответа. У Стужи было наготове немало весьма обидных замечаний, но она решила придержать язык. Положение у нее и без того было незавидное.

— Надо было отдать тебя юному Терлику, — прохрипел он, не дождавшись от нее ответа. Он подал знак стражникам. — Посадите эту подлую неблагодарную суку обратно в камеру, и чтоб больше я никогда ее не видел.

Глава 6

Стужа упала на кучу соломы, лежавшую на полу уже знакомой ей камеры. Дверь захлопнулась. Смех стражников еще долго эхом отдавался в коридоре после того, как они ушли. Она снова была голой и безоружной. Невыносимо болела шишка на голове, но Стужа постаралась не обращать внимание на боль. Она принялась за цепь, сковывавшую ее

запястья, и с трудом избавилась от нее.

Кровь снова побежала по жилам, вызывая неприятное покалывание в затекших руках. Кожа на запястьях была содрана. Стужа чувствовала себя неважно. Поднявшись, она походила по камере, пытаясь найти хоть какую-то замену оружию, но не было ничего, даже того маленького табурета, о который она споткнулась в первый раз. Дверь была очень прочной, прутья решетки в маленьком оконце глубоко вделаны в дерево, и расшатать решетку казалось совершенно невозможным.

Стужа выругалась и стукнула кулаком в дверь. Из коридора послышалось шарканье ног, и, когда слабый свет факела просочился в камеру, она отпрянула назад в темноту. Шарканье прекратилось, и в оконце появилась физиономия тюремщика Орголио. Стужа скорчившись сидела в углу, стараясь не шевелиться и не дышать.

— Ты чего шумишь, малютка?

Она не отозвалась. Орголио не видел, где она прячется, и Стужа надеялась, что любопытство заставит его войти.

— А-а, так ты не хочешь разговаривать с Орголио? Ну и ладно. Никто не хочет с ним разговаривать, да и наплевать.

Грусть, прозвучавшая в его голосе, почти разжалобила ее, но синяки на груди были слишком свежим напоминанием о его жестокости. Никакой жалости к этому животному, ей во что бы то ни стало надо бежать. Остается только молиться о том, чтобы на этот раз все удалось.

Орголио вздохнул.

— Ты такая милашка. Скоро Орголио придет к тебе, и тогда мы с тобой поиграемся. — И тюремщик вернулся на свое место.

Стужу передернуло, и она снова выругалась. «Поиграемся», а то как же. Она подкралась к оконцу и увидела, что Орголио сидит за столом, на котором лежали ее одежда и оружие. Похоже, он заснул, едва опустившись на стул.

Пока Стужа смотрела на него, у нее родился рискованный план. Ей необходимо было выбраться отсюда и разыскать Крегана, если он еще жив, а затем увезти Книгу Последней Битвы подальше из Зонду. Она боялась, что Зарад-Крул непременно нападет еще до рассвета. Ее план был настолько опасным, что это граничило с безумием, и она с ужасом подумала о том, что ее ждет, если он провалится.

Однако времени на раздумья не было. Стужа прижалась лицом к решетке и позвала Орголио. Он открыл глаза:

— А? Кто здесь звал Орголио?

— Проснись. — Ее голос был нежным и манящим, по крайней мере она на это надеялась.

Он посмотрел на нее, но продолжал сидеть:

— Это ты, малютка? Потерпи еще немного, очень скоро Орголио придет к тебе побаловаться.

— Открой дверь, Орголио. Я выйду к тебе.

Улыбка сползла с лица тюремщика.

— Тупая она, что ли? — пробормотал он и плюнул в стену напротив. — Ты думаешь, я открою дверь? Ты решала, что Орголио такой же тупой, как и все вокруг? Ну нет, дурочка, Орголио не выпустит тебя. Но не расстраивайся, ты вдоволь наиграешься с Орголио. Ах, скоро ты будешь такая счастливая. — Он снова откинулся на спинку стула и уснул.

Стужа облизнула губы, вытерла вспотевшие ладони и снова позвала его.

— Ну чего тебе надо, глупышка?

— Если ты выпустишь меня, я дам тебе одну красивую вещицу. Она очень дорогая.

Он пошмыгал своим огромным носом, потер его:

— У тебя, малышка, нет ничего для Орголио. Стражники все забрали.

Стужа вцепилась руками в решетку:

— Она лежит прямо перед тобой, вместе с моей одеждой. Я даже вижу ее отсюда. Если

выпустишь меня, она твоя.

Орголио выпрямился и с интересом посмотрел на нее, моргая сонными глазами:

— А что это такое, малютка?

— Кинжал, — произнесла она срывающимся от волнения шепотом. — Из чистого серебра.

Он вытер уголки рта и в раздумье посмотрел на ее вещи, разложенные на столе.

— Давай же, — подначивала она тюремщика. — Взгляни на него.

Орголио порылся в ее вещах и нашел Жало Демона. В неярком свете факела блеснуло серебро. Орголио пощупал пояс, затем повертел ножны, и на его толстощеком лице появилась улыбка. Стужа вздрогнула, порывисто вздохнула и заставила себя успокоиться.

— Рассмотрю хорошенько клинок.

Орголио хитро улыбнулся, показывая желтые гнилые зубы:

— Вот глупышка, она думает, что Орголио ее сейчас выпустит. О-хо-хо, вот уж нет. Он заберег себе кинжал, а ее не выпустит.

Стужа стукнулась головой о решетку, едва сдерживая вопль.

— Посмотри же на клинок, ты, тупой осел! — процедила она сквозь зубы. Тюремщик сурово взглянул на нее, и она испугалась, что разозлила его. Стужа быстро заговорила, придумывая на ходу что-нибудь правдоподобное. — Взгляни, как искусно он сделан, только лучшие мастера в Эсгарии могут выковывать такие клинки. Посмотри на него и убедись в этом сам.

Орголио ухмыльнулся и схватился за рукоятку кинжала. Возможно, какое-то предчувствие заставило его помедлить, и Стужа вцепилась в решетку так крепко, что у нее побелели костяшки.

— Посмотри на него, — повторяла она. — Посмотри на него. — Ее голос звучал уже почти повелительно.

Она зажмурилась, услышав тихий скрежет металла, когда Орголио потянул кинжал из ножен.

И Жало Демона словно ожил. Пронзительный крик раздался под каменными сводами подземелья. Ухмылка на лице тюремщика сменилась выражением страха, и жуткий возглас вырвался из недр его темной души.

Стужа как зачарованная следила за превращениями, происходящими с Орголио. Теперь в его маленьких черных глазках зажглась жажда крови. В нем боролись страх и желание убивать.

Тюремщик безвольно встал со стула, снял ключи с крючка на стене и, спотыкаясь, двинулся к двери камеры, не в силах сопротивляться власти кинжала.

Ключ лязгнул в замке.

«Если кинжал не напьется крови врага, он насытится твоей».

Стужа поставила на карту свою жизнь. Она собиралась с духом, готовясь к схватке и молясь всем своим богам.

Дверь камеры медленно отворилась. Черный силуэт Орголио появился в дверном проеме на фоне тускло освещенного коридора. В его руке был кинжал, он блестел, как лед из самых глубин ада, и стenal, как все души грешников, заключенные там.

Стужа предусмотрительно вышла на середину камеры, выбирая место для схватки. Тюремщик был огромным. Один раз она уже проиграла и все-таки надеялась, что ей удастся его одолеть. Она сделала вдох и задержала дыхание, наблюдая за постоянной сменой эмоций, которые поочередно отражались на лице ее противника: замешательство, ужас, бешенство.

К крику кинжала прибавилось низкое рычание, и великан бросился на нее. Она тенью метнулась в сторону и ударила его по руке, в которой он сжимал Жало Демона. Волшебный клинок отлетел в сторону.

Стужа даже не рассчитывала, что так легко сможет обезоружить его. Она нагнулась, чтобы поднять кинжал, но Орголио всей своей тушей врезался в нее, и она полетела на пол,

но тут же вскочила на ноги и приготовилась к новой атаке. И вдруг она застыла.

Жало Демона снова блестел в его ручище. Крик требующего крови кинжала стал просто оглушительным, но тюрьма находилась глубоко под землей, и если кто-то из стражников и слышал его, то вряд ли ему пришло бы в голову пойти разузнать, с чего это Орголио так раскричался. Стужа прижалась спиной к холодной стене.

Тюремщик злобно поглядел на нее и стал приближаться, угрожающе сжав кулачищи. Стужа поняла, что не стоит даже пытаться проскочить мимо него, слишком велик был риск.

Орголио замахнулся. Стужа издала отчаянный вопль и успела перехватить его запястье обеими руками, удерживая кинжал на расстоянии.

Некоторое время они боролись, но у Стужи было преимущество — она действовала обеими руками. Тюремщик взревел и ударил ее по лицу. Удар был довольно сильным, и в голове у нее зашумело. И все-таки она не разжимала пальцев. Когда он попытался ударить снова, она нырнула ему под руку и изо всех сил пнула в пах. Он выпучил от боли свои заплывшие жиром глазки и согнулся пополам. Стужа сделала шаг в сторону и, обхватив его одной рукой за шею, а другой ухватившись за ремень на штанах, ударила головой об стену. Даже не взглянув на Орголио, она выскочила в коридор и захлопнула за собой дверь.

Ключа в замке не было. Вероятно, Орголио забрал его, когда вошел к ней. В страшном волнении Стужа заглянула в камеру сквозь решетчатое оконце. Ее противник, шатаясь, поднялся на ноги, по-прежнему сжимая в руке Жало Демона. Стужа едва сдерживала рыдания. Глаза противников встретились, и великан двинулся на нее.

«Если кинжал не напьется крови врага, он насытится твоей».

Она надеялась, что это предостережение относится к любому, кто вытащит кинжал из ножен. Она уперлась ногами в противоположную стену узкого коридора, а спиной подперла дверь, в которую тут же начал ломиться Орголио, и та слегка поддалась. Стужа напряглась, собирая все свои силы, ибо знала, что ей грозит.

Его удар чуть не сломал ей позвоночник. Тюремщик бился в дверь всем телом до тех пор, пока одна из дверных петель не согнулась, вот-вот готовая сломаться. Старое дерево затрещало. Стужа крепко зажмурилась и молилась только о том, чтобы выдержать натиск.

Жало Демона продолжал вопить. Стужа услышала царапанье у себя над головой и посмотрела вверх. Жирные пальцы просунулись сквозь решетку и скребли дерево. Орголио, насколько мог, высунул руку, сжимая и разжимая кулак, пытаясь вцепиться ей в волосы. Она вспомнила, что один раз ему это уже удалось. Ее снова охватил страх.

Внезапно крик кинжала стал громче, и при этом поменялась его интонация, теперь в крике слышалась мстительность. А бешеный стук в дверь неожиданно стих. Мгновение тишины — и Стужа услышала в дальнем углу камеры какую-то возню, а потом тюремщик вдруг взвыл.

Ею овладело болезненное любопытство. Она быстро поднялась, сняла со стены факел и, затаив дыхание, стала вглядываться сквозь решетку.

Стоящий на коленях тюремщик выл от ужаса и отчаяния. Левой рукой он пытался отодрать пальцы правой от рукоятки кинжала, который он пытался удержать на расстоянии от себя, от напряжения мышцы вздулись у него на руках. Но изголодавшийся клинок взвизгнул, и сопротивление Орголио стало ослабевать. Бледный, мокрый от пота, он зачарованно смотрел на сверкающее смертоносное жало.

Его правая рука дернулась и рванулась вверх. С хрустом клинок вошел ему в сердце по самую рукоятку. Сердце, полное крови. Крик прекратился. И тут из горла Орголио вырвался вопль, подобный воплю умолкнувшего Жала Демона. Стужа заткнула уши и, прижавшись лбом к двери, стояла так, пока в подземелье не наступила тишина. Теперь Стужа не слышала ничего, кроме собственного дыхания. Она открыла дверь и замерла на пороге, не решаясь войти. Она вглядывалась в темноту, раздумывая над тем, что произошло. Жало Демона торчал из груди мертвого тюремщика, словно причудливый цветок. Ей было страшно и противно прикасаться к кинжалу, но, если бы не он, Стужа могла бы заживо сгнить в этой камере, к большому удовольствию Орголио.

Трясущимися руками, преодолевая отвращение, Стужа вытащила Жало Демона из трупа и вытерла лезвие пучком соломы. Пояс и ножны валялись на том же месте, куда их бросил Орголио. Она облегченно вздохнула, когда кинжал снова оказался в ножнах. И только теперь она вспомнила о Крегане. И о Зарад-Круле.

Стужа надела штаны, сунула ноги в сапоги, потянулась к тунике и похолодела. Она встрянула ее, схватила плащ и тоже потрясла его. Кровь застыла у нее в жилах. Стужа упала на колени и принялась шарить руками по полу. Ни под столом, ни под стулом ничего не было. Книга Последней Битвы исчезла.

Стужа быстро оделась и пристегнула оружие. Теперь ей просто необходимо было найти Крегана. Возможно, он что-то знает о судьбе Книги. А если нет, то ей нужен его совет. Но как отсюда выбраться? Направо был путь наверх, во дворец. Когда ее вели мимо тех камер, в них было темно и тихо. Шондосийца точно так же, как и ее, могли поймать и бросить в темницу. Могли заткнуть ему рот кляпом, могли сделать и что-нибудь похуже.

Что находится слева, она не знала, но при свете факела она разглядела, что там тоже были камеры. И в любой из них мог быть заточен ее друг. Стужа нахмурилась. Решительности ей было не занимать, однако сейчас она колебалась. Неправильно выбранный путь — это потеря драгоценного времени, а кроме того, нельзя было забывать о Зарад-Круле.

Из темноты слышались чьи-то шаги. Стужа вынула меч и скользнула в спасительную тень ниши. Она задержала дыхание и прислушалась. Легкая поступь, всего один человек. Его шаги приближались, пахло гарью от масляной лампы. В облаке света появилась женщина и прошла мимо ниши, не заметив, что в ней кто-то притаился. Быстро и бесшумно Стужа выскочила из своего укрытия и, зажав незнакомке рот рукой, поднесла к ее горлу меч. Ее пленница сжалась, но даже не попыталась сопротивляться.

Зарабет.

Сначала Стужа узнала запах ее духов, потом одежду и тонкий золотой пояс с драгоценными подвесками и вспомнила, что из всего серала только эта старая куртизанка могла свободно передвигаться по дворцу.

— Если ты хоть пикнешь, тебе конец, — прошептала Стужа внушительно, и старуха кивнула, насколько это было возможно в ее положении. Тогда Стужа отпустила ее, и Зарабет повернулась, высоко поднимая лампу. Накрашенные глаза старухи удивленно блеснули.

— А ты проворнее, чем я думала.

Стужа пропустила ее замечание мимо ушей.

— Зачем ты пришла сюда?

В руке у главной наложницы была бутылка вина.

— Я несла ее тебе. Тумак публично объявил, что ты пыталась его убить, и поклялся, что остаток дней ты проведешь в темнице, ублажая стражников. Ты не заслуживаешь такой участи. — Ее голос звучал немного испуганно, но она спокойно встретила взгляд Стужи. — Это вино отравлено.

— Вот спасибо, — саркастически поблагодарила ее Стужа. — Но с чего бы это такая заботливость?

Зарабет пожала плечами.

— Времени мало, и раз уж ты выбралась из камеры, мы должны придумать, как тебе сбежать из Зонду. А в ответ на твой вопрос достаточно сказать, что ты напомнила мне о моей юности, я была такой же гордой и смелой, неплохо владела кое-каким оружием. — Свет лампы отразился в ее глазах, и в них вспыхнул огонь. — Я очень хочу, чтобы у Тумака было поменьше маленьких радостей. Вплоть до того, что готова отравить отвергнувшую его девушку, которую он приказал бросить в камеру лишь затем, чтобы порой с удовольствием вспоминать о том, что она гниет там заживо.

Стужа посмотрела на старую наложницу долгим изучающим взглядом:

— Сдается мне, что ты ненавидишь его лютой ненавистью.

Лицо Зарабет стало каменным.

— Я была всего лишь одной из наложниц, не женой, но отец Тумака любил меня, а я

любила его. — В голосе ее прозвучала горечь. — Однако Тумак страстно желал стать правителем Зонду, а этот пост переходит по наследству, как и корона Роларофа. И вот однажды, когда его отец и я спали в объятиях друг друга, он пробрался в нашу спальню. Одним ударом меча он обезглавил своего отца. — Она смотрела прямо перед собой безумными, ничего не видящими глазами. — Его кровь хлынула прямо на меня, и я с криком проснулась.

Стужа ничего не ответила. Она вспомнила один из своих частых кошмаров. Отец лежит у ее ног, пронзенный мечом, и гнев на его лице сменяется маской смерти. Кровь течет, заливая ей сапоги.

Зарабет крепко держала лампу в руке и заворожено глядела на ее ровное пламя.

— Однажды ночью, — проговорила Зарабет, и две слезинки скатились по ее щекам, — я отплачу ему тем же.

Повисло молчание, обе женщины скорбели по мертвым.

— Но я умею ждать, — внезапно сказала старуха. — А сейчас нам надо идти. Орголио, должно быть, где-то неподалеку. Он рыщет по этим коридорам, как жирная крыса.

— Орголио мертв, — отозвалась Стужа. — И потом, я не могу идти. Мне необходимо найти свою книгу и шондосийского мага, которого схватили вместе со мной.

— Забудь об этой книге, — посоветовала ей Зарабет. — Она исчезла. Но я могу показать тебе, где находится шондосиец.

Стужа резко повернулась к старухе и угрожающе двинулась на нее, так что та вздрогнула и отступила назад.

— Что значит «исчезла»? — прошипела Стужа. — Куда исчезла? — В ее голосе было столько ярости, что Зарабет задрожала.

— Юный Терлик забрал ее, — выдавила она. — Я видела книгу в его покоях незадолго до того, как он уехал. Я даже говорила с ним. Он хотел показать ее отцу, чтобы тот удостоверился, что ты здесь. Он думал, это дневник.

— Где он теперь?

— Уехал, — ответила Зарабет. — Ты видела, как он разгневался на Тумака.

— Давно он уехал?

— Примерно два часа назад.

Стужа в сердцах выругалась. Так близко от Шондо, черт возьми! Терлик отвезет Книгу Последней Битвы обратно в Ролароф, проклятый осел! Она знала, что, если не найдет его и не вернет эту проклятую Книгу, все пропало. Но успеет ли она, или безумный колдун разыщет Терлика первым?

— Хорошо, води меня к Крегану.

— К кому?

— К шондосийцу, черт побери, да побыстрее. — Она слегка подтолкнула Зарабет, чтобы поторопить.

Но Зарабет отпихнула ее руку и выпрямилась во весь рост.

— Не смей меня толкать, — сказала она ледяным тоном.

Возникла неловкая пауза, и Стужа увидела в пожилой женщине другую Зарабет, ту, которая могла дать пинка стражнику или поставить на место тупоголового тюремщика. Но через мгновение старуха смягчилась:

— Немного повежливей — и я проведу тебя.

Креган находился двумя этажами ниже. Стужа услышала голоса стражников у его камеры, и, прежде чем они заметили тусклый свет лампы, Зарабет быстро потушила ее. Со всех сторон их окружила тьма, здесь не горело ни одного факела. Стужа подала Зарабет знак ждать, а сама осторожно двинулась вперед. Она прижалась к стене и выглянула из-за угла.

Их было трое. Они сидели за столом и играли в кости при свете лампы. Один из них сидел к Стуже спиной, но два других тут же заметили бы ее, стоило только ей высунуться.

— И он единственный никак не хотел идти туда. Черт, это был лучший бордель в городе, а мы не могли его туда затащить. Ха! Он, должно быть, боялся, что это войдет у него

в привычку.

— Эти трафибанцы такие тупые! Обыграть их проще простого, будь ты хоть слепой.

— Ты знаешь, они удобряют землю конским навозом.

Стужа слушала их болтовню и прикидывала, можно ли с ними справиться в открытом бою. Двое из них были здоровенными крепкими парнями. Третий был поменьше, но у всех на поясе висели мечи и кинжалы, и рядом с каждым стояла прислоненная к стене пика.

Коридор был узким, не размахнуться. Кроме того, свет ламп выдаст ее прежде, чем она приблизится к ним, а в стенах нет ни одной ниши, чтобы спрятаться. Подкрасться незаметно ей не удастся.

Зарабет коснулась ее руки, когда Стужа снова нырнула в темноту коридора.

— Ну что? — шепотом спросила старуха.

Стужа увлекла ее подальше от стражников и только тогда заговорила:

— Трое с пиками, мечами и кинжалами. — Она подробно описала обстановку. — Пики, можно сказать, не в счет: слишком тесно. Но и застать охрану врасплох не получится.

Зарабет подумала:

— Я могу выманить их по одному под предлогом приказа Тумака.

— Слишком подозрительно, — ответила Стужа. — Но рисковать и начинать схватку нельзя. Что же делать? У нас совсем мало времени. — На мгновение она задумалась. — А что если...

Стражники подняли головы, услышав звук шагов, и раскрыли рты, когда из темноты важно выступила главная куртизанка. Рядом с ней, почтительно опустив глаза, шла молодая девушка. На ней не было ничего, кроме серебряной диадемы в волосах. На ходу она соблазнительно покачивала бедрами, ее босые ноги шлепали по каменному полу. Все трое встали и вышли из-за стола, чтобы лучше рассмотреть ее. Их глаза заблестели.

— Тумак прислал вам ее в награду за честную службу, — объявила Зарабет.

Стужа грациозно подплыла к ним и томно посмотрела с притворной застенчивостью.

— А еще он послал вам вино, правда всего бутылку, но вино очень хорошее. Я сама выбирала его и обещаю: такого вы больше никогда не попробуете.

Радостно скалясь, они кинулись к бутылке, а Стужа начала танцевать, дразняще покачивая бедрами и поводя плечами. Мужчины не сводили с нее глаз, и один из них жадно глотнул вина, заливая себе грудь. Двое других последовали его примеру. Они были веселы и, судя по всему, прекрасно себя чувствовали. Пока не начал действовать яд.

Закатывая глаза, стражники стали хвататься за животы. Сначала закричал один, а за ним и остальные двое с воплями согнулись пополам, потом они начали задыхаться и кашлять, тщетно пытаясь глотнуть воздуха. Тот, что был поменьше, с ненавистью глядя на своих убийц, потянулся за мечом, но упал на колени. Яд одолел его прежде, чем он успел вытащить меч из ножен. Его товарищи валялись на полу с посиневшими губами, высунув языки.

Когда все было кончено, Стужа повернулась к Зарабет:

— Принеси, пожалуйста, мою одежду и оружие.

Старуха поспешно отправилась назад, а Стужа повернулась к двери в камеру Крегана. Ее беспокоило то, что оттуда не доносилось ни звука. Если он спал, то крики умирающих стражников, должны были его разбудить. Она позвала его, но ответа не последовало. Стужа торопливо обыскала тела стражников, нашла ключ и, вставив его в замочную скважину, повернула, затем толкнула дверь.

Сначала ей показалось, что Креган мертв. Он вытянувшись лежал на соломе со связанными сзади руками. На глазах у него была плотная повязка, а во рту кляп. «Они сделали все, чтобы не дать ему произнести заклинание или пошевелить рукой», — со злостью подумала Стужа. Мечом она быстро разрезала на нем веревки, затем сорвала повязку и вынула кляп, но Креган все равно не двигался. Стужа приложила ухо к его груди. Сердце хоть и слабо, но билось.

Значит, его чем-то опоили.

Зарабет вошла в камеру с вещами Стужи в руках, но, увидев Крегана, она чертыхнулась и выронила их, делая какие-то оградительные жесты. Стужа едва сдержала смех, не желая обидеть старуху:

— Не бойся. Видишь, он без сознания?

Было видно, что старая куртизанка колеблется. Она недоверчиво смотрела на Стужу. Но наконец она осторожно шагнула вперед, готовая развернуться и убежать, если колдун откроет глаза. Когда же Зарабет убедилась, что тот не собирается шевелиться, она опустилась на колени рядом со Стужей и постепенно успокоилась.

— Никогда еще не видела шондосийца так близко, — призналась она. — От него как-то подозрительно пахнет. — Она вдруг наклонилась к магу, послушала его сердце и принялась. — Чулим! — заявила она. — Его довольно часто используют. На их месте я бы дала ему что-нибудь по сильнее. Но надо быть полным идиотом, чтобы захватить его живым.

Зарабет похлопала Крегана по щекам, потом растерла ему руки и ноги. В коридоре Стужа нашла воду и принесла тяжелый бочонок в камеру. Она побрызгала ему в лицо. Зарабет хмыкнула, поднялась и отстранила Стужу. Потом выплеснула на Крегана половину бочонка, но так как он и после этого не подавал признаков жизни, выплеснула остальное.

Шондосиец застонал. Ресницы у него затрепетали.

— Помоги мне поднять его, — командовала Зарабет, усадив его.

Они взяли Крегана под руки, с трудом подняли его и повели по камере, пока он не смог самостоятельно стоять на ногах.

Креган потер виски:

— Что произошло?

— Много чего произошло, — ответила Стужа. На мгновение ей показалось, что ее друг вот-вот рухнет, она подхватила его и ударила по щеке. — Приходи в себя, Креган. Ты нужен мне.

Креган с усилием снова открыл глаза, но на этот раз их выражение было более осмысленным.

— Все в порядке, — сказал он. — Все в порядке.

— Книга исчезла, — сообщила Стужа. — Ее увезли, и мне нужно ехать за ней.

— Как это случилось?

— Нет времени рассказывать, я слишком долго тебя искала. Ее увезли, вот и все.

— Мы должны вернуть ее, — пробормотал он.

Она покачала головой:

— Не мы, а я. Я еду одна. А ты займешься другим.

— Но я хочу помочь.

— Заткнись и слушай, черт тебя побери! Я все продумала.

Она схватила колдуна за плечи, потрясла его и услышала, как ахнула Зарабет. Все роларофцы безумно боялись шондосийцев и относились к ним с почтением. Стужа заглянула Крегану в глаза:

— Зарад-Крул не знает, что у нас забрали Книгу, и не должен даже этого заподозрить. Он уверен, что мы направляемся в Шондо, и он сделает все, чтобы найти нас. У меня появится хоть какой-то шанс вернуть Книгу, если он и дальше будет думать, будто она у нас.

— И что мне делать?

— Отправляйся в Шондо. Расскажи всем, кому считаешь нужным, что поставлено на карту. Готовьтесь к войне и постарайтесь, чтобы это было заметно. Внимание Зарад-Крула должно быть приковано к Шондо. Иначе он найдет Терлика раньше, чем я. Тогда мы пропали.

Креган колебался.

— Без тебя я смогу скакать гораздо быстрее, — продолжала она, не дав ему возразить. — К тому же теперь ты остался без лошади.

— Нери скорее всего где-нибудь поблизости.

Стужа сердито перебила его:

— Она не успела выскочить за ворота, но даже если ты найдешь ее, Нери не в состоянии угнаться за Ашуром. Ты же знаешь.

Креган медленно закивал. Он был явно расстроен, но, когда он заговорил снова, в его голосе зазвучала прежняя твердость, исчезли последние признаки действия чулима. Он гордо выпрямился.

— Хорошо. Я отвлеку его, — сказал он. — Устрою такую кутерьму, что Зарад-Крул не сможет думать ни о чем, кроме Шондо. Но где ты будешь искать сына Рольфа?

Зарабет перебила его:

— Рольф догадался, в какую сторону вы направились, но он не знает, что вы ехали в Шондо. Терлик поехал сюда, его брат — в Цагах, в столицу, а сам Рольф — в Камейру.

— Терлик отправился к отцу, — сказала Стужа. — И я должна перехватить его прежде, чем он доберется до Камейры.

— Камейра находится к западу от Крильских гор. — Креган поскреб подбородок. — Если вдуматься, это полное безумие.

— У тебя есть план получше?

Он лишь нахмурился и ничего не ответил.

Темными коридорами и потайными ходами Зарабет вывела их из подземелья, и вскоре они оказались во дворе.

Было так поздно, что они даже не встретили у дворцовых ворот часовых и, остановившись у низкой стены, стали прощаться. Креган вел себя резковато, сказывалось его беспокойство, но прежде чем раствориться в темноте, он торопливо поцеловал Стужу в щеку.

Она удивленно провела рукой по лицу и вдруг покраснела, надеясь, что Зарабет этого не заметила. Стужа пожала ей руку.

— Я не могу выразить словами, как я тебе благодарна, — сказала она. — Ты сделала для нас так много. — Она потянулась к диадеме, собираясь снять ее.

Зарабет поймала ее за руку.

— Нет, оставь себе. Я ее дарю. — В глазах пожилой женщины вдруг появилась печаль. — Я не знаю, что ждет тебя впереди, дитя, но желаю удачи. Будь осторожна и вспоминай иногда о старухе.

Стужа улыбнулась и посмотрела в небо. Казалось, ночь будет длиться вечно. На севере, где находился Шардах, небо было чернее ночи, там собирались тучи. Стужа постаралась унять дрожь.

Зарабет удивленно посмотрела на нее:

— Что такое, дитя?

— Да так, ничего, — уклончиво ответила Стужа. Но ей было очень тревожно. Она положила руки на плечи Зарабет и вдруг горячо сказала: — Если ты хочешь отомстить Тумаку, сделай это сегодня же, до наступления утра.

Пожилая женщина внимательно посмотрела на нее, и Стуже показалось, будто Зарабет заглядывает прямо в душу. Старуха напонила ей мать: сильная и смелая, мягкая и нежная, в ней было намешано так много доброты и жесткости. Такой же была и мать Стужи, которая, умирая, прокляла ее.

— Удачи тебе, воительница! — Зарабет наклонилась к ней и поцеловала. — Да хранят тебя боги.

Стужа смущенно поцеловала ее в ответ и вышла из дворцовых ворот на тихую, пустынную улицу. Тишину нарушал лишь собачий лай. Солдаты, которые должны были патрулировать улицы, скорее всего сладко спали, однако Стужа все равно старалась держаться в тени, не выпуская рукояти меча.

Наконец она добралась до городских ворот. К ее разочарованию, они были крепко заперты на огромный засов. За механизмом, приводящим в движение засов и ворота, неусыпно следил одинокий страж наверху, в высокой башне. Стужа крадучись приблизилась к ней и поднялась по весьма кстати оказавшейся здесь лестнице. Вынув меч, она решительно

постучала в люк.

— Кто там? — спросил страж.

Она старалась говорить низким голосом.

— Свои.

Стужа услышала над собой шаги по дощатому полу.

— Тебе еще час до смены.

— Ну и хрен с тобой. Пойду обратно в теплую постель, а ты сиди там себе на здоровье.

— Подожди.

Люк открылся, и оттуда высунулась рука, чтобы помочь ей влезть наверх. Стужа ухватила за нее правой рукой, а левой взмахнула мечом и распорол часовому живот.

Механизм представлял собой комбинацию цепей, подвешенного груза и колес. С помощью одного колеса поднимался засов, а с помощью другого открывались ворота. Стужа повернула колеса, молясь, чтобы никто не услышал ужасный скрежет, быстро спустилась по лестнице и выбежала за городскую стену.

Перед ней раскинулась Зондаур. Жуткий, безжизненный пейзаж, особенно в такую безлунную ночь. Стужа тихо свистнула.

Вдалеке послышался знакомый звук — радостное ржание Ашура. Она не видела его в темноте, но слышала быстрый топот копыт, он скакал к ней по равнине. Потом в ночи зажглись и начали приближаться два янтарных огонька.

Единорог встал на дыбы и, ударив копытами в землю, остановился в нескольких шагах от Стужи. Вместо глаз у него сверкали два раскаленных угля. Лишь однажды она видела, чтобы они горели так ярко.

Вдруг она снова почувствовала тревогу и, вспомнив о Зарад-Круле, повернулась на север. Тучи, которые она заметила прежде, теперь были куда ближе, словно ползла полная угрозы тьма, пожирая на своем пути звезды.

Стужа вскочила на Ашура. Страх подгонял ее. Хорошо, что единорога не нужно было понукать. Она ощутила, как ветер ударил ей в лицо, и приникла к шее животного. Сердце бешено колотилось у нее в груди.

Справа появился гребень холмов, и она стала подниматься. На вершине она остановилась и слезла со спины единорога. Было очень душно. Отсюда еще виднелись стены Зонду, и Стужа могла разглядеть крыши высоких зданий.

Тучи закрыли небо, и только сейчас она заметила, что они какой-то странной формы. И тут она едва не сошла с ума от ужаса.

Это была рука Зарад-Крула, и она нависла над спящим городом. Стужа содрогнулась, и кровь застыла у нее в жилах, когда она поняла, насколько силен был колдун. И если у него окажется Книга Последней Битвы, колдун станет непобедимым.

Черная рука вспыхнула адским пламенем, и в небо полетели искры, каждая из которых в свою очередь рассыпалась на более мелкие. Рука горела все ярче, и искры окрасили небо и город в яркие цвета. Словно птицы, между крышами заметались тени. А потом искры дождем посыпались вниз, оставляя огненные следы.

За всем этим Стужа наблюдала с холмов и очень жалела, что не может видеть происходящего за городскими стенами.

Жители Зонду проснулись, разбуженные ярким светом среди ночи, они стали выходить на улицы и свешиваться с балконов, пытаясь понять, что происходит. Дети хлопали в ладоши и смеялись. Любовники теснее прижимались друг к другу. Нищие вылезали из всех закоулков, выпрашивая деньги у высыпавших на улицы людей. Лишь некоторые из тех, кто был постарше и помудрее, почувствовали необъяснимый страх.

Потом пошел огненный дождь, и крик поднялся до небес.

Всюду, куда падали искры, начинались пожары. И стар, и млад — все принялись тушить его, но вода не могла погасить пламя. Огненный дождь становился все сильнее, и все громче звучали крики боли и ужаса. По городу быстро распространялась паника, и мало кто замечал, что горит только живая плоть.

Мужчины и женщины заживо сгорали в своих кроватях, которых не коснулся огонь. Дети гибли, обнимая свои игрушки, остававшиеся невредимыми. Некоторые выбегали на улицы, пытаясь спастись. Все было бесполезно. Колдовской огонь Зарад-Крула распространился по городу, пожирая на своем пути все живое.

По огненному зареву Стужа поняла, что город объят пламенем, и побледнела от ужаса. «Это все из-за меня и из-за этой чертовой Книги», — казнила она себя и не отрываясь смотрела на стены Зонду до тех пор, пока не погасло зарево. Она до последнего надеялась, что ворота распахнутся и кому-нибудь все-таки удастся спастись. Но в глубине души она сознавала, что Зарад-Крул держал ворота закрытыми силой магии.

Ветер донес со стороны Зонду отвратительный запах горелого мяса. А потом Зарад-Крул, как в шкатулку, запустил свои огромные пальцы в мертвый город, и они превратились в струйки черного дыма, которые проникали всюду. Стужа не могла проследить их путь, но она представляла, как они расползаются по улицам, просачиваются в окна и двери, проникают во дворец. Они искали Книгу Последней Битвы.

Стужа злорадно усмехнулась.

Грянул гром, и трижды ударила молния, оставляя зияющие воронки там, где прежде стоял дворец. Рука Зарад-Крула над городом вновь собралась из дыма и сжалась в огромный черный кулак, которым Зарад-Крул погрозил кому-то в злобе. В небе непрерывно грохотало, а Зарад-Крул продолжал угрожающе потрясать кулаком кому-то на севере, где был Шондо.

Наконец страшная рука растаяла в воздухе. Стужа коснулась лунного камня, что свисал на лоб, словно третий глаз. Она вспомнила о Зарабет, сделавшей ей этот подарок, и поклялась отомстить колдуну из Шардаха.

Глава 7

Закат окрасил Крильские горы в зловещий красный цвет. Древние вершины, укрытые временем, шептались друг с другом о тайнах еще более древних, чем земля, на которой они стояли. С гор подул ветер и коснулся лица Стужи, словно чье-то легкое дыхание. Далеко на юге возвышалась грозная гора Друд, отбрасывая на землю длинную темную тень.

Стужа слезла с Ашура, чтобы получше разглядеть след, оставленный Терликом, проклиная юношу за то, что он поехал через Крильские горы, а не по обычному маршруту всех караванов, в обход. Он так торопился к своему отцу в Камейру, что, видимо, решил не обращать внимание на жуткие слухи, а зря, ведь суеверия часто основываются на фактах и предупреждают о реальных опасностях.

Она попыталась размять затекшие ноги и потерла ноющие колени. Долгая скачка давала о себе знать, и не только она одна чувствовала усталость. Выносливость Ашура была сверхъестественной, однако он тоже выбился из сил. Они проскакали без отдыха остаток ночи и большую часть дня. Стужа ласково погладила единорога, крепко обняла и снова

взобралась на него.

Вампиры, призраки, демоны — столько страшных рассказов о Криле она слышала когда-то, сидя у костра в ковене своей матери. Ей ужасно захотелось оказаться сейчас где угодно, только подальше от Криля, но Книга была где-то здесь и она должна найти ее.

Следы вели ее вверх по узкой тропе, но вскоре исчезли на крутом каменистом склоне. Хорошо еще, что рельеф местности позволял следовать лишь одним путем: отвесная скала выросла справа, а слева зияла пропасть, в которой клубился туман. Стужа дальше пошла пешком, надеясь на то, что ночь наступит еще не скоро и они с Ашуром успеют пройти этот участок пути. Весьма опасно бродить по краю обрыва в темноте.

Когда солнце уже село, тропинка стала уходить вниз, скала и пропасть остались позади. След Терлика вывел Стужу в низину, в которой рос лесок. Земля здесь была мягче, но в темноте она все равно не разглядела бы следов. И, сев на единорога, Стужа отправилась через лес самым удобным путем, справедливо полагая, что Терлик поступил так же. Он ведь не знал, что его кто-то преследует, и поэтому у него не было причин прятаться. Если ей повезет, она может наткнуться на костер, вдруг юноша все же решит устроить привал. Стужа очень рассчитывала на это.

Она ехала, вглядываясь в темноту и прислушиваясь. Красные на закате горы теперь были черными и угрюмыми. Чем ниже она спускалась в низину, тем гуще становился лес. Словно призраки, раскачивались ветви на ветру, что вечно дул с вершин. Дыхание Криля — так назывался этот ветер.

Внезапно Стужа остановилась. Что это был за звук? Шуршали листья, завывал ветер. Она улыбнулась и пожурела себя за то, что испугалась. Такие леса в горах всегда полны ночных звуков.

Однако в ветвях у нее над головой снова послышался какой-то шорох, несмотря на то что ветер на мгновение стих. Стужа вслушивалась в шуршание листьев, и мурашки побежали у нее по спине.

Ее рука легла на рукоять меча. Ей хотелось немедленно вынуть его, однако она медлила. Если в ветвях затаилось какое-нибудь животное, оно скорее всего отправится на поиски более легкой добычи. Если же это человек, незачем провоцировать его, рискуя получить в спину стрелу или копье. А если это что-то другое?

Сверху на нее бесшумно упало лассо, но лишь скользнуло по плечам. Стужа испуганно вскрикнула, схватилась за веревку и изо всех сил дернула ее. Кто-то с воплем свалился на землю. Раздался хруст костей. Стужа смотрела, как пытавшийся ее поймать пару раз дернулся в грязи, а потом утих. Он был мертв, сломав себе шею.

Стужа выхватила из ножен меч, когда в воздух взлетела еще одна веревка, и не задумываясь отбила ее. Третья петля затянулась у нее на предплечье, и она попыталась перерубить ее. Четвертая петля пережала ей горло, пятая поймала ее руку с мечом, шестая стянула плечи. Стужа начала биться, но это только туже затягивало петли. Тогда она сдалась, уповав на то, что ее хотели лишь поймать, а не убить. И в знак того, что сдается, она бросила на землю меч. Лучше дожидаться, пока ослабнут проклятые веревки, а потом попробовать вырваться.

Из густого подлеска вылезло пятеро дикарей. Бледные, низкорослые, со спутанными волосами, они довольно ухмылялись и тараторили на каком-то странном языке, полном шипящих и свистящих звуков. Стужа никогда не слышала такого наречия.

Пять пар маленьких ручонок потянулись к ней. Она брезгливо сжалась. До этих пор единорог не двигался, но, как только начали ощупывать его хозяйку, он взревел.

Ашур сердито тряхнул головой, и пронзенный рогом дикарь полетел в кусты. Еще одному единорог раскроил копытом череп, и из глаз у того хлынула кровь. Остальные побросали веревки и с криками разбежались.

Стужа выбралась из клубка и с благодарностью обняла своего верного друга. Ашур потыкался носом ей в ладонь, несколько темно-красных капель упало ей на рукав. Она сорвала пучок травы, чтобы протереть его рог, но тут услышала приближающиеся крики и

топот.

Стужу окружила целая толпа бледных человечков с веревками на поясе. Она подняла свой меч с земли и взяла его в обе руки. Но они не пытались навалиться на нее гурьбой и схватить или поймать с помощью веревок. Насколько она могла разглядеть в темноте, у них не было никакого оружия. И все же она не стала убирать меч, а сзади ее прикрывал Ашур.

К удивлению Стужи, из круга вдруг выступила маленькая девочка и бросилась ей в ноги:

— Зачем ты явилась нам, великая и ужасная богиня Смерти?

Стужа в смятении отступила. Этот мягкий и по-детски нежный голос звучал у нее прямо в голове, причиняя боль.

— Ты уже забрала троих. Ты выберешь кого-то еще?

После того как прошло удивление, исчезло и ощущение боли. Стужа смотрела на девочку недоверчиво, ведь она не знала границ ее возможностей. Однако та назвала ее «богиней».

— Насколько ты можешь проникнуть в мои мысли?

— Это глубокий омут, и я вижу лишь то, что ты позволяешь мне видеть, богиня. — Девчонка снова плашмя кинулась Стуже в ноги. — Я обладаю самой большой силой и говорю от имени всего моего племени с голосом Дазура.

— Я ищу человека не из твоего племени, — попыталась успокоить ее Стужа. И пока она подробно описывала Терлика, дикари напряженно молчали, даже ветер стих. — Он кое-что украл у меня, и я хочу это вернуть.

— Но если ты ищешь чужака, богиня, — снова зазвучал голос у нее в голове, — зачем же ты вместе со своим ужасным единорогом забрала жизни трех наших людей? — И девочка показала пальцем на Ашура.

Стужа была поражена. Этот народец может видеть истинное обличье ее четвероногого друга. И тогда она поняла, почему к ней обращаются как к богине. Женщина с мечом, верхом на единороге — кем еще, как не богиней, она могла показаться этим примитивным и суеверным людям? Что ж, очень кстати. Нужно только хорошо сыграть эту роль.

— Они пытались поймать меня и поплатились за свою дерзость. — Она пренебрежительно показала пальцем на веревки, валяющиеся на земле. — Мне необходимо найти человека, которого я описала тебе.

— Если это тот чужак, о котором я думаю, богиня, позволь привести его и прими это как нашу жертву тебе.

Стужа скрыла свое изумление.

— Он у вас?

— Этот лес и эти горы наши, и они даны нам Дазуром, который гуляет среди деревьев. Мы дети Дазура и служим ему, все, что ты видишь вокруг, он дает нам взамен. — Голос по-прежнему звучал у Стужи в голове. — Тот, кто не слушается Дазура, и любой чужак, который нарушил границы наших владений, должны быть наказаны. Это закон.

В голосе девчонки послышались новые нотки. Теперь она говорила смело, почти вызывающе, чувствуя мощную поддержку своего бога. Может быть, это скрытая угроза? Окружившие Стужу дикари начинали беспокойно переговариваться. И она поняла, что ей необходимо продемонстрировать им свою силу и превосходство.

Она оперлась на меч, возвышаясь над девчонкой, и принялась размышлять. Чтобы выжить, попав к этим дикарям, она должна быть богиней Смерти. Стужа схватила нежное личико своими стальными пальцами и в упор посмотрела в глаза ребенка.

— Я не чужак, дитя, — произнесла она ледяным тоном. — Я всегда была здесь, с вами, хотя вы, быть может, и не узнали этого тела, которое я выбрала себе на время. Трое ваших людей осмелились напасть на меня и поплатились за это жизнью. Не повторяйте больше этой ошибки, — Стужа убрала руки, на подбородке у девочки остались красные отметины от пальцев.

Маленькая дикарка упала на колени, низко опустив голову и не поднимая глаз:

— Ты сеешь смерть всюду, куда падает твоя тень. Не сердись на нас, богиня, я умоляю тебя, пощади мой народ.

— Встань, маленькая жрица Дазура. Я не хочу причинять вам зло. Но скажи мне правду, у вас ли человек, которого я ищу?

— Не совсем так, богиня, но наши люди следуют за ним по пятам, пока он едет по лесу. Мы так удивились, что он отважился подняться в наши горы. Но теперь мы знаем, что он бежит от твоего гнева, отчаяние заставило его ступить на эти заповедные земли. Утром мы приведем его к тебе.

— Хорошо, — согласилась Стужа. Эти люди лучше ее ориентируются в лесу ночью. Они разыщут Терлика гораздо быстрее, чем она.

Жрица выкрикнула какие-то слова на птичьем языке этих дикарей. Кольцо, окружавшее Стужу, разомкнулось, и они скрылись в темноте, двигаясь совершенно бесшумно. Девчонка снова взглянула на Стужу:

— Мы принесем его тебе в жертву, богиня. Ты побудешь со мной, пока его доставят?

Стужа кивнула, вложила меч в ножны и зашагала за девчонкой. А рядом с ней пошел, тычась ей в плечо носом, Ашур. Ее провожатая старалась держаться от него подальше, в ее глазах был страх.

— Этого зверя ты тоже берешь с собой?

— Мы неразлучны. — Стужа положила руку на холку Ашура.

Девчонка повела их вглубь леса, то и дело испуганно оглядываясь на единорога. Спускаясь по тропинке, они направлялись в самое сердце горной долины. Отовсюду доносились звуки ночного леса: треск насекомых, тихое рычание зверей, шорох ветра в листве деревьев.

— Как тебя зовут?

— Эйли.

— Как вышло, что ты такая юная, а говоришь от имени всего своего народа?

— Только дети могут говорить на беззвучном языке. Когда мы вырастаем, мы теряем эту способность.

— А у взрослых другой язык?

— Язык деревьев. Это тайный язык, которому учит Дазур, и на нем говорим только мы. Его не знают даже другие боги. — Эйли остановилась и подозрительно посмотрела на Стужу. — Ты ведь не понимаешь его, богиня?

— Нет, — заверила ее Стужа.

Даже в темноте она разглядела улыбку Эйли.

— Только дети могут быть посредниками между нашим племенем, чужими богами и людьми, которые появляются в наших горах.

Стужа вспомнила свое детство. Долгие часы в сырости пещеры у плюющего искрами, костра в ковене матери. Она вспомнила, как зубрила трудные имена и названия, свои первые заклинания. Как страстно она желала, даже потом, когда уже немного обвыклась, вырваться на свежий воздух, на солнечный свет.

— Ты слишком мала, чтобы быть жрицей, — сказала она Эйли, — дети должны вволю играть и быть счастливыми.

Эйли пожала плечами:

— Я могу быть счастлива только в объятиях Дазура.

«Однажды она поймет, что это не так, — подумала Стужа. — В религиозном рвении мало радости, сплошные обязанности и тяжелый неблагодарный труд». На нее нахлынули воспоминания, и она больше не произнесла ни слова. Остаток пути они шли молча.

На дне горной долины сквозь деревья виднелось с десятков костров. Селение Детей Дазура. Из хижин выходили женщины, дети и старики. Они в ужасе смотрели на Стужу и Ашура. Мысли совсем маленьких детей робко коснулись мыслей Стужи, но малыши быстро разбежались, подальше от чужой богини и существа, сопровождавшего ее. Взрослые почтительно кланялись, чирикавая на своем языке. Она внимательно разглядывала их в

тусклом свете костров, удивляясь, почему представители этого примитивного племени видели единорога, в то время как цивилизованные люди видели хоть и огромного, но коня. Очевидно, этот народ обладал какими-то способностями, которые уже утратили другие.

Дикари чирикали все громче, пока Эйли не подняла руку, призывая к тишине, и обратилась к ним на их языке. К своему удивлению, Стужа обнаружила, что понимает ее, как если бы девочка говорила на своем беззвучном языке. Маленькая жрица убеждала людей относиться к богине Смерти с почтением и принять ее как гостью.

Однако Стужа по-прежнему видела в их глазах подозрительность. Они недоверчиво смотрели то на нее, то на единорога. Заплакал какой-то ребенок, и его мать дрожащим голосом стала говорить ему что-то, успокаивая его.

— Умоляю, прости их, богиня. Они боятся тебя и твоего чудовища. Даже боги трепещут перед тобой.

— Я понимаю, — отозвалась Стужа. — Может быть, мы подождем в другом месте, чтобы не пугать твоих людей?

Эйли подумала:

— Я отведу тебя на Высокое Место, где танцует и купается в лунном свете Дазур, где в листве деревьев слышится его пение. Там мы сможем отдохнуть и поговорить, а утром ты получишь человека, которого ищешь.

Стужа кивнула. Держа Ашура за гриву, она вслед за Эйли вышла из селения, остановившись только раз возле одной из хижин. Эйли скрылась в ней, затем выскочила оттуда с обмотанной вокруг талии веревкой.

— Это и орудие, и оружие, — объяснила Эйли. — Мы редко отправляемся в лес без веревки.

Хорошо утоптанная тропинка вела к туманной горной вершине, едва заметной на фоне усыпанного звездами неба. Вероятно, это и было то Высокое Место, о котором говорила Эйли. Стужа смотрела до тех пор, пока его не скрыли деревья.

Недалеко от селения они прошли мимо какого-то сооружения, по всей видимости колодца: выложенная из камня низкая ограда, оттуда пахло водой. Не останавливаясь, Стужа заглянула в колодец. Свет луны отражался в темной воде. «Странно, — подумала она. — Зачем рыть колодцы там, где вдоволь чистой воды?» Чуть дальше был еще один колодец. На этот раз Стужа остановилась и как следует вгляделась в глубину. Деревья росли к нему близко и заслоняли луну, поэтому ее свет не отражался в воде. Подобрав камешек, Стужа бросила его в колодец, но не услышала всплеска, только тихий звук нескольких ударов камешка обо что-то сухое и как будто хрупкое. Стужа не смогла отгадать, что в колодце, но воды там не было.

За вторым колодцем им встретился третий. Здесь деревья росли реже, и немного света проникало в глубину, отражаясь от какой-то темной поверхности, как и в первом. Стужа наклонилась и снова заглянула внутрь, бросив камень. Раздался такой же звук, как и во второй раз.

Она облизнула губы и стала думать о том, что бы это значило. Стужа решила, что, пожалуй, не стоит спрашивать об этом Эйли, чтобы не обнаружить свое невежество. В конце концов, неизвестно, что по их представлениям, должна знать богиня.

Всю дорогу Эйли шла не останавливаясь и ни на что не оглядываясь. Девчонка ни разу не отвела взгляда от той вершины, к которой они приближались. Вскоре тропа стала круто подниматься вверх. Камни то и дело выскальзывали у Стужи из-под ног. В темноте она почти не видела тропу.

— Эйли, дальше я не пойду, — заявила Стужа, в первый раз нарушив молчание после того, как они покинули селение. — Ашуру тяжело идти этим путем, а я не могу его бросить.

— Осталось совсем немного, там будет ровная площадка, и мы сможем отдохнуть. Это место священное, здесь мы говорим с Дазуром. Прошу тебя, богиня, заставь своего зверя идти, осталось совсем немного.

Стужа колебалась. Где же на такой высоте может быть ровная площадка? С каждым

шагом каменистая тропа становилась все уже, и идти по ней теперь было опасно. Вскоре Ашур не сможет по ней подниматься.

— Прошу тебя, богиня.

В детском голосе, звучащем у нее в голове, послышалась мольба. Круглые глазки Эйли смотрели умоляюще.

— Ну ладно, еще немного, — нехотя согласилась Стужа.

В самом деле тропа скоро закончилась, упершись в отвесную скалу. Задышающаяся после трудного подъема, Стужа пробормотала какие-то ругательства, опасаясь, что это ловушка.

Эйли исчезла.

Стужа осторожно вынула меч из ножен, стараясь не шуметь, повернулась назад и, вытянув шею, стала вглядываться в темноту. Если это засада, то устроили ее какие-то олухи. Уступ, на котором она стояла, был настолько узок, что подобраться к ней мог только один человек, к тому же он должен был пройти мимо Ашура. И вдруг мурашки побежали у нее по спине. Ей пришло в голову, что несколько человек смогут столкнуть единорога с обрыва. Она со страхом посмотрела вниз.

— Богиня, почему ты не следуешь за мной?

Она обернулась. Эйли снова стояла рядом с ней. Когда маленькая жрица заметила в руке у Стужи обнаженный меч, она открыла рот и, широко распахнув глаза, уставилась на Стужу:

— На этот раз ты выбрала меня, богиня?

Ее наивный вопрос вызвал у Стужи улыбку. Она вложила меч обратно в ножны и глубоко вздохнула. Лотом, повинаясь какому-то импульсу, погладила Эйли по голове:

— Нет, малышка. — Стужа рассмеялась. — Твое время еще не пришло, ты будешь жить долго. Но скажи мне, куда ты ходила?

В скале обнаружилась щель, достаточно широкая для того, чтобы Ашур мог в нее пройти. Своими огненными глазами он освещал им путь, пока они шли по туннелю. Стужа схватилась за гриву единорога: он видел лучше ее.

— Его глаза — это самое страшное, — доверительно сообщила Эйли. — Потому что это совсем не глаза. Если бы я встала на цыпочки и прикоснулась к ним, они бы точно сожгли меня.

Крутой поворот, и они оказались в раю. Воздух был напоен сладостью цветущих плодовых деревьев. Легкий ветерок запутался у Стужи в волосах, играя складками плаща. Она услышала журчание: где-то бил родник. Сверху лился лунный свет, и ковер из трав, густо усыпанный крошечными белыми цветами, переливался холодным мерцанием. Сад, в котором они оказались, окружала высокая каменная стена, и Стужа почувствовала себя за ней в безопасности.

— Это Высокое Место, святилище Дазура, — торжественно произнесла Эйли. — Сейчас он танцует и поет где-то здесь в листве деревьев. Ты можешь ощутить его дыхание на своей коже, услышать его смех в журчании воды. — Маленькая жрица подняла руки и запрокинула голову. — Дазур, отец наш, мы приветствуем тебя.

В роще было небольшое озерцо, и ветер поднимал на его поверхности легкую рябь. Сняв с себя одежду, Эйли постояла немного на берегу, потом вошла в прохладную воду и скрылась из виду. Стужа уже начала беспокоиться, не случилось ли чего, но тут Эйли вынырнула.

Ее глаза светились странным блеском. Нисколько не стыдясь, маленькая девочка принялась сладострастно гладить свое тело. Стоя по пояс в воде, она двигалась словно взрослая женщина в объятиях возлюбленного. Маленькие руки ласкали детские грудки. Кровь бросилась Стуже в лицо. Эйли вращала худенькими бедрами, мотала головой из стороны в сторону, и с ее влажных губ срывались тихие стоны наслаждения.

— Это святилище Дазура, — мелодично звучал голос Эйли у Стужи в мозгу. — Давай же, богиня, искупайся. Ты нравишься Дазуру.

Вокруг Стужи закружился вихрь, дергая ее за одежду и за волосы. Сильный порыв ветра подтолкнул ее в спину, подвигая к кромке воды. Она не знала отчего, но сердце у нее бешено заколотилось. Она судорожно глотнула воздуха.

— Дазур приглашает тебя, богиня, — мурлыкал голос Эйли.

Стужа почувствовала, будто что-то потянуло ее в воду, и нерешительно поднесла руку к завязкам плаща. Потом на землю упало оружие, она скинула сапоги, тунику и штаны, озеро манило ее.

Она шагнула вперед, и вода лизнула ей ступни. Вода обняла ее бедра, талию, осторожно дотронулась до груди. Озеро приняло ее и поглотило. Когда она нырнула в его темную бездонную глубину, его теплая свежесть захватила все ее существо, вторглось ей в душу. Сначала Стужа сопротивлялась этим ощущениям, но вода мягко и в то время настойчиво подтачивала ее волю, и Стужа сдалась.

Ощущения становились почти непереносимыми, но она не могла этому воспрепятствовать, не могла даже закричать. И тут кто-то коснулся ее мыслей, и она потянулась всем своим сознанием навстречу.

Когда все закончилось, Стужа открыла глаза и смахнула капельки, повисшие у нее на ресницах. Она вся дрожала и не сразу смогла снова двигаться. Наконец она медленно вышла на берег.

Эйли сидела, обнимая прижатые к груди колени и улыбаясь.

— Это было так красиво, — выдохнула она. — Дазур, Дыхание Жизни, и богиня Смерти.

Стужа ничего не ответила. Она чувствовала какую-то неловкость и не могла понять, что же произошло. Все вокруг как будто слегка изменилось. Покусывая губы, она села и обратила внимание, что трава была мягкой, как бархат. Да и луна, казалось, теперь светила ярче, а шепот ветра стал похож на стон. Неужели это голос Дазура? Бедра охватило какое-то новое для нее и весьма приятное ощущение. Стуже было одновременно любопытно и страшно, и тут она провалилась в полный странных видений сон.

Когда она проснулась, было еще темно, но луна уже почти скрылась за стеной, окружавшей святилище Дазура. Эйли сидела рядом скрестив ноги. Она улыбнулась, когда Стужа зевнула вставая. Девушка чувствовала себя удивительно свежей и бодрой.

— Ты так прекрасна, — сказала Эйли. — Я больше не боюсь тебя. Даже твой зверь больше не пугает меня.

Единорог безмятежно бродил по саду и, срывая с деревьев благоухающие цветки и листья, лениво их жевал.

Эйли вскочила и убежала куда-то. Сейчас она была похожа на обычного ребенка. Она вернулась, неся в руках два крупных красных плода. Один она протянула Стуже, и та с сомнением посмотрела на него. Она никогда не видела таких плодов, но Эйли принялась с аппетитом есть. Тогда Стужа последовала ее примеру. У сочной сладкой мякоти был изумительный вкус, и Стужа смаковала каждый кусочек. Когда не осталось больше ничего кроме большой косточки, Эйли взяла ее у Стужи и, вырыв пальцем две ямки, положила в них обе косточки и засыпала их землей. Сходя к озеру, она принесла в пригоршне воды и полила два маленьких холмика.

— Они вырастут и дадут еще много плодов Дазуру.

От этого имени Стужу бросило в дрожь, и она вспомнила, что с ней происходило в озере. Поджав ноги и обняв колени, она стала задумчиво смотреть на залитую лунным светом и подернутую рябью поверхность воды. Еще не раз она будет раздумывать о том, что же это было с ней в воде, и воспоминания об этом долго будут преследовать ее бессонными ночами.

С первыми лучами солнца Стужа и Эйли оделись. Стужа в последний раз окинула взглядом сад Дазура, прежде чем войти в пещеру. Она прекрасно отдохнула, и, вероятно, ей не скоро еще представится такая возможность.

В туннеле было тихо, слышен был лишь стук копыт Ашура. Стужа следовала за Эйли,

положив одну руку на Жало Демона, а другую на меч. Когда они вышли из тоннеля, солнце уже встало, и Стужа посмотрела на открывшуюся внизу долину.

Густой утренний туман повис в низинах, буйная зелень блестела от росы. Ночь закончилась, и страх оставил Стужу. Однако у нее появилось какое-то дурное предчувствие, слабое, но даже солнечный свет не мог ей помочь от него избавиться.

— Тебе отдадут того, кого искала, как только мы спустимся в селение, — бросила на ходу Эйли. — Я не знаю, зачем он тебе нужен, но если ты позволишь, мы накажем его как чужака, нарушившего наши границы. Так велит нам Дазур, и потом ты тоже останешься довольна: этот человек очень быстро попадет в твое Царство Смерти. Мы не стали бы тебя обманывать и наказывать его без твоего разрешения.

Стужу немного покорило, что такая просьба может быть произнесена столь нежным голосом. Смеющаяся девочка, бегающая по залитому солнечным светом саду, внезапно куда-то исчезла. По эту сторону пещеры Эйли снова была жрицей, исполненной чувства собственного достоинства, холодной и совершенно не похожей на ребенка.

«Что за идиотство, — подумала Стужа. — Здесь дети живут словно в чистилище, между богами и людьми». Она вздохнула.

— Этот человек кое-что украл у меня, а я хочу забрать это обратно, — проговорила она. — Как только я верну себе эту вещь, он ваш.

При свете дня спускаться было несложно, и они двигались довольно быстро. Вскоре Стужа заметила один из тех колодцев, что вызвали у нее такой интерес. Он находился на обочине тропы, залитый солнечным светом, и хотя Стужа сначала хотела пройти мимо, ведь она очень спешила встретиться с Терликом, но любопытство было сильнее ее. Она сделала несколько шагов и, перегнувшись через край выложенной из камней ограды, заглянула в колодец.

Будто холодная рука внезапно сжала ее сердце. Это был не колодец, а глубокая яма, из которой на нее пустыми глазницами смотрели человеческие черепа. Кости были чисто обглоданными, но целыми. Животные разгрызли бы их, чтобы добыть костный мозг. Что же это значит? И вдруг Стужу осенило, и она почувствовала тошноту. Дети Дазура были людоедами. Она сжала зубы, пытаясь скрыть свое отвращение к Эйли, и так сильно вцепилась в каменную ограду, что от нее отломился камень и полетел вниз, ломая хрупкие кости.

«Они нарушили границы владений Дазура, — раздался голос у нее в мозгу, — и были за это наказаны. Да будет так и с тем, кого ты ищешь».

Стужа устала на маленькую жрицу, едва сдерживаясь, чтобы не ударить ее. Она сильно закусил губу, боль помогла ей избавиться от страшных мыслей. Она развернулась и пошла прочь оттуда, обходя остальные ямы с человеческими костями.

Дети Дазура выполнили обещание Эйли. Свесив голову на грудь, Терлик качался меж двух деревьев, подвешенный за руки. Похоже, он был без сознания. Возле пленника дремал часовой. В селении стояла мертвая тишина.

— Люди спят, — сказала Эйли.

— Неважно, — ответила Стужа, направляясь к Терлику. — Мне нужен только он.

Эйли побежала вперед и пнула спящего часового. Тот проснулся, вскочил и, низко поклонившись, отошел в сторону.

Терлик очнулся, едва она прикоснулась к нему. В его мутных глазах затаилась боль, вокруг шеи был красный рубец от веревки. Дети Дазура поймали его, как и было обещано, но при этом они не сочли нужным обращаться с ним бережно.

Терлик узнал ее не сразу.

— Ты! — вскричал он наконец. — Но как ты сюда попала?!

Стужа зажала ему рот ладонью, чтобы он не мог произнести ни слова и ненароком не выдал ее.

Часовой, истолковав ее действия по-своему, стегнул пленника веревкой. Молодой аристократ захрипел, но сдержался и не закричал, хотя его лицо свело судорогой. Стужа не

обратила на это внимания, ей нужна была Книга, вот и все. Схватив его за волосы, она притянула его лицо к своему:

— Книга. Где моя Книга? Верни мне ее.

Терлик смотрел на нее глазами, полными ненависти. Он попытался плюнуть в нее, но слюна потекла у него по подбородку.

— Ты убила моих братьев, — просипел он, разлепив пересохшие губы.

— Да они сами пытались меня убить, — ответила она на роларофском, надеясь, что Эйли не поймет ее. — Но победила я. А теперь отвечай, где Книга?

Терлик только покачал головой.

Эйли заговорила с часовым на языке леса. Обменявшись с ним краткими фразами, она повернулась к Стуже:

— Все, что было при нем, отнесли в мою хижину. Возможно, ты найдешь там то, что ищешь.

Стужа повернулась спиной к сыну лорда Рольфа и кивком дала понять Эйли, что просит отвести ее.

Хижина Эйли была выстроена из глины и тростника. Низкий вход был завешен звериной шкурой. Как только Стужа вошла, она тут же увидела Книгу. Старинный фолиант валялся на грязном полу, а рядом с ним вещи Терлика — меч, кинжал, кошель с деньгами, седельная сумка и свернутая постель. Стужа облегченно вздохнула и подняла Книгу.

— Ты очень дорожишь тем, что держишь сейчас в руках, — заметила Эйли.

Стужа пристально посмотрела на девочку:

— Если бы Книга пропала, возможно, ни ты, ни я, ни все твоё племя никогда больше не почувствовали бы дыхания Дазура.

Взгляд Эйли метнулся от Стужи к Книге и обратно. Ее улыбка исчезла, она побледнела и сунула в рот кулачок. В это момент она снова была ребенком, напуганным чем-то неизвестным. Стужу это даже тронуло, и она попыталась успокоить ее.

Она ласково положила руку на плечо Эйли, но маленькая жрица вывернулась и отбежала в дальний угол хижины.

— Прошлой ночью было большое празднество, когда поймали чужака. — Она постаралась взять себя в руки, страх в ее глазах таял. — Люди будут спать долго, и мне тоже нужен отдых. — Она свернулась калачиком, но прежде, чем уснуть, проговорила: — Теперь, когда ты получила то, за чем пришла сюда, ты, конечно же, скоро уйдешь.

Стужа устроилась в дальнем углу, но спать ей совсем не хотелось. Как-то неудачно она подобрала слова и напугала Эйли, и теперь девочка хочет, чтобы Стужа убралась. Вот и ладно, ведь Книга Последней Битвы вновь у нее, Креган ждет ее в Шондо, во главе армии магов. Но что-то мучило ее. Она то и дело поглядывала на оружие, свое и Терлика, и воспоминание о яме с костями не давало ей покоя. Терлик будет наказан, так сказала Эйли, и его скелет с аккуратно срезанным с него мясом бросят в колодец, чтобы черви обглодали кости. Стужа старалась отогнать от себя эти мысли и не смогла.

Когда она выглянула из хижины, снаружи никого не было. Она прислушалась. Тихо, как в гробу. Тогда она взяла кинжал Терлика. Зачем ей все это нужно? Ведь он обязан отомстить за смерть своих братьев. Если она спасет его сегодня, однажды они снова встретятся, и он все равно попытается ее убить. Пусть бы его прикончили.

Стужа взвесила все за и против. Нет, воспоминание о ямах с костями не оставит ее никогда. Дети Дазура были людоедами, и сама мысль об этом вызывала у нее тошноту. Как ни опасен был Терлик, он заслуживал лучшей участи. «Будь я проклята, если это не самая большая глупость в моей жизни», — сказала себе Стужа, засовывая за пояс кинжал и поднимаясь.

Она бесшумно выскользнула из хижины и с радостью обнаружила, что Ашур ждет ее. Селение спало. Приняв ее за богиню, дети Дазура доверяли ей. Стужа пошла туда, где висел Терлик. И Ашур последовал за ней, беспокойно озираясь по сторонам.

На этот раз часовой не спал. Он приветливо улыбнулся Стуже и поклонился. Она

улыбнулась в ответ и врезала ему кулаком прямо в солнечное сплетение. Он с хрипом согнулся пополам, тогда она ударила его локтем по спине, и он упал.

Терлик с интересом наблюдал за этой сценой. Когда же Стужа разделалась с часовым, юноша хотел было заговорить с ней, но она ладонью зажала ему рот:

— Если ты хочешь спасти свою драгоценную жизнь и унести отсюда ноги, молчи.

Она разрезала на нем веревки, и когда он освободился, сразу же потянулся за своим оружием. Но Стужа ударила его по руке.

— Может, я и дура, — сказала она, — но не до такой же степени. — Заткнув кинжал Терлика за пояс, она указала на Ашура. — Садись на него позади меня. Я хочу быть как можно дальше отсюда, когда они обнаружат, что их ужина и след простыл.

— Я ничего не понимаю. О чем ты?

— Пожалуй, я не стану тебе ничего объяснять. Лучше будешь спать. — Она взобралась единорогу на спину. — Давай залезай и ты.

— Один конь не вынесет нас двоих, спуск слишком крутой, — возразил он. — Моя лошадь ускакала, когда эти чертовы карлики поймали меня.

Значит, Терлик думает, что Ашур просто конь. Но почему? Почему одни видят единорога, а другие коня? Кто видит его истинное обличье? У нее не было времени раздумывать над этим.

— Залезай же, если ты, конечно, не хочешь остаться.

Стужа протянула Терлику руку, и он уселся позади нее.

— И предупреждаю, — добавила она, — если потянешься к оружию, я тебе пальцы поотрубая и оставлю тебя дикарям. Ты им придется по вкусу.

Она окинула взглядом селение, прошептав последнее «прощай» Эйли и детям Дазура. Несмотря ни на что, в них было что-то притягательное. Потом она спрятала Книгу Последней Битвы под туникой и пришпорила Ашура.

Они ехали медленным шагом, но, едва селение скрылось за деревьями, она пустила Ашура вскачь.

Когда они достигли подножия Крильских гор, солнце уже клонилось к западу.

— Здесь мы расстанемся, — объявила Стужа.

Терлик послушно спрыгнул на землю.

— Ты убила моих братьев, — напомнил он, но в его голосе уже не было ненависти.

— И спасла тебя от смерти, — добавила она. — Скажи своему отцу, чтобы и он не забывал об этом.

— Это ничего не меняет. Между тобой и моей семьей кровная вражда. И если мы встретимся снова, я убью тебя.

— Попробуй. — Она кинула кинжал ему под ноги, и он отпрыгнул. — Держи, нельзя ходить здесь в одиночку и без оружия. Научись как следует им пользоваться, сын Рольфа, если хочешь отомстить мне.

Терлик подобрал кинжал и, словно взвешивая, покачал его в руке. На мгновение Стужа подумала, что он собирается его метнуть, и ее пальцы сжались вокруг рукояти меча. Но Терлик сунул кинжал в ножны.

— Могу я узнать твое имя? — спросил он. — Я никогда не встречал такой девушки, как ты. Я буду чтить твою память, когда ты погибнешь.

Когда-то ее имя звучало мягко и нежно, но те времена давно прошли, и она забыла его. Многие изменилось с тех пор. Убийцы не должны носить нежных имен.

— Стужа, — ответила она.

Терлик улыбнулся.

— Мы примерно ровесники, — заметил он. — При других обстоятельствах я был бы рад отогреть тебя, Стужа.

Она смотрела ему вслед. Если у него хватит ума не сворачивать с дороги, которой обычно следуют караваны, он будет в безопасности. Он даже может снова поехать верхом, если встретит кого-нибудь по пути.

С гор подул холодный ветер. Тихий стон разнесся над вершинами. Дыхание Дазура, как сказала Эйли. Откуда-то послышался крик, возможно это было животное, и Стуже показалось, что оно жалуется.

Когда крик стих, она повернула в сторону Шондо.

Глава 8

На севере по небу тянулась длинная полоса, уже много дней там собирались тучи, становясь все более темными и грозными. С каждым днем тучи приближались и, казалось, отравляли воздух ядовитыми испарениями.

Три дня подряд Стужа поднималась с утра на высокую стену крепости Эребус и вглядывалась в сторону проклятого Шардах. Сегодня там стали сверкать молнии, они рассекали небо ярко-красными зигзагами, слышались раскаты грома.

— Как быстро они надвигаются, — в сотый раз говорила она Крегану, а тот лишь кивал в ответ. — Даже солнце потемнело.

Ужасная вспышка расколола небо, глухо ударил гром. Все стихло, но лишь на мгновение. Внезапно Стужа почувствовала, что у нее под ногами задрожала крепостная стена, от нее откололся кусок и полетел вниз, увлекая за собой одну из гигантских статуй, что высились на зубчатых стенах Эребуса. Земля застонала. Стужа потеряла равновесие и едва не упала. Потом закричал Креган, потому что вдалеке вдруг вздыбилась земля. Когда же осела пыль, равнину пересекал зияющий разлом.

Шондосиец побледнел:

— Зарад-Крулу удалось привлечь на свою сторону Темных Богов.

— Не может быть! — воскликнула она. — Почему ты так решил?

— Я чувствую присутствие Нугарила. Это божество второго порядка, но весьма опасное. С его помощью Зарад-Крул черпал новые силы из самых глубин ада. Теперь это будет происходить гораздо быстрее, но главная опасность в том, что Нугарил призовет других Темных Богов и в мире воцарится Хаос.

Однако, несмотря на мрачные предсказания, на лице Крегана промелькнула ироническая улыбка, когда он измерил взглядом глубину трещины.

— У него всегда была тяга к эффектным выходкам.

Стужа схватила его за руку и развернула лицом к себе:

— Мы должны рассказать все вашему Совету. Старейшины потеряли слишком много времени, изучая Книгу. Теперь пора сражаться!

Он сжал ее руку:

— Они и так уже все знают. Но как они истолкуют известие о Нугариле, — он пожал плечами, — я понятия не имею. Братство Черной Стрелы будет сражаться, в этом я уверен. А что касается остальных... Шондо не единое государство, мы живем здесь обособленно. И хотя большинство магов считают, что надо принять бой, существует немало разногласий по

поводу тактики.

Стужа хотела было ответить, но Креган остановил ее жестом, и это только разозлило ее.

— Я понимаю, — мягко продолжил он, — времени в обрез. Наша главная надежда — Радамантус. Старик — единственный разумный человек среди этих спорящих болванов.

Раздался еще один удар грома, ослепительно сверкнула молния, словно язык огромной змеи. Земля дымилась. Руки Крегана больно сдавили ей плечи, и он повернул ее лицом на восток.

Кокитус вышла из берегов. Вода устремилась в открытые ворота мертвого Зонду, билась о стены Эребуса, и лишь магия помогала сдерживать разбушевавшуюся стихию.

— Что это? — Стужа попыталась перекричать раскат грома, но внезапно налетевший ветер забил ее слова обратно в горло.

Креган зажмурился, пытаясь сосредоточиться. И вдруг его лицо исказилось, словно от боли.

— Ментес! — ахнул он. — Это он вызвал наводнение. — Креган потряс головой, будто хотел таким образом привести мысли в порядок. — Ментес и Нугарил, теперь в этом мире два Темных Бога.

Стужа с отчаянной решимостью треснула кулаком по камню и, не взглянув на шондосийца, спустилась в свои покои. Она пинком закрыла дверь. Оружие висело над кроватью. Сбросив мягкие бархатные туфли и тонкую рубашку, она начала одеваться.

— Что ты делаешь? — В комнату вошел Креган.

Она не слышала, как отворилась дверь. Он даже не соизволил постучать.

— Если я стану ждать, пока твой проклятый Совет примет решение, мы все погибнем, даже не попытавшись спастись. — Она буквально впрыгнула в сапоги и твердо встретила его полный гнева взгляд. — Несмотря на ваши хваленые знания и силу, вы просто дерущиеся дети.

— Так, значит, ты собралась в одиночку разбить всю армию Зарад-Крула, — язвительно заметил он. — В самом деле, всего лишь пара богов, разве у них может быть хоть какой-то шанс выстоять против такой грозной воительницы?

— Да, но по крайней мере я не буду отсиживаться тут и заламывать руки, как все твои почтенные старцы!

По молчанию Крегана она поняла, что задела его не на шутку. Она рухнула на кровать.

— Прости. Я была не права. — Она закрыла глаза, — Я веду себя как дура. Я знаю, что ты пытался сделать все, что в твоих силах, но это ожидание вымотало меня.

Свет лился в комнату сквозь узкое окно, которое выходило на север. Подойдя к окну, Стужа снова отметила про себя, с какой скоростью надвигается темный край туч.

— Время для разговоров закончилось, Креган. Если твой Совет не в состоянии предпринять что-либо против Зарад-Крула, он сотрет Шондо с лица земли. А потом и весь остальной мир.

— Многое надо еще обдумать, — ответил Креган.

Она покачала головой:

— На размышления нет времени.

Шондосиец тяжело опустился в кресло, глубокие морщины избороздили его лицо.

— Есть вещи, которые ты не в состоянии понять, — произнес он. — Знаешь, почему я был беспомощен против Зарад-Крула с его Глазом?

Она много думала об этом, но так и не нашла ответа.

Креган был мрачнее тучи:

— То, что скажу тебе сейчас, известно только Крилару — магистрам магии, старшим наставникам братств, а также старейшинам. Если они узнают, что посторонний проник в нашу тайну, они убьют тебя. И меня.

Стужа кивнула, взволнованная его словами.

— За границами Шондо мы бессильны.

Она моргнула и подумала, что ослышалась, но его серьезность говорила об обратном. В комнате словно стало еще темнее. Стуже показалось, что страшное известие придавило ее к полу.

— Источник нашей силы — сама земля Шондо, — объяснил он. — Есть место, которое мы называем Демониум. В самом сердце страны раскинулось Огненное Поле, каменистая равнина, где каждый даже самый мелкий камешек светится, так что даже темной ночью там все переливается самыми причудливыми красками. И в самой середине находится Демониум — отвесная скала, которая вздымается прямо посреди плоской равнины. Три высоких монолита виднеются на ее вершине. Они испещрены рунами и вместе образуют треугольник. Никто не знает, сколько тысячелетий они простояли там. Когда-то в этом месте был перекресток миров, — продолжал Креган. — Демониум — это Врата в такие миры, которые мы даже не в состоянии представить. Хотя они закрылись давным-давно, остатки потусторонней энергии продолжают сочиться оттуда, и она словно пропитывает почву.

Много поколений назад наши предки обнаружили, что эта энергия течет по определенным каналам. Они создали целую сеть из каменных треугольников, построенных на определенных местах для того, чтобы направлять этот поток и регулировать его силу. Наша земля стала тайным источником магии, это естественный треугольник, ограниченный тремя полноводными реками. — Он наполнил два бокала вином и один протянул Стуже. Прежде, чем продолжить свой рассказ, он сделал большой глоток. — Странные существа бродили здесь в те далекие дни — пришельцы из других миров, проникшие на землю, когда Врата были открыты.

Их потомки — это чудовища, населяющие нашу страну сегодня. Воды Кокитус, что находится на востоке, и Флегатон на западе наделены какой-то мистической способностью не пропускать этих чудовищ, а вот Ахерон на севере между Шондо и Шардахом таким свойством не обладает, и некоторые демоны смогли уйти по этому пути в другие земли.

Стужа залпом выпила бокал вина, и Креган вновь наполнил его.

— Я слышала, будто шондосийцы не совсем люди. — Она потягивала вино, наблюдая поверх края бокала за Креганом. — Что ты скажешь на это?

— Может быть, это и правда, — согласился он.

Она снова глотнула вина, вытерла губы и отставила полупустой бокал.

— Это значит, что вы не можете напасть на Шардах?

Шондосиец стиснул зубы:

— Если мы перейдем Ахерон, мы потеряем магическую силу. Что за польза будет от всех чародеев Шондо? Теперь ты понимаешь, почему медлит Совет?

Стужа встала и отшвырнула табурет. Врезавшись в стену, он разлетелся на куски. Это принесло ей некоторое облегчение.

— Я мечом прорубала себе дорогу сюда! — Она была в бешенстве. — Мне кажется, я слышу, как боги смеются над нами. Столько пережить, так и не достигнув цели! Мой меч стал красным от крови тех, кто стоял у нас на пути, — и все зря!

Креган подошел к Стуже и положил ей руку на плечо. И хотя это подействовало на нее успокаивающе, она стряхнула ее.

— Еще не все потеряно, — сказал он.

Стужа повернулась к нему с перекошенным лицом:

— Неужели для того, чтобы понять, что ты упал в пропасть, нужно удариться о дно? Перед нами разверзлась пропасть, мой друг, и мы вот-вот полетим в нее...

Шондосиец швырнул свой бокал вслед за брошенным Стужей стулом. Кровь бросилась ему в лицо.

— Мы не трусы! Совет знает, какая перед нами опасность, и разрабатывает план.

— Но почему же вы медлите? — ядовито спросила она. — Почему вы ничего не предпринимаете?

— Ты все еще не понимаешь! — Стол задрожал, когда он ударил по нему кулаком. — Чтобы иметь хоть какие-то шансы на победу, мы должны заманить Зарад-Крула в Шондо.

Битва должна состояться в непосредственной близости от Демониума, там, где наши силы будут максимальными. И даже тогда у нас появится лишь слабая надежда, потому что на стороне Зарад-Крула выступят Нугарил и Ментес.

— Ты хочешь сказать, что позволишь этому колдуну вторгнуться в Шондо?

Креган нахмурился и тяжело оперся на стол, потом кивнул.

Стужа закусил губу:

— Прости. Вы не трусы. Я понимаю, на вас лежит огромная ответственность.

Краска гнева сошла с его лица, и ее сменило выражение усталости.

— Я не хочу, чтобы ты обманывалась по поводу наших мотивов, Стужа. Шондосийцы мало заботятся о внешнем мире, но, как ты заметила, мы все стоим на краю пропасти.

Раздался стук в дверь, и вошла женщина в длинном белом платье, с пергаментным свитком в руках. Ее волосы были цвета утреннего солнца. Светлыми голубыми глазами она посмотрела на Стужу, потом на Крегана и стыдливо опустила их.

Натира, вспомнила ее имя Стужа. В ней ощущалось нечто странное, и особенно необычными были ее глаза редкого небесно-голубого оттенка. Она раздражала Стужу, в присутствии Натире ее начинали терзать мучительные воспоминания.

Сделав три шага, Натира остановилась. Ее взгляд был прикован к Жалу Демона, который висел на стене в своих серебряных ножнах. Она подошла к нему и потянулась к рукоятке.

Стужа перехватила ее руку.

— Подожди, — прошептал Креган, внезапно приходя в возбуждение. — Она вообще ни к чему не проявляла интереса с тех пор, как я нашел ее, когда она бродила по полю возле Демониума. А с момента твоего прибытия в Шондо ее необъяснимо влечет к кинжалу.

— Но она не должна его вынимать! Ты же знаешь, как это опасно.

— Я думаю, она и не собирается это делать, — ответил он. — Смотри.

Натира провела пальцем по рукоятке, ножнам и поясу. Потом осторожно лизнула его, как будто пробуя что-то на вкус. Легкая улыбка заиграла у нее на губах.

— Никогда не видел, как она улыбается, — заметил шондосиец. — Если бы только она могла говорить! Хотел бы я знать, отчего ее так тянет к этому проклятому клинку.

Наконец Натира отвернулась от Жала Демона, протянула свиток Крегану и вышла из комнаты. Чародей развернул пергамент и начал читать.

— Они ждут нас на Совете, — объявил он.

В зале заседаний Совета былолюдно. Радамантус, Минос и Эйкус, Старейшины трех шондосийских братств, бесстрастно смотрели вниз со своих мест на возвышении. За каждым из них висело знамя с гербом его братства: черная стрела, золотая звезда и серебряная чаша. Стужа и Креган вышли на середину зала, сопровождаемые пристальными взглядами сотни пар глаз, прячущихся в тени капюшонов.

Первым заговорил Радамантус, Старейшина братства Черной Стрелы. Он был уже совсем седым, но его сильный голос проникал во все уголки зала. В руках он держал Книгу Последней Битвы.

— Брат Креган, это закрытое заседание Совета, здесь не место посторонним.

Товарищ Стужи выдержал суровый взгляд старика.

— Старший брат, — ответил он твердо, — никто другой не имеет больше прав присутствовать на этом заседании. Книга была доверена этой девушке, и она доставила ее в целостности и сохранности, несмотря на все попытки Зарад-Крула остановить ее. Она заслужила право узнать, какое вы приняли решение.

Старик поднял руку, призывая к тишине, Старейшины быстро посовещались.

— Да будет так, — объявил Радамантус. — Она может остаться. Но ты должен поручиться за нее.

Креган кивнул.

Эйкус подался вперед, обращаясь к Совету:

— Все попытки расшифровать Книгу не увенчались успехом. Ее тайны по-прежнему

скрыты от нас.

— Нам остается только одно, — заявил Минос. — Мы должны заманить Зарад-Крула на Огненное Поле. Только находясь возле Демониума, мы можем надеяться на победу. Это решение Крилара и Старейшин.

— Подождите, — сказала Стужа.

Все взоры обратились на нее. В глазах сидевших близко к ней она прочитала удивление, испуг, враждебность. Только Радамантус снисходительно улыбнулся:

— Свет всегда противостоит Тьме — это одна из главных аксиом, известная любому магу или ведьме.

Стужа оглядела зал и не встретила никакого отклика.

— А почему бы нам не призвать на помощь Силы Света?

— Мы пытались сделать то, что ты предлагаешь, — печально покачал головой Минос. — Хоть это и противоречит нашим принципам, мы вызывали Светлых Богов, но на наши заклинания никто не отозвался.

К ней обратился Радамантус:

— Видишь ли, дитя, в большинстве случаев шондосийский чародей пользуется потусторонней энергией, что просачивается сквозь Врата Демониума. Помимо этого, члены Крилара умеют использовать определенные символы и заклинания. Но мы не служим никаким богам. Поэтому неудивительно, что Силы Света не ответили нам.

Эйкус ударил кулаком по подлокотнику своего кресла, черные впадины его глаз горели яростью и решимостью.

— Мы сразимся с шардаханцем и без них. Померяемся силами с Повелителями Тьмы, которым он служит. Это тяжело, но у нас есть шанс!

Но Стужа сомневалась, что они справятся своими силами. Какими бы источниками энергии ни обладали шондосийцы, существуют боги Света и Тьмы. Лишь немногие из нейтральных богов могут сравниться с ними. Она рассчитывала на то, что Зарад-Крул пока еще не контролирует Темные Силы. До тех пор пока это так, Стуже и шондосийцам противостоит всего лишь человек, а людям свойственно ошибаться.

Были детально разработаны и расписаны роли участников. Потом Радамантус сошел со своего места и с поклоном протянул Стуже Книгу Последней Битвы:

— Наш брат рассказал нам, как ты лишила Зарад-Крула одного глаза, в то время как Креган беспомощно стоял, замороженный его взглядом. Хоть ты не из Шондо и к тому же женщина, мы просим тебя поддержать Книгу у себя еще какое-то время. Кажется, сама судьба выбрала тебя охранять ее. И я не завидую тебе, потому что, когда начнется сражение, ты первой подвергнешься нападению.

Несмотря на торжественность момента, Стужа усмехнулась:

— Конечно, я всего лишь женщина, но я приму ее.

Старик поцеловал ее в щеку и еще раз низко поклонился:

— Да хранят тебя твои боги.

В зале раздались одобрительные возгласы. Все начали сбрасывать с себя плащи, и оказалось, что они вооружены мечами и облачены в испещренные рунами доспехи с эмблемами своих братств. Бурным потоком шондосийцы покидали зал, крича о соединении армий.

Креган взял Стужу за руку, когда они остались вдвоем, и вздохнул.

— Ты страдала от безделья, — напомнил он. — Что ж, теперь можешь действовать.

Внезапно он обнял ее и крепко прижал к себе. В его объятиях она чувствовала себя в безопасности. Последним человеком, обнимавшим ее, была мать, и от воспоминания об этом, сердце девушки сжалось.

Той ночью к Стуже вернулись ее кошмары: кровь брата, мать с предсмертным проклятием на устах. Проплывали лица, то и дело вздымался и опускался меч в безвольной руке. А затем, когда в живых осталась только она одна, меч вонзился ей в грудь.

Стужа с криком проснулась в холодном поту, пытаясь унять бешеный стук сердца.

Медленно отступал страх. Свеча на столе почти догорела. Разве она не затушила ее перед сном? Ничего не понимая, она спустила ноги с кровати и застыла.

В углу была какая-то тень. Стужа протерла глаза и посмотрела снова.

— Натира?

Немая девушка неподвижно сидела в дальнем углу комнаты и широко открытыми глазами не мигая глядела куда-то. Стужа закусил губу. Она уже видела такое прежде, это был транс. Натира завороченно смотрела на Жало Демона, и пламя свечи отражалось в серебряных ножнах. Зачем эта странная девушка проникла сюда без приглашения? Ее интерес к кинжалу всерьез беспокоил Стужу.

Хорошо еще, что Натира не пытается вытащить его из ножен. Придется за ней следить, Стужа знала, что все равно не сможет больше уснуть. Завернувшись в одеяло, она села в кровати, прислонилась к стене и, не сводя глаз с Натир, стала дожидаться рассвета.

Но рассвет так и не наступил. В дверь тихонько постучали, и вошел Креган, отвлекая ее от страшных воспоминаний и возвращая к действительности. Он уже облачился в доспехи.

— Солнце не взошло. — Он скрипнул зубами. — Зарад-Крул напустил на нас тьму.

Стужа восприняла это сообщение с мрачным спокойствием и кивнула на свою молчаливую гостью. Увидев Натир, шондосиец удивленно приподнял брови. Он быстро подошел к девушке и взял ее за руку, потом потер ей щеки, потряс ее. Но взгляд ее широко открытых глаз все равно был прикован к кинжалу.

— Насколько я могу судить, она в транс, — наконец озабоченно произнес Креган.

Он принялся вышагивать по комнате.

— Эй! — вдруг окликнул он Натир.

Девушка вздрогнула, ресницы ее затрепетали. Она пошевелила пальцами, медленно поднялась и, зевнув, улыбнулась с совершенно невинным видом. Легкой походкой она двинулась через комнату, вышла за дверь и бесшумно закрыла ее за собой.

Креган явно был сбит с толку. Стужа скинула одеяло, встала и подошла к окну. Никаких признаков наступления утра. Потом она сняла со стены Жало Демона, надела пояс и сжала рукоятку кинжала, ощущая его тяжесть у себя на бедре.

— Что ты знаешь о ней? — спросила она наконец. — Она такая странная, в ней есть что-то путающее.

Шондосиец кивнул:

— На самом деле я знаю о ней очень мало. Она с самого начала была для меня загадкой, но мне некогда было разбираться в этом. В ней чувствуется глубокая печаль, от которой у меня сжимается сердце.

— Ты влюблен в нее? — Стужа наклонила голову и с удивлением обнаружила, что у нее в горле застрял комок.

— Нет, — ответил он резко. — Но между нами существует какая-то связь. То же происходит с Радамантусом и еще с некоторыми из нас. Ты тоже ощутила это, поэтому и испугалась.

Он был прав. В Натире ощущалось затаенное страдание. И это вызывало у Стужи болезненные воспоминания, от которых она уже отчаялась избавиться.

— Все стараются ее избегать.

— Но не ты.

Креган тяжело опустился в кресло, в котором недавно сидела Натира, и скрестил на груди руки. Стужа снова подошла к окну и подставила лицо ветру. Она ждала, что сейчас Креган расскажет ей о Натире, и не ошиблась.

— Я нашел ее, когда она бродила одна по Огненному Полю, — начал он.

Братство Черной Стрелы собралось у Демониума, чтобы отпраздновать Пир Агатона. После того как закончилась церемония, все, кроме Крегана, вернулись в лагерь. А он, чувствуя какое-то беспокойство, отправился прогуляться, погруженный в свои размышления, и через некоторое время отошел довольно далеко.

И вдруг ночное небо со свистом рассек огненный шар, он горел так ярко, что Креган

чуть не ослеп.

— Должно быть, шар врезался в землю, — продолжал он, — но я не слышал ни удара, ни взрыва.

Это было знамение, и Креган поспешил обратно в лагерь, чтобы обсудить происшедшее с Радамантусом.

— И тут я увидел ее. Совершенно нагая, она без сознания лежала на земле. Ее лицо было залито слезами. Когда же мне наконец удалось привести ее в чувство, я обнаружил, что она не может сказать ни слова. Тогда я поднял ее и отнес в лагерь.

Но в лагере царил хаос. Многие палатки были повалены, а некоторые горели. Лошади разбегались, топча людей.

— Однако все взоры обратились на меня и мою необычную ношу. Я внес девушку в уцелевшую палатку и осторожно уложил в постель, потом позвал Радамантуса. Когда он осмотрел ее, с ним произошла разительная перемена. Казалось, тяжесть всех прожитых лет пригнула его к земле. Два дня он ни с кем не разговаривал, и на его лице было выражение невыносимой тоски. То же самое ощущал и я, а также еще один член Крилара, только гораздо слабее, чем он. Радамантус до сих пор не может выносить ее присутствие.

Стужа кивнула:

— И ты взял ее под свою опеку?

— И назвал ее Натира, — ответил он. — Что означает «рожденная звездой», ибо в самой глубине души я уверен, что так оно и есть. Она появилась с огненным шаром. Может быть, это дух далекой звезды, заключенный в плоть и страстно жаждущий вернуться.

— Но почему ее так влечет к Жалу Демона?

— Кто знает? — ответил он. — Это тайна в тайне. Но головоломка вот-вот должна сложиться. Нас ждет битва с Зарад-Крулом, и никто не знает, чем все это закончится.

И снова воспоминания нахлынули на Стужу, и на какой-то момент комната наполнилась призраками из прошлого. Удар по плечу привел ее в себя.

— У нас больше нет времени, — сказал Креган. — Сейчас мы отправляемся к Демониуму. Взгляни, я кое-что принес тебе. — Он открыл дверь, за ней оказался большой мешок. Креган вывалил его содержимое на кровать. Доспехи, такой же тонкой работы, как и его собственные, испещренные загадочными рунами.

— Это тебе, — сказал он, — мастер трудился над ними всю ночь.

— Не сняв мерки? — Она нахмурилась.

— Доверься шондосийской магии, — проворчал он. — И примерь их.

— Когда мы отправляемся?

— Через час. Нам надо спешить. Прошлой ночью войско шардаханцев перешло Ахерон и сожгло Дулаам, самый северный город. Теперь они на пути в Индразад.

Раздался стук в дверь, и слуги внесли поднос с холодным мясом, фруктами, вином и питьевой водой.

— Ментес и Нугарил с Зарад-Крулом? — спросила она.

Креган покачал головой:

— Нет. Зато с ним бесплотные тени с вполне материальными мечами и летучие твари с острыми, как ножи, крыльями. Ну и разные другие создания, вылезшие из ада, а иначе Дулаам не пал бы, ведь шондосийцы были на своей земле.

Стужа задумалась.

— Постой-ка, — сказала она. — Я изучала карту, Индразад лежит в другой стороне.

Креган встал:

— К чему ты клонишь?

Она тоже встала:

— Индразад расположен в центре северной области. А Зарад-Крулу нужна Книга, которая находится здесь, в Эребусе.

Шондосиец расхаживал по комнате, иногда выглядывая в окно.

— Чтобы заманить колдуна в Шондо, мы позволили ему мельком взглянуть на Книгу

через его магические кристаллы. Только вот благодаря Ментесу и Нугарилу его силы умножились, и он смог узнать, что мы собираемся делать, правда не все.

Стужа вспомнила карту Шондо и провела по ней воображаемую линию.

— Индразад лежит по прямой от Дулаама к Демониуму.

Шондосиец иронически усмехнулся:

— Туда-то он и направляется. Он знает, что в Демониуме заключается наша единственная надежда противостоять его силам, и если он захватит Демониум, то сможет с легкостью заполнить и Книгу Последней Битвы.

— Так вот, значит, каково положение. Наше войско состязается в быстроте с приспешниками Зарад-Крула, кто первый доскачет до Врат? Мы не имеем права опоздать.

— Объединились все Девять Городов. Дулаам пал, а Индразад готовится к штурму. Остальные уже вышли в поход или собираются выступить.

— Ну тогда и нам пора.

Стужа быстро натянула свои новые доспехи. Креган не обманул, они были ей точно по фигуре, легкие и не стесняли движений. Она сняла, со стеньг меч и пристегнула его к поясу. Поверх доспехов она надела свой серый дорожный плащ. И наконец сунула руку под подушку и достала оттуда Книгу. Ей показалась, что Книга стала в два раза тяжелее.

Нери так и не нашлась, и для Крегана привели белого боевого коня. Ашур тоже был оседлан. Он нервно дрожал, Стужа погладила его гладкую шею, шепнула несколько ласковых слов, а затем осторожно залезла в седло, продолжая успокаивать единорога до тех пор, пока он не перестал дрожать.

У конюшни стояла Натира. Она взглянула на них своими лазурными глазами, потом на Жало Демона и наконец с умоляющим выражением посмотрела на шондосийца.

— Нет, моя Рожденная Звездой, — сказал он мягко, — ты не можешь сражаться, а у меня не будет времени охранять тебя.

Слезы потекли у нее по щекам, но она не издала ни звука. Сидя в седле, Креган наклонился к ней, нежными прикосновениями вытер ей слезы и поцеловал в лоб.

Когда они тронулись в путь, Стужа не могла не поддразнить своего друга:

— Да-а, так вот каковы на самом деле жестокие, бессердечные шондосийцы, которыми пугали меня в детстве и которых весь мир считает нелюдями.

Но Крегана это не позабавило.

— Не надо истолковывать мои чувства к Натире превратно, — сказал он резко. А потом загадочно добавил: — Или к тебе.

За стенами крепости выстроилось войско Эребуса. Стужа принялась разглядывать доспехи и оружие. Однако среди воинов встречались такие, у которых не было ничего, кроме огромных посохов, сделанных из черного дерева, окованных с обеих концов серебром и украшенных инкрустацией.

Крилар, так назвал их Креган. Магистры Братства. Они не пользовались никаким другим оружием.

Креган проводил ее на почетное место во главе войска. За спиной у нее встали девять воинов из братства Черной Стрелы, телохранители. Один из них протянул Крегану алый плащ и то, что указывало на его принадлежность к Крилару, — черный посох.

— А я бы предпочла меч, — сказала Стужа, нервно улыбаясь.

— Скоро все увидишь, — ответил он.

Ворота снова отворились, и на белых конях появились трое Старейшин. Они проехали вдоль строя, мимо Стужи и Крегана, и поднялись на невысокий холм неподалеку. На его вершине был треугольник из блестящих камней. Спешившись, Радамантус вошел внутрь этого треугольника.

— Это одни из тех малых Врат, о которых я вчера тебе говорил, — ответил Креган на ее немой вопрос. — Если два человека одновременно войдут в такие треугольники, даже в противоположных краях страны, они смогут читать мысли друг друга. Вот как мы узнали, что Дулаам пал.

Через некоторое время трое Старейшин спустились с холма и заняли свои места во главе войска. Радамантус повернулся лицом к воинам.

— Индразад бьется с шардаханцами, — объявил он. — Но нет никаких признаков присутствия там самого колдуна и помогающих ему Властителей Тьмы. Войска Девяти Городов сейчас спешат к Демониуму, и мы должны успеть туда первыми. Узнав, что мы торопимся, шардаханцы снимут осаду Индразада, чтобы преградить нам путь. — (По рядам воинов пронесся шум.) — Сегодня мы встретимся с ними.

Эйкус поднял свой посох и взмахнул им. С громкими криками шондосийцы рванулись вперед. Это не было передвижение в походном порядке. Это была стремительная скачка прямо к Демониуму, к их надежде на победу над Зарад-Крулом и его войском.

Стужа сжала зубы и, согнувшись под напором ветра, припала к мускулистой шее Ашура. Да, она не хотела, чтобы они сидели сложа руки. Но, взглянув в лицо Крегана, она увидела в нем готовность к смерти. Кто же выживет в этой битве?

Глава 9

Они ехали быстро, не сбавляя скорости. Кони выбились из сил, но всадники продолжали их подгонять. Только Ашур не выказывал никаких признаков усталости. Его грива хлестала Стужу по лицу, ветер свистел у нее в ушах. В этой изнуряющей скачке ее не отпускало странное чувство — какая-то смесь возбуждения, страха и горечи.

Это война, в которой погибнут тысячи.

«Война не женское дело», — повторял ее наставник даже тогда, когда обучал ее какому-нибудь новому приему владения мечом. Но Стужа была рождена воительницей. Она дралась с братом, дралась с детьми слуг и рабов. Они размахивали палками, подражая солдатам ее отца, которые тренировались во дворе крепости. Стужу всегда безудержно влекло к оружию. Одним из первых ее воспоминаний было желание потрогать щит отца.

Как она завидовала брату, когда он порос и начал обучаться владению мечом, щитом и луком, в то время как она училась у матери колдовству. Хотя Стужа и преуспела в изучении Искусства, втайне она очень злилась, что ее ненавистный братец делает то, чего ей больше всего хочется.

И тогда она впервые нарушила закон, запрещающий женщинам прикасаться к мужскому оружию, а тем более учиться им пользоваться. Она наблюдала, как тренируются солдаты, и запоминала то, чему их учили. Каждое утро, сидя у ног отца, она слушала, как Бурдрак раскрывает тонкости воинской науки ее брату и еще нескольким мальчикам. И вот однажды ночью, когда все спали, она скинула с себя свое изящное платье и мягкие туфли и пробралась на самый нижний этаж замка, где она заранее спрятала тренировочный меч и самодельный щит. Она тайно упражнялась, пока утренний свет не спугнул ее. И так каждую ночь, а потом спешила к себе в комнату, чтобы поспать несколько часов, прежде чем начнется новый день, а с ним и новый урок.

Так продолжалось почти год, пока Бурдрак не раскрыл ее тайну. Сначала старый учитель пришел в ярость, однако потом, когда он понаблюдал за ней и увидел, с каким мастерством она владеет своим деревянным мечом, его сердце смягчилось. Холостой и бездетный Бурдрак любил ее как собственную дочь, и он пытался насмешками и мольбами заставить ее бросить это занятие.

Но она не бросила. Ночь за ночью она приходила в свою секретную комнату, чтобы поупражняться там, и каждую ночь посмотреть на это приходил Бурдрак. Первое время он хранил молчание, но недолго, потом стал делать язвительные замечания, потом стал слегка подправлять ее, давать советы и вскоре перестал быть просто наблюдателем — он сделался ее учителем.

А она стала ему достойной ученицей.

Стужа крепко сжала поводья, вслушалась в шум ветра, бьющего ей в лицо, и крики воинов, рвущихся в бой. Бурдрак был мертв, сраженный мечом, который он сам выковал для нее. У Стужи защемило сердце, а в голове у нее мелькнула мысль: а вдруг то, что она поможет победить Зарад-Крула, искупит ее прошлые преступления? А впрочем, от кого ждать прощения, если она сама не в силах себя простить?

Эйкус, скачущий впереди, подал знак замедлить шаг. Креган подъехал к Стуже и взял ее за руку, качая головой. Он был обеспокоен.

— Он сумасшедший, — сказал Креган об Эйкусе. — Мы загоним лошадей задолго до того, как встретимся с шардаханцами.

— Но ведь всем не терпится вступить в бой, — отозвалась она.

Он так пристально посмотрел на нее, что она отвернулась.

— Стужа, что прошло — то прошло, что сделано — то сделано, и это нельзя изменить. Я на земле Шондо, и я читаю твои мысли.

Она вырвала руку.

— Не лезь в мои мысли, Креган, — угрожающе произнесла она. — Если ты хочешь остаться мне другом.

— Это уже не игрушки, — укоризненно сказал он. — И ты сражаешься не с тенями в потайной комнате в замке твоего отца. Подумай о нашем противнике! Вспомни лучше о силе Зарад-Крула. Обрати свои мысли туда. — Он снова коснулся ее руки, осторожно, но твердо. — Когда начнется битва, не будет времени на раздумья.

Она отпрянула, молча глядя на него, Стуже было мучительно стыдно. Он знает! Это было как безмолвный вопль. Он знает все! Слезы заволокли ей глаза, и она с трудом сдержала их.

Выражение лица Крегана смягчилось, но озабоченность осталась. Он снова схватил Стужу за руку и крепко сжал, чтобы она не могла ее вырвать.

— Послушай, — сказал он, — тебя ждут испытания. Я видел это в магическом кристалле. Я знаю, какую боль тебе суждено испытать. — Внезапно он замолчал и отвел глаза.

— Какие испытания, — стала расспрашивать Стужа, — что ты увидел?

Он покачал головой:

— Я не должен говорить. — Тут он повернулся к ней, и глаза их встретились. — Я бы помог тебе, если бы это было в моих силах. Но это не чудовище, которое можно остановить мечом или магией. Только ты способна на это, победить Зарад-Крула суждено тебе. Впрочем, если захочешь.

Ее охватила дрожь, и она вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Эти испытания... — сказала она наконец, — вынесу ли я их?

Он заерзал в седле:

— Существует множество вероятностей. До сих пор отсутствуют части головоломки, которые могут повлиять на исход войны. Но одно я знаю наверняка: когда наступит самый тяжелый для тебя момент, ты победишь, только если сдашься. Это нелогично, но это я видел точно.

Стужа окинула взглядом равнину, что отделяла их от Зарад-Крула, но мало что разглядела во тьме. Ее окружали усталые всадники на взмыленных конях.

— Так ты знаешь, что это будет за испытание?

Креган ничего не ответил.

— Ну ладно, когда придет время, я попрошу помощи у Така и Скраала.

— Не доверяй богам, — посоветовал он, сжимая ей руку. — Доверяй лишь себе.

Он пришпорил коня и подъехал к Радамантусу. Между ними завязалась беседа.

Стужа отъехала в сторону, чувствуя потребность побыть одной. Так много всего случилось за последние дни. Она изменилась, решительность и самоуверенность понемногу оставляли ее. Их место заняли сомнения. «Да, — сказала она себе, — и даже страх».

Сначала она потеряла семью. Стужа коснулась лунного камня, украшавшего ее лоб. Потом подругу. И теперь, глядя на Крегана, она боялась, что может потерять и его. Пришпорив Ашура, Стужа отъехала еще дальше.

Она вспоминала о своей семье, о Незнакомце в лесу, о Зарабет и жалела себя. Потом жалость сменилась ненавистью. Она ненавидела брата, ненавидела Зарад-Крула. Ее пальцы нащупали Книгу, по-прежнему лежавшую в сумке у нее на боку, которая становилась все тяжелее, по мере того как они продвигались на север. Стужа ощущала, как колдун тянется к Книге силой своей магии. Она стиснула пыльный переплет. «Этот безумец никогда не получит ее. Клянусь кровью своей матери».

Продолжая ехать поодаль, Стужа чувствовала, как ее мрачное настроение постепенно рассеивается, она отдыхала благодаря недолгому одиночеству и рассматривала шондосийцев.

Воины Эребуса двигались почти в полной тишине. Их черные одежды были преимуществом в ночи, напущенной колдуном. Слово призраки, они двигались по равнине.

И вдруг над самым гребнем горы, мимо которой они проезжали, мелькнуло что-то светлое и исчезло. Стужа вглядывалась в темноту. «Свет факела или отблеск металла», — подумала она. Неужто небольшой отряд шардаханцев двигался быстрее, чем они ожидали, и устроил им засаду? Это невероятно, шардаханские крестьяне славились своей глупостью, но тем не менее кто-то ехал за ними следом. Быстрым движением Стужа пришпорила Ашура и поскакала к Крегану.

Он все еще ехал рядом с Радамантусом.

— Это не могут быть шардаханцы, — сказал старик. — Нас бы предупредили.

— Каким образом? — спросила она.

— У нас существуют свои способы.

К ним присоединился Эйкус:

— Лазутчики только что сообщили новые сведения о неприятеле. Они приближаются к ущелью Текаф.

— Значит, это не шардаханцы, — пробормотала Стужа.

Эйкус кинул на нее взгляд:

— О чем она говорит?

— Она заметила что-то на гребне горы, мимо которой мы проехали, — ответил Креган. — Похоже, нас кто-то преследует.

— Кто же?

Креган вспыхнул, задетый насмешливым тоном Эйкуса:

— Пока мы этого не знаем. Но если она заметила там что-то, значит, мы должны проверить.

В течение этой короткой перепалки Радамантус ехал с закрытыми глазами. Вдруг он открыл их и заговорил:

— Да, там что-то есть, но я не могу распознать его природу. Оно без усилий сопротивляется мне.

— Если оно достаточно сильно, чтобы сопротивляться, то, возможно, в этом таится угроза для нас, — заявил Креган.

Эйкус вспыхнул:

— Наш враг на севере, а не позади нас! Зарад-Крул — вот единственная угроза! Мы должны добраться до Демониума раньше его, и у нас нет времени гоняться за призраками.

— Я согласен, что нам нельзя останавливаться, — спокойно отвечал Радамантус. — Но я бы послал двух воинов.

Эйкус стал пунцовым:

— Нам будет дорог каждый человек!

Стужа потеряла терпение:

— Я привыкла знать, что у меня за спиной, когда я вступаю в бой. Черт возьми! Если вам страшно, скажите мне, и я съезжу сама. Ашур обгонит любую из ваших кляч!

Радамантус поднял руку:

— Не нужно ссориться. Поедут двое воинов, я так решил. — Он повернулся к Крегану: — Брат, выбери кого-нибудь, я думаю, учеников, и отправь их, дав необходимые указания. Им ничто не грозит. Кто бы там ни прятался, его не стоит бояться.

Эйкус выругался и снова вернулся на свое место во главе войска. Креган поехал в обратном направлении. Радамантус наклонился к Стуже, и его старые кости хрустнули от напряжения.

— Будь терпима к Старейшине Серебряной Чаши, дитя, — прошептал он. — Он из Дулаама, а оттуда нет никаких вестей.

— О, тогда я попрошу у него прощения.

Старик пожал плечами:

— Это ни к чему. Страх за близких не извиняет глупого поведения.

Она задумалась над его словами. Если Креган знает о ее прошлом, знает ли о нем Радамантус? Она попыталась прочесть ответ на его морщинистом лице, но оно было бесстрастным. Старик относился к ней лучше, чем все остальные, если не считать Крегана. Однако мысль о том, что ее прошлое, возможно, известно всем, беспокоила ее.

— Воин не должен тратить много времени на раздумья. — Справа к Стуже незаметно подъехал Креган, выполнивший свое поручение. Он блеснул улыбкой и, закатив глаза, галантно поцеловал ей руку. Она рассмеялась. Креган знал, как подбодрить ее, это удивляло и не могло не нравиться. «Шондосийская магия, — сделала вывод Стужа. — Он знает, когда у меня плохое настроение, и знает, как его поднять».

— Будь весела, моя госпожа. — Он поклонился. — Пока у тебя есть такая возможность.

— Я думала, колдуны и чародеи — мрачные, хмурые типы, — сказала она игриво. — А ты слишком весел.

— А я думал, что у ведьм на носу бородавки, — парировал он. — А ты слишком хороша.

Она состроила гримасу и закатила глаза, передразнивая его:

— А теперь как я тебе?

Он рассмеялся, и на него стали оборачиваться. На лицах некоторых появились улыбки, кто-то засмеялся. Смех становился все громче, а чародей и его подруга продолжали подшучивать друг над другом. К ним присоединялись те, кто ехал рядом, а затем и остальные. Далее недовольный Эйкус.

Но впереди их ждали шардаханцы. Минос заметил врагов первым. Подняв свой посох, он объявил об этом, и смех сразу смолк.

Путь им преградила цепь скалистых неприступных гор, и преодолеть их можно было лишь через ущелье Текаф, но его заняли шардаханцы, преграждая войску Эребуса путь к Демониуму.

— Их вдвое больше, чем нас, — сказал Эйкус.

— У нас тоже есть глаза, друг мой, — отозвался Минос.

Стужа недоумевала. В темноте и на таком расстоянии она едва разглядела само ущелье. Они не могли видеть неприятеля. Только магия давала такую возможность. У входа в ущелье шардаханцы устроили заслон из камней.

— А нет ли другой дороги? — спросила она, почувствовав страх.

— Отказаться от боя? — Эйкус сплюнул. — Враг прямо перед нами.

Радамантус покачал головой:

— Текаф означает «единственный путь». У нас нет выбора. Если мы пойдем в обход, то потеряем несколько дней.

Эйкус и Минос согласились с ним.

— Что ж, тогда мы будем драться, — сказал Креган.

Воины вынули из ножен мечи, магистры держали наготове посохи. Войско замерло в ожидании.

Старейшины поспешно составили план. Радамантус и Минос останутся позади и будут наблюдать за схваткой, они были слишком стары, чтобы участвовать в ней. Поэтому воинов поведет Эйкус. Он повернулся к Стуже и отдал первый приказ:

— Ты останешься со стариками.

В ответ она рассмеялась и показала понятным всем жестом свое отношение к такому приказу.

— Давайте возьмем ее с собой, — осмелился возразить Креган.

В глазах Старейшины вспыхнула ярость.

— Чтобы охранять ее? Нам будет не до этого, — ошетинился он. — А кроме того, у нее Книга.

— Она должна сражаться рядом с вами, — наконец вступился за Стужу Радамантус. — Это ее судьба. Если ты запретишь, тогда я сам прикажу ей идти в бой.

Взгляды двух Старейшин встретились. Однако Стуже было безразлично, чем закончится этот поединок. Она все равно будет сражаться, и никто не сможет удержать ее. Она уже собиралась им сказать об этом, но тут Эйкус сдался:

— Иди, если хочешь, черт тебя побери.

Старейшина братства Серебряной Чаши поднял свой посох, и в темноте блеснуло серебро.

— Береги Книгу, — тихо сказал Радамантус.

— И спину, — хмуро добавил Минос.

Она поправила сумку, в которой лежала Книга, и кивнула. Стужа обнажила меч и погладила Ашура по длинной шее, намотав поводья на руку.

Эйкус взмахнул посохом.

Воины Эребуса поскакали на врага. Крик Стужи потонул в общем шуме. Более быстрый и более выносливый, чем обычные кони, единорог вынес ее вперед. У самого уха Стужи просвистела стрела, потом другая, но единорог мчался к ущелью. Она испугалась, что Ашур собирается взобраться на груды камней, но внезапно он взлетел в воздух, и она судорожно вцепилась в него руками и ногами, чтобы не упасть. Когда же его копыта коснулись земли, Стужа обнаружила, что оказалась среди врагов.

Она хотела прорваться к своим, но шардаханцы, вопя, бросились ей наперерез. Стужа рубила их по рукам, когда они хватали ее, чтобы стянуть вниз. Один из них попытался проткнуть ее копьем, но промахнулся и погиб под копытами Ашура. Руки и ноги Стужи быстро забрызгало кровью.

Но тут она услышала воинственный клич. Это Креган перемахнул на своем белом скакуне через заслон и с лету раскроил своим посохом черепа сразу трем шардаханцам, пробиваясь к Стуже.

Каменную стену поглотило голубое пламя. Оно разгоралось все ярче, и вдруг прогремел взрыв. Камни взлетели в воздух, превратившись в облако пыли. Путь через Текаф был открыт.

С перекошенным лицом Эйкус ринулся в ущелье, вопя об отмщении за свою семью и Дулаам. Из окованных серебром концов его посоха сверкнули два луча и соединились, превращаясь в огненный меч, которым Эйкус сразу же прорубил кровавую просеку в толпе шардаханцев.

Тут подоспели другие шондосийцы и кинулись в бой. Сверкали мечи, высекая искры из металлических полос, которыми были окованы щиты. Из тьмы вылетали стрелы. Ликующие крики смешались с предсмертными стонами.

Шардаханцы и шондосийцы щедро поливали своей кровью бесплодную землю. Стужа едва сдерживала дрожь, которая вдруг охватила ее.

Так много крови, так много убитых.

Да, она и раньше видела смерть и убивала сама, но в таком сражении участвовала впервые.

Она вышла из оцепенения, когда на нее напал очередной шардаханец, и еле успела отразить удар копья. Стужа молниеносно пронзила своего противника мечом. Она слишком долго и упорно тренировалась, чтобы позволить страху управлять ею. Шардаханец с проклятьем упал, глядя Стуже прямо в глаза, и она выдернула меч из его тела. Окончательно приходя в себя, она ринулась в самую гущу боя. Словно демон из преисподней, Стужа носилась по ущелью, сея смерть, пока не наступило оцепенение и страшная усталость. Из расщелины неожиданно выпрыгнул еще один шардаханец, всем своим весом обрушился на Стужу и выбил из седла. Ее меч отлетел в сторону.

Убийца склонился над ней. Она знала, как сбить его с ног, но у нее не осталось сил. Мерзко ухмыляясь, шардаханец занес меч, но вонзить его не успел. Ашур, встав на дыбы, мотнул своей громадной головой, и, едва копыта коснулись земли, его рог проткнул врага насквозь. Шардаханец выпучил глаза и захрипел. Ашур поднял голову, бьющееся тело взлетело в воздух и ударилось о скалу.

Стужа перевела дух, потом встала и подобрала свой меч. Ее окружали. Она взяла меч обеими руками и стала ждать.

— Эй, ты! — крикнул ей один из шардаханцев. — Тебе конец! Посмотрим, как шондосийцы обойдутся без тебя.

Стужа похолодела от ужаса, когда поняла, что спасти ее может только одно. Рука девушки легла на рукоять Жала Демона.

Ее затрясло, когда дьявольский крик разнесся по ущелью, заглушая шум битвы, словно кинжал почуял, сколько вокруг свежей крови.

— Давайте же! Ну, кто первый?

Страх парализовал шардаханцев. Стужа сделала выпад одновременно мечом и кинжалом. Как только Жало Демона напился крови, он на мгновение умолк, но вскоре снова жадно завопил. Ее враги вышли из ступора и как по команде бросились врассыпную. Она кинулась за ними. Жало Демона наконец насытился. Мрачно усмехнувшись, Стужа вытерла клинок и вложила его в ножны.

Кажется, она получила необходимую передышку. Сражение затухало. Креган и Эйкус добивали еще продолжавших сопротивляться шардаханцев. Земля была усыпана мертвыми телами и пропиталась кровью. Стужа устало оперлась о меч и вздохнула.

Радамантус и Минос осторожно въехали в ущелье, выбирая дорогу среди трупов. Ашур нервно переступал с ноги на ногу. Взяв поводья, она кое-как взобралась в седло и поехала навстречу Старейшинам.

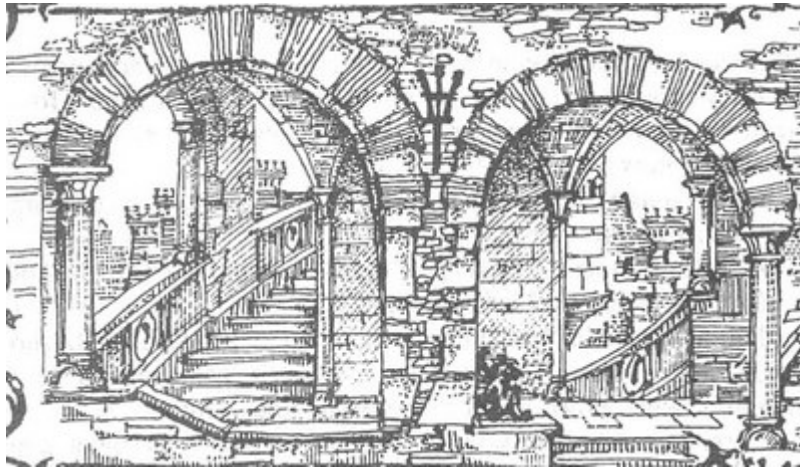
Книга, лежавшая в сумке, била ее по боку. Стужа размышляла. Участие в этом сражении не покрыло ее славой. Повинуясь какому-то импульсу, она достала Книгу, раздумывая о том, стоит ли та пролитой из-за нее крови.

— Нет! — вдруг услышала она и обернулась.

Минос бешено размахивал руками. Радамантус пришпорил коня, спеша к ней. Внезапно грянул гром, и в темноте вспыхнула ослепительная молния. У Стужи вырвался хриплый крик, ей почудилось, будто сама смерть сжала ей горло. Еще одна молния ударила прямо из-под земли, распространяя запах серы, и встретилась с той молнией, что ударила сверху. Раздался оглушительный грохот. Стуже обожгло лицо, и она кувырком полетела на землю.

«Зарад-Крул», — мелькнуло у нее в голове, прежде чем она упала и потеряла сознание.

Глава 10

Кто-то настойчиво звал ее по имени. «Креган», — подумала Стужа. В его голосе слышался страх. Она хотела отозваться, но не могла. «Я должна встать», — говорила она себе. Она лежала на краю черной бездны и заглядывала в нее, но ей не было страшно, ей было хорошо. Однако Креган не оставлял ее в покое, он все повторял и повторял ее имя, до тех пор пока она не открыла глаза.

Лицо у Крегана было испуганным.

— Ты выглядишь ужасно, — выдавила Стужа.

Он облегченно вздохнул:

— Ну как ты?

Одной рукой он поддерживал ей голову, а другой поднес к ее губам фляжку с водой. Она сделала маленький глоток.

— Мне больно лежать на этих камнях.

Он помог ей сесть, затем встать. Казалось, вся шондосийская армия собралась вокруг них. Стужа легонько оттолкнула руку Крегана и улыбнулась. И вдруг вспомнила о Книге. Она огляделась. Ее никуда не переносили с того места, где она упала, но здесь Книги не было. Она с беспокойством всматривалась в лица шондосийцев. Мог кто-нибудь из них взять Книгу? Или это сделал кто-то из слуг Зарад-Крула?

— Книга... — начала она. И осеклась. Знакомое ощущение тяжести на бедре. Она нащупала испещренную рунами обложку. С ее губ сорвался вздох. Кто-то положил Книгу в сумку, пока она была без сознания. Наверное, Радамантус или Минос. Они были ближе всех.

— Зачем ты вынула ее из сумки? Ты что, спятила? — с красным от возмущения лицом налетел на нее Эйкус. Она решила не отвечать грубияну, и повернулась к нему спиной, обращаясь к двум другим Старейшинам:

— Один из вас, вероятно, спас мне жизнь. Но как? Что произошло?

— Оказывается, Зарад-Крул наблюдал за битвой издалека через свой магический кристалл. Сначала мы не замечали его присутствия, но, когда шардаханцы начали проигрывать, он обнаружил себя — ответил Минос.

— Мы окружили его, даже не предполагая, что он настолько силен, и сможет принять участие в битве, не присутствуя здесь физически. Просто на всякий случай мы решили подъехать поближе к вам, — добавил Радамантус.

— Вероятно, он так и продолжал бы прятаться и не стал бы вмешиваться, — сказал Эйкус, — но, когда ты, как дура, достала Книгу Последней Битвы, колдун так разозлился, что попытался убить тебя и забрать Книгу.

Радамантус терпеливо улыбнулся:

— К счастью, он замешкался, и его удар вышел слабым, так что я смог отразить его. Если бы он был чуть-чуть сильнее, я не успел бы тебя спасти.

Эйкус фыркнул:

— Ты была бы сейчас трупом.

— Но я жива, — отозвалась Стужа, словно оправдываясь. — И впредь буду осторожнее.

— О большем мы и не просим.

— Но послушайте, старший брат, — обратился к Радамантусу Креган. — Эти молнии и Глаз свидетельствуют о том, что колдун знает ауру Стужи. И он может напасть на нее где угодно и когда ему вздумается.

— Когда мы доберемся до Демониума, то позаботимся об этом.

Она вопросительно посмотрела на Крегана.

— Твою ауру можно изменить, — объяснил он, — но это требует участия большого количества людей. Извини, но у меня нет времени, чтобы углубляться в детали, да и до Огненного Поля еще далеко.

Эйкус пробурчал что-то в знак согласия. Стужа подавила страстное желание двинуть ему между ног. В конце концов, они на одной стороне. Она видела его в бою, он сражался как дьявол.

Мертвых предали земле, пленных не брали: у шондосийцев это было не принято. Увы, отдохнуть им не удалось, но никто не жаловался. Они ехали через темную равнину, мимо низких холмов, и при каждом шаге Ашура Стужа чувствовала синяки и ушибы, о которых даже не догадывалась, пока не села в седло. Она не знала, сколько времени прошло. Тьма затопила Шондо, и сквозь нее не могли пробиться ни солнце, ни луна, ни звезды.

Они иногда перекусывали на ходу и опять скакали. Лишь однажды они спешили, когда перед ними как из-под земли вырос каменный треугольник. Малые Врата. Старейшины приказали войску ждать, а сами поехали к ним.

Стужа воспользовалась удобным случаем, чтобы вздремнуть. Но ее бедное тело так и не отдохнуло, потому что Старейшины очень скоро вернулись с новостями. Индразад все-таки пал под натиском шардаханцев, но остатки разбитого войска, отступая, продолжали оказывать сопротивление, чтобы замедлить продвижение шардаханцев в сторону Демониума. Зарад-Крул больше нигде не появлялся. Темные боги, Нугарил или Ментес, пока не вмешивались.

«Интересно, — подумала Стужа, — каково это — стоять внутри этих треугольников и соприкасаться мыслями с человеком, который находится далеко от тебя». Когда у нее будет время, она спросит об этом Радамантуса, но сейчас нужно было снова садиться в седло и скакать.

Они перешли на шаг, только когда лошади совершенно выбились из сил. Стужа ехала как в тумане, ничего не замечая вокруг, пока рядом с ней внезапно не появился Креган. С тех пор как они отъехали от ущелья Текаф, он держался возле старейшин и не говорил с ней. Она слабо улыбнулась ему в знак приветствия и вопросительно посмотрела на него.

Шондосиец жевал вяленое мясо.

— Дорогая, — произнес он шутя, но в его голосе послышалась нежность, — скажи мне, отчего на твоём прелестном лице такая тревога?

Этот мягкий голос задел какую-то чувствительную струнку в ее душе, согрел ее и в то же время вывел из равновесия. Вначале, она хотела молчать, в отместку за то, что Креган не ехал с ней рядом, но, когда он повторил свой вопрос, в его голосе была такая печаль, что она не могла не ответить ему. «Лучше поддержать беседу, чтобы он немного побыл со мной», — решила она и внезапно осознала, что успела соскучиться.

— Ваши ученики, которых вы послали на разведку, еще не вернулись. Меня всю дорогу мучит вопрос, что же я такое видела на гребне? — спросила она, бросая взгляд назад.

— Радамантус сказал, что нет повода для беспокойства, — напомнил ей Креган. — Это все, что тебя тревожит?

— Ты сказал, что меня ждут какие-то испытания. — (Их глаза встретились.) — Я боюсь, Креган. Я боюсь неизвестности!

Он приблизился к ней, насколько это было возможно, так что шпора на его сапоге чиркнула по боку Ашура. Сильной рукой он обнял ее за плечи. Именно этого она и хотела, даже страстно желала. И, поддавшись минутной слабости, она склонила голову ему на грудь и чуть было не разрыдалась. Несмотря на неудобство, они продолжали ехать обнявшись.

— Нас обоих ждут суровые испытания, — прошептал он ей на ухо.

Через некоторое время Стужа выпрямилась в седле, к ней снова вернулось самообладание, и она улыбнулась.

Чем ближе войско было к Демониуму, тем быстрее они скакали и наконец пустили лошадей в галоп. Стужа пригнулась к шее Ашура и прищипорила его. Креган тоже прищипорил своего коня, и они вырвались вперед, обгоняя остальных. Стужа первой поднялась на гребень горы, за которой было Огненное Поле, и, натянув поводья, посмотрела вниз. Ашур, словно протестуя, встал на дыбы и, храпя, ударил копытами в землю. Креган остановился рядом. Они ждали, пока Старейшины, а потом и все войско не подтянутся вслед за ними.

Стужа пораженно смотрела вниз. Земля переливалась разноцветными огнями: темно-красным, синим, оранжевым, зеленым и золотым, восхитительными оттенками фиолетового.

Это светились в темноте камни, которыми было усеяно Огненное Поле, словно с неба упали звезды и рассыпались по земле.

— Огненное Поле, — сказал Креган. — А прямо посередине...

— Демониум, — закончила за него Стужа дрожащим голосом.

Высокая, почти отвесная, скала вздымалась в небо, и в зареве, которое полыхало над Огненным Полем, Стужа разглядела три огромных монолита на плоской вершине.

Священные Врата.

— Отчего эти камни светятся?

— Долгие тысячелетия они лежали тут, впитывая энергию, которая просачивается сквозь Врата из других миров. Но они могут удерживать в себе лишь небольшую часть этой энергии, остальную они излучают в виде свечения, холодного огня. Это место для нас священо.

— Здесь так красиво, но меня пугает эта неземная красота, — после долгой паузы сказала Стужа.

Креган улыбнулся. Глаза их встретились, и она улыбнулась ему в ответ.

— Поехали вниз, — сказала она наконец. — Насколько я понимаю, там мы будем в большей безопасности.

Под руководством Эйкуса шондосийцы разбили лагерь у самого подножия Демониума. Лошади были привязаны, но не расседланы. Стужа и Креган расстелили одеяла и развели небольшой костер.

— У тебя глаза как у кошки, — заметил Креган, — они горят холодным зеленым огнем, посмотри, вот эти два камня...

— Ты говоришь слишком много, — оборвала она его, но в глубине души ей было приятно, что он пытается делать комплименты.

Они разогрели над огнем полоски вяленого мяса, потом поели и улеглись.

Но Креган отдыхал недолго. Старейшины решили собрать военный совет, и, как член Крилара братства Черной Стрелы, он должен был на нем присутствовать. Взяв свой посох, Креган со вздохом поднялся, но прежде, чем уйти, он поцеловал ей руку, а затем коснулся лунного камня на диадеме, сверкавшего в свете костра. Стужа оттолкнула Крегана, а он невозмутимо повернулся и ушел. Забыв об усталости, она встала и принялась наблюдать, как старейшины и члены Крилара один за другим поднимаются по извилистой тропе, ведущей к вершине Демониума. Когда они скрылись из виду, Стужа завернулась в плащ и снова улеглась у костра.

Несмотря на то что она была совершенно обессилена, сон к ней все не шел. Вскоре в лагере стало очень тихо, слышалось только, как потрескивает костер да перекликаются часовые.

А потом ей показалось, будто где-то начали бить в барабан. Сначала она подумала, что это ткань палаток хлопает на ветру, но звук стал громче, и она поняла, что это барабанная дробь. Стужа села и огляделась. Похоже, никто, кроме нее, ничего не слышал, а может быть, просто не обращал внимания. Она увидела, как на вершине Демониума вспыхнул огонь и яркие отблески заплесали на гладкой поверхности монолитов. К первому присоединился второй барабан, Стужа напряженно вслушивалась — они словно разговаривали на каком-то непонятном языке, все быстрее и быстрее, и сердце у нее забилося в их бешеном ритме. Ей стало жарко, пот потек у нее по лицу, кровь стучала в висках, казалось, воздух вокруг нее сгустился. Еще немного, и она не вынесет этого. Стужа зажмурилась, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, и вдруг барабаны замолчали. Открыв глаза, она посмотрела на вершину Демониума и увидела, что огонь погас. Она без сил повалилась на жесткую постель. Что бы это ни значило, придет Креган и все ей объяснит.

А тем временем от костра остались одни угли. Стужа заставила себя снова подняться и разворошила их палкой, взглянув пару раз на монолиты, которые теперь были едва заметны на фоне черного неба. Почему-то они не светились, как другие камни и сам Демониум.

Наконец Стуже все-таки удалось уснуть, но ее, как всегда, мучили кошмары.

Стужа с криком проснулась и резко села, размахивая руками, словно отбиваясь от призраков, и потянулась к мечу. Но кто-то обнял ее, и она опомнилась.

— С тобой все в порядке?

В больших темных глазах Крегана отражалось пламя вновь разведенного костра. Кажется, он еще не ложился. Интересно, давно он наблюдает за ней?

— Конечно, — выдавила она. — Просто я увидела... А впрочем, ничего особенного.

Креган прижал ее к себе, но вдруг послышался далекий стук копыт, и она отшатнулась от него, вскакивая и вглядываясь в темноту, царившую за пределами Огненного Поля.

Стужа схватилась за рукоять меча, но Креган остановил ее.

— Всего лишь три всадника, — сказал он.

Она прислушалась и согласилась с ним. К этому времени весь лагерь уже был на ногах. В руках воинов блеснули обнаженные клинки, и Стужу порадовало, что их так много. Кто знает, что там таится в этой проклятой темноте. Стук копыт приближался, и наконец из тьмы вынырнули трое. Они въехали в лагерь и, натянув поводья, резко осадил коней, поднимая пыль. Креган побледнел.

— Последняя часть головоломки, — пробормотал он. — Ну конечно же, почему я не догадался раньше?

Вместе с двумя учениками из братства Черной Стрелы к Демониуму прискакала Натира.

Радамантус протолкался к ним сквозь плотное кольцо воинов и остановился, с любопытством глядя на девушку. К нему присоединились Минос и Эйкус. Ученики запыхались от долгой скачки, а вот Натира, с ног до головы покрытая пылью, со спутанными волосами, казалось, совсем не устала.

— Так, значит, это была ты... Я чувствовал это, — сказал Радамантус.

Девушка, как всегда, молчала.

— Эсгарийка была права, — заговорил один из учеников. — За нами шла Натира, и как мы ни пытались заставить ее вернуться, все без толку, она отказалась подчиниться.

— Неужели она говорила что-нибудь? — спросил Креган недоверчиво.

— Не сказала ни слова. Она просто упрямо двигалась вслед за нами.

— Нам было приказано разузнать все и доложить, — угрюмо перебил его второй ученик. — А не тащить эту сумасшедшую силой назад в Эребус и пропустить из-за этого самое главное.

— Поэтому мы и позволили ей приехать сюда, — продолжил первый. — По ней и не скажешь, что она скакала как одержимая, даже не глядя, куда едет. Казалось, она знала дорогу.

Радамантус обошел кругом всех троих.

— Странно, — сказал он наконец. — Почему она так рвалась сюда? — Он был встревожен и обращался скорее к самому себе. Вряд ли он рассчитывал, что немая девушка ответит ему. Натира, склонив голову набок, невинными глазами глядела на старика.

— Ну ладно, — проворчал Эйкус. — Что же нам делать с ней?

— Вам — ничего, — заявил Креган. — Я о ней позабочусь.

— Криларит, — сердито обратился к нему Эйкус, очевидно надеясь, что формальное обращение заставит Крегана осознать всю серьезность положения, — на тебе и так большая ответственность, ведь ты магистр, а нам скоро предстоит сражаться.

— Я сказал, что позабочусь о ней. — Креган был непреклонен.

Он осторожно помог своей подопечной слезть с лошади. На ней не было плаща, она дрожала от холода, и тогда он обнял ее за хрупкие плечи.

Эйкус не собирался сдаваться, но Минос остановил его:

— Он с самого начала опекал ее. Оставь все как есть, мой друг.

Глаза Эйкуса сверкнули, он стряхнул со своего плеча руку Миноса, повернулся и пошел прочь, расталкивая стоящих на его пути и проклиная всех подряд.

Стужа вернулась к своему костру. Она была обеспокоена. Надо понаблюдать за Старейшиной Серебряной Чаши, его непредсказуемые перемены настроения граничили с безумием. Однако не это больше всего волновало девушку, хоть и ей не хотелось себе в этом признаваться. Нежность, с которой Креган смотрел на Натиру, заботливость, с которой он помог ей сойти с лошади, и то, как он обнял ее, — вот что задело Стужу. Она укоряла себя за то, что обращает внимание на подобные пустяки, в то время как над ними нависла смертельная опасность. И все-таки как ни старалась Стужа, она не смогла с собой справиться. И когда Креган уложил Натиру в свою постель и ушел, Стужа прошептала:

— Какого черта тебе здесь было нужно?

Натира села, глядя на нее через костер, и вдруг широко улыбнулась. Одной рукой она схватилась за грудь, а другой показала на Жало Демона прямо сквозь пламя костра.

Стужа ахнула. Невероятно, но ожога не было, кожа даже не покраснела, а девушка продолжала улыбаться и снова показала на волшебный кинжал. Немыслимо, невозможно. Волосы у Стужи встали дыбом, и, охваченная страхом перед необъяснимым, она, словно защищаясь, схватилась за рукоять Жала Демона. Но потом она вскочила на ноги и чуть ли не бегом поспешила прочь из лагеря, не обращая внимания на окрики часовых. Тяжело дыша и отгоняя от себя тревожные мысли, она остановилась возле коновязи. Ашур тихо заржал, приветствуя ее, и его глаза стали излучать мягкий свет. Стужа обняла единорога и зарылась лицом в его шелковистую гриву. Теплое дыхание коснулось ее рук, и она стала понемногу успокаиваться. Стужа гладила его и думала о том, что он ее единственный друг в этом безумном мире.

Но и здесь ей не было покоя. Глаза Ашура вдруг вспыхнули, словно он предупреждал свою хозяйку об опасности. Стужа обернулась. Рядом с ней над землей повисла призрачная дымка, которая начала светиться, потом вспыхнула, переливаясь разными цветами. И вдруг из этого сияющего ореола появился Незнакомец. Он выглядел точно так же, как и при их встрече в Итай Калане, — обнаженный и прекрасный. Стуже показалось, что с тех пор прошли годы.

— Готовься, — сказал он. — И собирайся с силами.

Она выхватила меч, едва сдерживая крик. В ужасе смотрела она на Незнакомца.

— Ты же мертв! — хрипло проговорила она. — От тебя остались одни кости! Как же так?..

Но Незнакомец снова вошел в светящийся шар и пропал, оставив ее вопрос без ответа.

«Готовься и собирайся с силами». Что он хотел этим сказать? Стужа озиралась по сторонам, но не замечала ничего подозрительного и через некоторое время даже начала сомневаться в том, что ей явился призрак. Может быть, она просто слишком устала и ей все это померещилось? Она уже почти убедила себя в этом, но вдруг лошади словно взбесились, из глаз Ашура посыпались искры.

Перед Стужей снова появилась светящаяся призрачная дымка. Лошади жалобно ржали, били копытами и рвались с привязи. Внезапно таинственный свет погас, и на этом месте теперь стоял высокий смуглый юноша с волосами темными как ночь. Он был обнажен, и Стужа заметила, как мышцы перекачиваются у него под кожей, когда он мягко, как кошка, подошел к ней. Его пальцы были унизаны кольцами, а запястья и щиколотки украшены тонкими золотыми браслетами. Талия перетянута широким поясом из невероятно крупных сверкающих жемчужин, а правый глаз закрывала черная повязка. Юноша поднял руку с длинными накрашенными ногтями, которые больше напоминали когти, и протянул к ней.

— Верни мне Книгу.

— Зарад-Крул! — Меч сверкнул у Стужи в руке, и она кинулась на колдуна, но острое лезвие прошло его тело насквозь, не причиняя никакого вреда. На его лице появилась хищная улыбка. Стужа отступила, в страхе призывая Така. Зарад-Крул рассмеялся:

— Твое оружие тебе не поможет. Я всего лишь тень моего хозяина. Он послал меня забрать у тебя украденную Книгу Последней Битвы.

Стужа снова взмахнула мечом, но опять безрезультатно. Неужели это действительно призрак? Она упрямо сжала зубы, чувствуя, как ее лицо сводит судорогой, и не опускала бесполезное оружие.

— Отдай мне Книгу, и мой хозяин оставит тебе твою никчемную жизнь.

Она покачала головой и промолчала, опасаясь, что голос выдаст ее страх.

— Подумай хорошенько, — сказал призрак Зарад-Крула. — Поверь мне, я знаю все твои самые сокровенные тайны. Если ты не послушаешься меня, я заставлю тебя мучиться так, что все твои кошмары покажутся пустяками. — Он вновь протянул руку. — Отдай мне Книгу Последней Битвы.

Стужа схватилась за сумку, что висела у нее на боку. Если она сдастся сейчас, то всему миру придет конец.

— Нет!

Она снова ударила, лезвие меча прошло сквозь голову колдуна, но он лишь усмехнулся. Тогда Стужа повернулась и кинулась в лагерь, ожидая, что вот-вот наступит конец света. Добежав до палаток, она наткнулась на Натиру, но не стала останавливаться. Немая девушка явно следила за ней, но не это сейчас занимало Стужу. Когда взбесились лошади, почему никто не поднял тревоги? Стужа мчалась прямо к палатке старейшин, все еще сжимая в руке меч. Креган, старейшины и еще какие-то люди, которых она не знала, раскрыли от удивления рты, когда она ворвалась в палатку, бледная от страха.

— Зарад-Крул! — прохрипела она. — Там, у коновязи!

Эйкус схватил свой посох и выбежал из палатки, за ним Креган и еще двое воинов. В лагере поднялась суматоха.

Радамантус усадил Стужу и предложил ей бокал горячего вина, который она выпила залпом. Креган и Эйкус вернулись почти сразу.

— Там никого нет, — сказал ее друг. — Ты уверена, что видела колдуна?

Воткнув меч в землю, Стужа вскочила и разразилась бранью, девушку задело, что он усомнился в ее словах.

— Спокойно, — сказал Минос, вставая между ними. — Расскажи нам, как было дело.

Она выложила все и не без злорадства добавила, что Натира явно все видела, даже следила за ней, но ничего не предприняла. Закончив рассказ, Стужа выпила еще бокал вина и вытерла губы.

— Так, значит, часовые ничего не слышали. — Эйкус задумчиво потер подбородок. — И мы тоже.

— Зарад-Крул научился очень сложным приемам, с тех пор как ему начали помогать Темные боги, — заключил Минос. — Вероятно, колдун хотел явиться только тебе одной.

— Где Книга? — спросил Радамантус.

Стужа начала вынимать ее из сумки, но Старейшина замахал руками:

— Слишком опасно вынимать ее. Твоего слова вполне достаточно.

— Ну а как же Незнакомец? Я своими глазами видела, как он погиб.

— Да, он мертв, — подтвердил Креган. — Если бы он был среди живых, то я бы нашел его любыми способами.

Радамантус кивнул:

— Тебе явился призрак, дитя мое, он хотел предостеречь тебя.

Стужа перевела взгляд на Миноса. Он пожал плечами:

— Я ничего не понимаю. Происходит что-то странное.

— Боюсь, это только начало, — проворчал Эйкус.

— А что касается Натиры... — продолжал Радамантус, поворачиваясь к Крегану, — она поехала за нами не просто так, и мы должны выяснить, зачем она это сделала. Следи за ней внимательно, брат. Я хочу знать о каждом ее шаге.

Присутствующие согласно закивали. Внезапно снаружи донеслись крики и шум. Все вскочили. В палатку вбежал воин из братства Серебряной Чаши и упал на колени к ногам Старейшин. Широко открытые глаза лихорадочно блестели на смертельно бледном, почти сером, лице. Он заметно дрожал.

— Там, снаружи... — прохрипел он. — Братья, выгляните наружу, посмотрите!

Над Огненным Полем безмятежно парил Зарад-Крул, сидя в кресле, вырубленном из огромного аметиста, будто на троне. Озаряемый холодным светом, он бесстрастно взирал на лагерь шондосийцев.

Камни неожиданно начали светиться ярче, образуя горящую линию. И вдруг вдоль этой линии из земли взметнулась стена огня и, словно по команде колдуна, стала надвигаться на шондосийцев. Воины отступали с воплями ужаса. Стужа тоже шагнула назад, но Минос поймал ее за руку:

— Это всего лишь иллюзия.

Она неуверенно посмотрела на Радамантуса, и его спокойный взгляд убедил ее в том, что Минос прав, однако Эйкус явно сомневался в его словах.

— А ты уверен? — даже спросил он.

Минос сурово посмотрел на него.

— Старейшина! — обратился он к Эйкусу. — Ты что, настолько увлекся физическими способами ведения войны и настолько одержим жадной мщенью, что забыл о том, кто ты есть? Вспомни о братстве, вспомни о ваших обетах и клятвах. Как же может верить братия, если сомневается Старейшина? Где твое истинное зрение?

Эйкус покраснел от гнева, казалось, он ударит старика. Стужа приготовилась, если надо, защитить Миноса и поймала себя на мысли, что восхищается тем, с каким достоинством Старейшина Золотой Звезды держится в любых ситуациях.

Но оказалось, что в ее вмешательстве не было необходимости. Пристыженный Эйкус глубоко вздохнул и улыбнулся.

— Ну что ж. Давайте скажем воинам, что это только видимость, — произнес он наконец.

— Нужно доказать это, пока они не пустились наутек.

Трое Старейшин направились к огненной стене. Стужа тоже хотела пойти с ними, доверяя их словам больше, чем своим глазам, но Креган удержал ее.

— Ты не обладаешь истинным зрением, — предостерег он ее. — Может быть, ты и веришь старейшинам, но ведь ты не знаешь наверняка, что огонь не настоящий. Если у тебя есть хотя бы тень сомнения, огонь убьет тебя, каким бы иллюзорным он ни был.

Стужа угрюмо наблюдала за происходящим, посматривая на шондосийских воинов. Они больше не пятились, а затаив дыхание смотрели, как три старика бесстрашно идут прямо в ад.

Пламя взметнулось и стало опадать. Стужа вскрикнула и поняла, что Креган был прав. Она все-таки сомневалась, и это сомнение могло ее убить. Но Старейшины стояли в языках пламени без всякого вреда для себя. Через мгновение огонь погас.

Лагерь шондосийцев взорвался ликующими криками. Креган и Стужа принялись

радостно хлопать друг друга по спине, и в этот момент, когда ее распирало от счастья и она забыла обо всем на свете, ее руки сами собой обвили шею Крегана. И тогда она поцеловала его, но тут же опомнилась и отвернулась, сгорая от стыда и бормоча ругательства.

Над долиной разнесся смех.

— Эй, вы трое! — высокомерно прокричал Зарад-Крул. — Это все, что вы можете? — Он так веселился, его аметистовый трон затрясся.

Но Радамантус выпрямился, на кончиках его пальцев вспыхнули голубые огоньки.

— Сгинь, призрак! — раздался его звучный голос. — Возвращайся к своему хозяину и передай этому презренному негодяю, что мы ждем его, и, когда он придет, ему не поздоровится.

— Это в самом деле призрак? — шепотом спросила Стужа у Крегана.

— Если бы ты обладала истинным зрением, то увидела бы только черную тень. Смотри.

Голубой свет плясал на пальцах Радамантуса, разгораясь все сильнее, и наконец вспыхнул так ярко, что казалось, Огненное Поле залито полуденным солнцем, и по мере этого таял призрак Зарад-Крула. Но когда таинственный свет погас, все увидели, что колдун по-прежнему восседает на троне.

— Как же так? — воскликнула Стужа.

— Это очень сложно, — отвечал Креган. — За спиной помещается фонарь, и тень, которую отбрасывает колдун, с помощью определенных заклинаний можно оживить и послать выполнять волю ее хозяина.

Раздался резкий неприятный смех.

— Дурачье! Даже тень того человека, которому вы осмелились противостоять, имеет кое-какую силу. Смотрите же, на что способен призрак.

Зарад-Крул взмахнул рукой, и из нее повалил дым, который начал слабо светиться и неожиданно превратился в великана.

Стужа ахнула.

Она узнала его меч и щит. Призрак снова взмахнул рукой, и появился еще один великан, который был выше первого, с таким же оружием, но без доспехов. Еще два взмаха — и еще два великана. Один из них оказался величественным мужчиной, а второй был в женском платье. Зеленые кошачьи глаза, черные прямые волосы — воплощение демонической красоты.

Призрак на троне захихикал:

— Маленькое представление для воришек.

И тут возникла еще одна великанша, такая же прекрасная, как и предыдущая, и с такими же, как у нее, зелеными глазами, только волосы ее были спутаны и она держала в руках меч.

Стужа почувствовала, как у нее подогнулись колени, и ей показалось, что земля стала вращаться слишком быстро. Она задыхалась, в висках пульсировало, в ушах звенело. Креган подхватил ее, и ей удалось взять себя в руки.

Она будто смотрелась в зеркало. Это была гигантская копия ее самой. Рядом с ней стояли ее наставник, родители и брат, как живые, только невероятно большие. Стужа вглядывалась в их лица, цепenea от страха, потому что она заранее знала, что вскоре за всем этим последует. Призрак Зарад-Крула обратился к ней по имени. От которого она отказалась в тот ужасный день, когда сломалась ее жизнь.

— Я же говорил, что у тебя скудное воображение. Ты не представляла себе, что такое настоящий кошмар. Догадываешься, зачем я вызвал их? Отвечай.

Но Стужа не могла заставить себя говорить.

— Если ты отдашь мне Книгу Последней Битвы, я могу избавить тебя от этого унижения.

Она схватилась за сумку и нащупала Книгу, не сводя глаз с гигантских призраков. Она может откупиться, и Зарад-Крул не выдаст ее тайну. Стужа задрожала. Если она откажется

вернуть ему Книгу, он опозорит ее на весь мир.

Стужа заглянула в сумку и увидела, как блеснул металлический замок. Она уже почти решилась и достала ее, как вдруг услышала крики. Старейшины и Креган. Они удерживали Эйкуса. Он ругался и сыпал проклятиями. О каком испытании кричит Креган?

— Почему ты медлишь? Или хочешь, чтобы все узнали постыдную правду? — сладким голосом спросил колдун. — Отдай мне Книгу.

Стужа вновь посмотрела на Книгу и перевела взгляд на своих друзей. Они либо не могли ей помочь, либо не желали этого делать. Даже Эйкус, который рвал и метал секунду назад, неподвижно стоял и смотрел на нее. Но что было написано на их лицах, страх?

Почему они не помогут ей?

— Отдай мне Книгу, — повторял Зарад-Крул. — *Отдай мне Книгу!*

— Нет! — Из ее горла вырвался крик, и слезы потекли у нее по щекам. Она чувствовала одновременно злость и ужас, сомнение и стыд, когда запикивала Книгу Последней Битвы обратно в сумку. — Ты! Бездушная сволочь! Нет!

С громким смехом призрак растаял в воздухе. Затем пришли в движение гигантские фигуры.

Ноги у нее подкосились, она сжалась в комочек. Кто-то утешающе обнял ее за плечи. Креган. Как она ни старалась, не могла себя заставить посмотреть ему в глаза. Слишком стыдно.

Старейшины были за нее, а остальные воины? Когда они узнают, будут ли они сражаться за ту, что хуже убийцы?

Радамантус положил руку ей на плечо. В его глазах она заметила сочувствие. Затем, убедившись, что она смотрит, он закрыл лицо краем плаща. Минос и Эйкус последовали его примеру, а вслед за ними все воины шондосийской армии один за другим отвернулись.

Стужа была так удивлена, что перестала плакать, и сердце ее переполнилось благодарностью. Она подозревала, что Креган и старейшины уже знают о ее преступлении. Они решили избавить ее от унижения и не стали зрителями этого ужасного спектакля. Тогда она нашла в себе силы встать и смотреть.

Лицо гигантской Стужи исказилось, и она взмахнула сверкающим мечом. Ничуть не испугавшись, ее братец-великан осторожно подбирался к ней, его огромные глаза горели ненавистью.

Стужа решительно отняла плащ от лица Крегана. Ей слишком тяжело было наблюдать за этой сценой в одиночку, она боялась, что не вынесет этого.

— Смотри вместе со мной.

Он обнял ее одной рукой, и она склонила голову ему на плечо.

Она вспомнила ту ночь, когда брат раскрыл ее тайну. Меж ними никогда не было любви, потому что они слишком завидовали друг другу, страстно желая заниматься тем, чем вынужден был заниматься другой: она — обучаться искусству владения оружием, а он, как она всегда подозревала, хотел познать тайны Така. Он застал ее с поличным, она держала в руке меч. Она нарушила древнее табу, поэтому он имел право убить ее. Более того, это был его долг.

Зазвенела сталь. Сошлись два гиганта, сотрясая небо и землю. Наконец огромная Стужа вонзила клинок в грудь брата. В точности повторилось все, что уже случилось однажды.

Не найдя в себе мужества предать смерти любимую дочь, на острие меча Стужи кинулся ее охваченный горем отец. Вопль пронесся по всему замку и разбудил Бурдрака. Старик любил ее и гордился своей талантливой ученицей. Но у него не было выбора: он должен был отомстить за смерть своего господина. Стужа хотела было отбросить меч и принять заслуженную смерть, но оказалось, что она слишком хорошо усвоила уроки Бурдрака. Ученица сражалась со своим учителем, хотя ни она, ни он не желали этого. И в конце концов Бурдрак выронил оружие и замертво рухнул на каменный пол.

Гигантская Стужа отшвырнула меч и кинулась к бездыханному телу своего учителя, обнимая его. Так же как она сделала давным-давно.

И тут ей пришлось вспомнить, что было дальше. Вперед выступила мать, в ее перекошенном от ненависти лице не осталось уже ничего человеческого.

— Ты хорошо изучила мужские способы сражаться и убивать. Ты лишила меня всех, кого я любила, — мужа, сына и дочери, на которую я возлагала большие надежды. Ты не просто ведьма, дочь моя, а колдунья куда более сильная, чем я. Но ты отказалась от этого. Растратила свой дар. — Мать накрыла дрожащими теплыми руками глаза Стужи. — Я накладываю на тебя проклятие: ты будешь следовать дорогой убийцы всю оставшуюся жизнь. И помни: женщина, которая носит меч, вызывает только презрение. Ты отняла у меня семью, а я отнимаю у тебя магический дар.

Боль пронзила глаза Стужи, и она зашаталась. Мать осторожно подняла меч, брошенный дочерью.

— А теперь и я нарушаю закон. — Невидящими глазами она посмотрела вдаль. — О боги! Где дочь, которую я воспитала? Я не знаю тебя, женщина, — прокричала она. — Ты сделана из огня, но от тебя веет холодом, словно ты сама стужа.

Стужа вновь услышала материнское проклятие, слово в слово, и увидела, как ее мать приставила острие меча к груди, рукоять прижала к стене и упала вперед. А потом, оставляя за собой широкий кровавый след, она подползла к своему мужу, сжала его холодную руку и испустила дух.

Плач разнесся над равниной, и великаны начали таять. Представление закончилось. Стужа смотрела, как шондосийцы один за другим открывают лица и возвращаются к своим кострам, но Креган продолжал обнимать ее.

— Тебя судили, — прошептал он, — и признали невиновной.

Она задумчиво смотрела туда, где недавно была разыграна трагедия.

— Я виновна.

— Виновата и виновна не одно и то же. Ты в такой же мере преступница, как и жертва.

Внезапно вдалеке послышались звуки рога, и они оба поспешили к остальным.

Многие воины были уже в седле. Из своей палатки вышел Эйкус, он был в доспехах, его лицо светилось мрачной радостью.

К лагерю шондосийцев на взмыленных лошадях приближался отряд воинов, и впереди них развевалось знамя Индразада.

Глава 11

В пятнах крови, оборванные и грязные, они были больше похожи на разбойников, чем на шондосийских воинов. Пятьдесят человек — все, что осталось от гордого войска Индразада. Их предводитель едва держался в седле, из глубокой Раны на бедре текла кровь. Стужа и еще двое подхватили его. На груди у него была эмблема в виде золотой звезды. В руке он сжимал половинки сломанного посоха.

Он обхватил девушку за талию и безумными глазами впился в ее лицо.

— Минос! — прохрипел он. Кто-то приложил пропитанную водой салфетку к его пересохшим губам, но он отшвырнул ее. — Где Минос?

— Я здесь, брат. — Старейшина схватил его за пояс и взвалил на себя. — Я помню тебя, твое имя Хафид.

Тот слабо кивнул:

— Мои люди... Многие тяжело ранены.

— О них позаботятся, — заверил его Минос. — Твои раны тоже нужно обработать.

Поддерживаемый Стужей с одной стороны и Миносом с другой, он проследовал в палатку Старейшин, где Радамантус уже приготовил бинты и целебные травы. Хафида усадили в кресло, в правой руке у него оказался бокал вина, и он с благодарностью осушил его. Минос снял с него доспехи и разрезал штанину.

— Мы — это все, что осталось от целого войска, — с горечью сказал Хафид. — Когда шардаханцы заняли город, они вырезали всех поголовно, женщин, детей... Мы отступили и поспешили сюда, но они преследовали нас по пятам и дважды нападали в пути. Они едва не перебили нас всех.

Эйкус сурово посмотрел на него:

— Почему же вы остались в живых?

Минос прижал к ране горячую салфетку, и Хафид поморщился от боли.

— Я не знаю, — признался он наконец. — Поскольку нас осталась лишь горстка, бились бы мы недолго, но еще до того, как мы добрались до Огненного Поля, они вдруг развернулись и усаkali.

Минос вытер струйку свежей крови и стал заваривать какие-то листья.

— Ты все правильно сделал, брат. Твои воины нужны здесь, чтобы защищать Врата.

— Шардаханцы боялись, что мы услышим звуки битвы и придем на подмогу. — На лице Эйкуса появилась ухмылка, а его черные глаза сузились.

По Радамантус нахмурился и покачал головой:

— Они ждали подкрепления, а может быть, и самого Зарад-Крула. Им известно, что мы не рискуем вступить в бой за пределами Огненного Поля, и решили собраться с силами.

В палатку просунул голову Креган:

— С запада приближается войско Тумиеля, а на юге были замечены знамена Граскода.

— Наконец-то, — пробормотал Эйкус.

Стужа обрадовалась. Воины еще двух городов пополнят их ряды, а вскоре придут остальные. Она обратилась с благодарной молитвой ко всем своим богам.

Хафид потрогал повязку на бедре и поднял второй бокал вина.

— Девять армий не объединялись по крайней мере пять веков, — сказал он, улыбаясь.

— Тогда мы, возможно, вынесем из этого какой-то урок, — предположил Радамантус.

Эйкус сплюнул:

— Если мы доживем до конца урока, забыл добавить ты. А кроме того, больше нет Девяти армий. Дулаам и Индразад пали. Всего семь городов.

Хафид, качаясь, встал, лицо его покраснело.

— Но пока бьются сердца пятидесяти славных воинов, Индразад жив!

Взгляды двух шондосийцев скрестились, но через несколько мгновений Старейшина Серебряной Чаши отвел глаза. Он налил себе вина, залпом выпил его и вышел вон.

Стужа хотела было швырнуть ему вслед свой бокал, но сдержалась. Его выходки, несправедливые нападки на товарищей стали надоедать ей, и, судя по выражению лиц остальных, они разделяли ее чувства.

Она спала в эту ночь урывками. Одновременно прибыли армии двух крупнейших шондосийских городов, Граскода и Сагайше. Вслед за войском из Тумиеля появилась армия Акибуса. С северо-запада к ним присоединилась армия Алурама, а с востока — армия Тармира. Их знамена были подняты у подножия Демониума рядом со знаменами Эребуса и Индразада.

Пополнились запасы оружия — стрелы, копья и топоры, мечи и круглые щиты,

которые шондосийцы украшали скалящимися мордами демонов. Из Сагайше и Акибуса прибыло по дюжине боевых колесниц, искусством изготовления которых славились эти города. Помимо оружия каждая армия привезла с собой повозки с провиантом, теперь запасов было достаточно, чтобы выдержать многомесячную осаду.

А на равнине сразу за Огненным Полем встали лагерем шардаханцы.

Под покровом ночи, которую наслал на страну Зарад-Крул, небольшой отряд шондосийцев отправился на разведку, разделившись на маленькие группы по два, по три человека. Стужа и Креган составляли одну из таких групп. Вооруженная лишь Жалом Демона, она ползла на животе, проклиная мелкие острые камешки, которые впивались ей в колени и локти. Они постарались подобраться к неприятелю как можно ближе, перевели дух и, прижавшись друг к другу, стали наблюдать.

Стужа с трудом боролась со сном. Шардаханцы и не собирались готовиться к битве. Да что там битва, они не потрудились даже установить палатки и развести костры, ели руками, доставая еду из седельных сумок, и спали на холодной земле, завернувшись в плащи.

Стужа толкнула своего друга локтем и прошептала:

— По-моему, тут не на что смотреть. Давай вернемся.

— Напротив, — возразил Креган. — Я многое узнал.

Он подал ей знак следовать за ним, и они ползком добрались до Огненного Поля, и только тогда он снова заговорил:

— Шардаханцы не собираются оставаться там надолго. Они не стали искать свежую воду и по-прежнему пьют из фляжек и бурдюков. И еще меня насторожило то, что они не выставили часовых, ты заметила?

Стужа нахмурилась. Кажется, Бурдрак кое-что упустил, когда учил ее вести наблюдение за неприятельским лагерем.

Они услышали легкий шорох справа, и вскоре появилась пришедшая им на смену группа. Тихо обменявшись сведениями, они разошлись. Стужа и Креган поспешили обратно в лагерь.

Но один из воинов вернулся и догнал их, прежде чем они успели уйти далеко. Стужа первой услышала его шаги, ее рука легла на Жало Демона, и она стала ждать. Креган тоже держал кинжал наготове. Оба лежали, задержав дыхание, пока не узнали подошедшего.

Он был очень взволнован.

— Шардаханцы! Им нет числа! Только что прибыло огромное войско.

Креган успокоил его, задал несколько вопросов и отправил обратно. Когда воин скрылся из виду, Креган многозначительно посмотрел на Стужу. Она пожала плечами и прошептала:

— Я устала вечно прятаться от Зарад-Крула.

Они вскочили и проделали остаток пути бегом.

Казалось, Радамантус не был удивлен известием.

— Значит, пришло время, — сказал он. — Соберите Крилар.

Креган кивнул:

— Возле Врат, Старейшина?

— Нет, на этот раз все должны услышать, о чем мы будем говорить. Это поднимет боевой дух наших воинов.

Когда Креган ушел, Радамантус взял Стужу за руку:

— Окажи любезность, составь старику компанию. Я не задержу тебя.

Стужа с удовольствием согласилась.

Они прогуливались вдоль рядов палаток. Радамантус во многом был похож на ее отца. Старик умел быть и ласковым, и грозным. Жесткий, но в любых обстоятельствах неизменно любезный, он показывал пример того, как должен вести себя человек, обладающий силой и властью.

Стужа вдруг поймала себя на том, что может думать об отце спокойно. Да, он был мертв, и она повинна в его гибели. Но все-таки что-то изменилось. Она смотрела на

Радамантуса и думала о Крегане. Вскоре они снова вернулись к палатке Старейшин в центре лагеря.

Минос и Эйкус ждали их, окруженные кольцом Крилара. Все взгляды обратились на Стужу, и мурашки побежали у нее по спине. Из-за палаток внезапно появилась группа воинов, и они выстроились, образуя еще один, внешний, круг. Стужу бросило в дрожь.

Она посмотрела на Радамантуса.

— Мне нужна была прогулка, чтобы проветрить мозги, — сказал он ей с улыбкой. — Да и тебе тоже. Ты была такой взволнованной.

Она взглянула на лица собравшихся. Да, они ждали ее.

— Я и сейчас взволнованна.

Он похлопал ее по руке:

— Не бойся, дитя мое. Ты увидишь, это все тоже будет тебе полезно.

Радамантус провел ее в центр. Воины расступались, давая ей дорогу. Когда она дошла до внутреннего круга, старейшины и магистры коротко поклонились ей. Она подсчитала. Тридцать магистров со всей страны. Какая роль отведена ей в том, что сейчас здесь должно произойти?

По сигналу Радамантуса кольцо Крилара колыхнулось и превратилось в треугольник, каждую сторону которого составляли десять человек. Радамантус встал прямо перед ней, двое других старейшин — по бокам. Треугольник в треугольнике, и она в центре. Выражение лиц было торжественным, и Стужа почувствовала, что напряжение достигло предела, ее била нервная дрожь, ладони вспотели.

— Достань Книгу, — прошептал Старейшина Черной Стрелы, — и подними повыше, чтобы ее увидели все.

Она вынула Книгу и сделала, что ей было велено. Книга стала еще тяжелее, и руны на ней сияли в свете костров. Она пощупала металлический замок, снова подергала его, словно проверяя на прочность, но, как всегда, безрезультатно. Он не поддавался. Такая сила была у нее в руках, но, увы, бесполезная.

— Смотрите, вот Книга Последней Битвы! — внезапно воскликнул Радамантус. — Вожделенная цель Зарад-Крула.

Откуда-то послышалась барабанная дробь. Члены Крилара двинулись по часовой стрелке, и их строй не терял при этом очертания треугольника. Они не сводили глаз со стоящей в центре девушки. Воины начали петь с закрытыми ртами.

Смотрите, вот женщина по имени Стужа — хранительница Книги! — вскричал Минос.

Смотрите, вот та, что ослепила Зарад-Крула! — Голос Эйкуса прокатился над лагерьем.

Вступил еще один барабан, с более низким звуком. Магистры начали двигаться словно в танце, они кружились и приседали, зачерпывая пригоршни земли и натирая ею себе лица и руки до плеч. Их странные действия явно имели некий сакральный смысл. Старейшины продолжали награждать Стужу все новыми именами.

Дева-воительница!

Ведьма, разящая мечом!

Несущая смерть!

Неожиданно ее непреодолимо стало клонить в сон, и она закрыла глаза. Голоса доносились до нее, но как она ни пыталась вникнуть в их смысл, у нее не получалось. Вдруг у Стужы будто что-то оборвалось внутри, а затем появилось ужасное ощущение, что она находится в двух местах одновременно. Она словно взлетела, чувствуя невероятную легкость во всем теле.

Стужа робко открыла глаза. «Шондосийцы очень сильные маги, если они способны отделять душу от тела, — подумала она совершенно спокойно. — Но я совсем не испугалась».

Далеко внизу она видела лагерь и церемонию, но ничего не слышала. Она видела даже

себя, свое тело. Ее зеленые кошачьи глаза были широко открыты, но взгляд их был бессмысленным. Ветерок трепал спутанные волосы, скрепленные диадемой с сияющим лунным камнем. Так странно было видеть саму себя, рассматривать эту неподвижно стоящую девушку, которая держит над головой ужасную Книгу. Впервые в жизни она взглянула на себя со стороны и бесстрастно отметила, что ее телесная оболочка чрезвычайно привлекательна. И вновь она подумала, что это разделение души и тела должно было напугать ее. Однако она чувствовала себя совершенно спокойно и вдруг поняла, что обрела истинное зрение. Она отвела взгляд от своего тела и посмотрела на старейшин. Взгляд каждого из них тоже почему-то стал бессмысленным.

Мы здесь, рядом с тобой, — раздался голос у нее в голове.

Три серебристые фигуры, преображенные подобия стоящих внизу старейшин, появились возле нее.

Это были их астральные тела, и она только сейчас заметила, что у нее тоже новое сияющее тело, очень похожее на ее тело внизу, но лишенное его несовершенства.

Странный танец прекратился. Магистры подняли свои посохи и принялись вращать их до тех пор, пока мелькающие наконечники посохов не стали сливаться в сплошные светящиеся пятна. Магистры продолжали раскручивать посохи, и вдруг в небо ударили тридцать ослепительных голубых лучей, сходясь прямо над головой у Стужи.

Защитный шатер, — объяснил голос Миноса. — *И значит, силы зла не могут нам сейчас навредить.*

Магистры перестали вращать посохи, но шатер из голубых лучей остался.

Здравствуй, любовь моя.

Она увидела Крегана и всех остальных магистров. Их совершенные тела лучились мягким светом. Они начали целовать и обнимать ее. Она тоже прикасалась к ним, удивляясь своим ощущениям. Казалось, они подпитываются от нее энергией, а она от них. Их тела сливались с ее телом, протекали сквозь нее, отделялись снова. И каждый из них словно давал ей что-то и что-то забирал взамен. Это напоминало то, что случилось с ней в роще Дазура.

Наконец лучи начали затухать и рассеиваться. Одно за другим таяли серебристые тела. Последним был Радамантус. Он поцеловал ее в губы и пропал. Стужа снова была одна и смотрела сверху на лагерь шондосийцев и на свое тело внизу. Казалось, ничто не изменилось. Побелевшими пальцами она по-прежнему сжимала Книгу Последней Битвы, держа ее высоко над головой, и таинственные руны горели ярким светом. Блеснул замок, и вдруг Стуже почудилось, будто из замочной скважины зазвучали голоса неведомых богов.

Она зажмурилась и прислушалась, но голоса слишком быстро умолкли. Когда Стужа открыла глаза, она поняла, что вновь оказалась в своем теле. У нее затекли руки, она опустила их и повернулась к старейшинам.

Они улыбаясь смотрели на нее.

— Теперь ты можешь убрать Книгу, — сказал Радамантус.

Воины начали расходиться, возвращаясь каждый к своим делам. Несколько магистров с усталыми и мокрыми от пота лицами немного постояли, тяжело опираясь на свои посохи, но вскоре они тоже ушли. Потом Минос отвесил ей глубокий поклон, и вместе с Эйкусом они направились к палатке Старейшин.

К Стуже подошел Крган. Его туника насквозь промокла от пота, волосы были взъерошены, но он держался очень прямо.

— Во имя Така, объясни мне, что это было? — спросила она, кладя Книгу обратно в сумку.

— Мы высвободили твое астральное тело из смертной оболочки. Любой из нас может высвободить свой дух сам, но дух другого человека можно отделить, только если самые могущественные из братьев соединят свои усилия.

— Но зачем?

Он взглянул на Радамантуса, словно спрашивая у него разрешения продолжать. Радамантус кивнул.

— Все живое, от самого маленького листочка до всемогущего бога, обладает неповторимой и единственной в своем роде аурой. Ты, разумеется, знаешь об этом, ведь ты бывшая ведьма. — Он заработал сердитый взгляд, но как ни в чем не бывало продолжал: — Не знаю, была ли известна Зарад-Крулу твоя аура до того, как ты покинула с Книгой Итай Калан, но ему как-то удалось проследить наш путь через Ролароф. Может быть, он нашел твой щит в Шзаде и поэтому смог определить твоё местонахождение, это ему под силу. Но в любом случае, если его Глаз настиг нас там, на равнине, ему наверняка известны ауры нас обоих. Вот как он обнаружил тебя у коновязи. На самом деле он может найти любого из нас двоих где угодно и когда угодно.

— Хорошо, но зачем эти длинные объяснения? К чему ты клонишь?

Ответил ей Радамантус:

— Нельзя допустить, чтобы у Зарад-Крула было подобное преимущество, когда начнется битва. Зная, где ты находишься, он с легкостью сможет нанести удар сам или отправить вместо себя своих слуг. Поэтому мы слегка изменили твою ауру, и теперь ты носишь в себе часть каждого из нас, и каждый из нас носит в себе часть тебя. Зарад-Крул будет совершенно сбит с толку.

— Но дело не только в этом, — сказал Креган. — Все старейшины теперь знакомы с твоей истинной аурой. Если тебя похитят, мы сможем разыскать тебя повсюду, даже за пределами Шондо, и попытаться освободить. — Он сжал ее руку и замялся.

Стужа пришла к нему на выручку:

— Или если я погибну в битве, вы также узнаете об этом и придете за Книгой.

— Если получится, — буркнул Радамантус с несвойственной ему резкостью.

Она пожала плечами:

— Ладно. Теперь мне можно наконец выпить вина?..

Старик взял ее за руку и улыбнулся:

— Для тебя накрыт стол в нашей палатке. Выпьешь вина и хорошенько подкрепишься перед тем, как начнется сражение. — Он посмотрел в ту сторону, где лежал лагерь шардаханцев. — Теперь недолго осталось ждать.

Стужа была страшно голодна, и у нее потекли слюнки, когда она уловила запах съестного и увидела нарезанные мясо и хлеб, миску с медом и фрукты, она еле дождалась, пока Минос, в роли хозяина, пригласит ее к столу.

В середине трапезы в палатку влетел Хафид.

— Птицы! — воскликнул он. — Во всяком случае, эти твари похожи на птиц. Лошади перепуганы, люди волнуются. Лучше сами сходите и посмотрите.

Стужа схватила последний кусок мяса, глотнула вина и вышла вслед за шондосийцем из палатки. В темноте мелькали неясные тени, слышались глухие крики и свист крыльев.

— Мы видели таких же крылатых тварей в Кундалаконтуре! — возбужденно заговорил Креган. — Я уверен, это они.

Стужа подтвердила:

— Ты прав, но теперь их гораздо больше. Это шпионы Зарад-Крула. Смотри, они кружат над нами, словно стервятники над падалью.

И вдруг раздался громкий крик Радамантуса:

— Враг наступает! Готовьтесь к бою!

Лагерь ожил. Воины бросились к оружию, тушили костры, впрягли лошадей в боевые колесницы. Эйкус выкрикивал приказы, пока двое молодых воинов помогали ему облачиться в доспехи. И только сейчас в лагерь ворвался отряд разведчиков, которые принесли весть о том, что шардаханцы перешли в наступление.

Стужа в замешательстве повернулась к Крегану:

— Как Радамантус узнал об этом еще до появления разведчиков?

— Он шондосийский старейшина, — ответил Креган, очевидно считая, что этого объяснения вполне достаточно. — А теперь беги надевай доспехи. И поспеши, иначе отстанешь.

Стужа легко ориентировалась в темноте, она привыкла к ней еще в детстве, каждую ночь пробираясь в свою потайную комнату по закоулкам отцовского замка. Жаль, что Бурдрак не научил ее, как бороться с нарастающим волнением перед решающей битвой.

К своему удивлению, она обнаружила, что доспехи, которые дал ей в Эребусе Креган, были кем-то аккуратно разложены у нее на постели. Рядом на земле сидела Натира. Увидев Стужу, она встала, держа в руках ремни для шнуровки. На самом деле Стуже не нужна была помощь, потому что обычно она носила мало доспехов. Но Натира очень хотела ей помочь. Загадочно улыбаясь, она закрепила застёжки и ремни, и когда подняла глаза, они искрились. Казалось, что немая девушка сейчас запоет.

Был еще бронзовый шлем, но Стужа отбросила его: слишком тяжелый и к тому же сильно ограничивает обзор. Креган не одобрит этого, но ведь не ему же сражаться в нем. Натира держала круглый щит, пока Стужа продевала руку в его ремни, а затем пристегнула у нее на поясе меч. Стужа внимательно следила за ее руками, потому что рядом в ножнах висел кинжал. Но хоть Натира и смотрела на него жадным взглядом, она даже не попыталась прикоснуться к нему.

Стужа прикрыла кинжал, надев плащ, и свет в глазах Натиры погас. Она не стала ждать благодарности, поклонилась и ушла.

Стужа провожала девушку глазами, и ее не покидало странное чувство, что ее судьба и исход битвы как-то зависят от Натир. Надо поговорить об этом с Радамантусом, но не сейчас, нельзя терять ни минуты.

Она свистнула, подзывая Ашура, и услышала громкое ржание единорога. Он пронесся по лагерю как ветер, поднимая клубы пыли, и едва не сбил нескольких воинов, оказавшихся у него на пути. Его глаза полыхали огнем, и земля тряслась у него под копытами. Стужа хлопнула его по холке, вскочила в седло и отправилась на поиски Крегана.

Силы шондосийцев были сосредоточены к северу от Демониума. Креган заметил ее первым и помахал ей рукой. Стужа подъехала к нему и огляделась. На этот раз он был вооружен мечом, как и все остальные магистры, а посох висел у него за спиной.

— Но здесь не все войско!

— Это только авангард, — объяснил Креган. — Колесницы, конные лучники и кавалерия под предводительством Эйкуса. Минос поведет вслед за нами пехоту.

— А Радамантус?

Креган показал на вершину Демониума:

— Он там. Старейшина шондосийского ордена способен заменить целую армию. Мы очень рассчитываем на него.

— Неужели он будет противостоять шардаханцам в одиночку?

Креган лишь укоризненно взглянул на нее.

Времени на разговоры не было. Вперед выехал Эйкус и поднял свой посох, который вдруг загорелся мягким голубым светом. Все взгляды устремились на Старейшину, воины ждали сигнала.

Внезапно раздались пронзительные птичьи крики, и на шондосийцев напали крылатые твари. Воины скидывали руки, чтобы защитить лицо от острых как бритва когтей, кто-то упал с лошади. Но это длилось недолго. Твари взмыли вверх, сделали три круга над шондосийским войском и полетели на север. Эйкус прорычал проклятие и взмахнул посохом. Войско Шондо ринулось на врага.

Стужа увидела, что Креган скачет рядом с ней. Шардаханцы с воем неслись им навстречу, и она достала свой меч.

Колесницы с железными серпами врезались в гущу неприятельского войска, и конница Зарад-Крула была скошена и раздавлена. Шондосийские лучники дали два залпа и пропустили вперед кавалерию. Стужа бросила поводья: Ашур сам знает, что делать.

Жалобно ржали лошади, звенел металл, с хрустом ломались кости, боевые выкрики и предсмертные стоны слились в один неумолкаемый гул.

Стужа разрубила мечом чей-то щит и снесла голову его владельцу. Рядом с ней

сражался Креган. У нее не было возможности наблюдать за ним, и она молилась, чтобы он остался жив.

Сначала перевес был на их стороне. Но, казалось, на месте каждого убитого шардаханского воина появлялось трое. Ее меч был уже весь в зазубринах и красный от крови, а рука онемела, когда Стужа внезапно услышала сигнал к отступлению. Она зарубила ближайшего к ней шардаханца и развернула своего скакуна.

Эйкус поднес к губам рог и протрубил еще раз.

— Отступаем! — прокричал он.

Смех и улюлюканье прокатились по рядам шардаханцев. Но, несмотря на это, шондосийцы повернули назад.

— Смейтесь, свиньи безмозглые! — услышала она громкий голос Эйкуса. — Это еще не конец!

Шондосийцы снова построились. Стужа оглядела войско. Остались лишь четыре колесницы из двадцати четырех, треть воинов были убиты.

— Ну где же, черт возьми, Минос? — прокричала она Эйкусу.

К ним подъехал Креган, осадил коня и спрыгнул на землю.

— Слезай и держи покрепче своего зверя! — приказал Стуже Старейшина, не ответив на ее вопрос.

— Где же Минос? — повторяла она. — Без его помощи мы не сможем перейти в наступление.

— Говорят тебе слезай, черт подери! — Креган почти стащил ее со спины Ашура.

В гневе она отпихнула его и выпрямилась. Никто, даже Креган, не смеет так с ней обращаться. Но оглянувшись по сторонам, она увидела, что все уже спешились.

— Вы что, с ума все посходили? Так не воюют!

— Нам не нужен сейчас Минос, — крикнул Креган. — Смотри! Земля задрожала, где-то глубоко в ее недрах родился и стал нарастать глухой рев.

— Радамантус? — прошептала она взволнованно.

Он кивнул.

Ликующие крики шардаханцев превратились в вопли ужаса. Кони в страхе вставали на дыбы, скидывая всадников. И вдруг земля под ними разверзлась, и из огромной трещины выползли три чудовищных серых червя.

Они душили шардаханцев в своих страшных объятиях и глотали их целыми сотнями. Стужа наблюдала за этим с омерзением и в то же время зачарованно. Несколько смельчаков с копьями и мечами набросились на чудовищ и тут же исчезли в их черных пастях.

Стужа была удивлена. Она и не подозревала, что шардаханцы могут быть такими отважными. А с другой стороны, для нее стало открытием, что враги — обычные люди. Тем лучше для шондосийцев.

— Что это за твари? — спросила она Крегана.

— Они выползли из самого сердца мира, — отвечал он. — Радамантус вызвал их, когда увидел, что мы терпим поражение, но он потерял много сил. Смотри, он уже не может ими управлять.

Это была правда. Громадные черви скользнули обратно в трещину, возвращаясь в недра земли, которая исторгла их. Земля опять задрожала, и трещина закрылась.

Шардаханцы были в панике, и Эйкус не замедлил этим воспользоваться. По взмаху его посоха шондосийцы с криками бросились в атаку.

— Ну что же вы не смеетесь теперь? — услышала Стужа голос Старейшины.

Поле было усеяно телами воинов Зарад-Крула. Уцелевшие колесницы косили их десятками, оставляя за собой багровый след.

Стужа рубила направо и налево, ее глаза заволокло красной пеленой. Теперь она больше не чувствовала усталости. Ее меч был словно карающая десница.

Шардаханцы наконец пришли в себя и начали сопротивляться, а потом стали теснить войско Шондо. Стужа вдруг услышала звуки рога Эйкуса и опомнилась. Она посмотрела по

сторонам, и сердце у нее упало. Не меньше половины ее товарищей полегло, и вокруг нее раскинулось море врагов. Снова прозвучал сигнал к отступлению, и Стужа развернула единорога.

Шардаханцы преследовали их по пятам. Стужа в страхе оглядывалась через плечо и, прижимаясь к шее Ашура, постоянно подгоняла его. Далеко впереди она заметила какое-то движение. Хвала Таку! Это была часть войска во главе с Мином. Со свежими силами они смогут дать отпор врагу. Прозвучал сигнал построиться, Стужа заняла свое место, но вдруг закричала и вскинула руки, защищая глаза. Горячий ветер обжег ей лицо, прямо перед ними из земли взметнулась огненная стена, рев пламени заглушил крики, тошнотворно запахло горелым мясом.

Стужа медленно осознала, что огонь обрушился не на ее товарищей, а на преследующих их шардаханцев. На верхушке Демониума горел голубой огонек. Это Радамантус восстановил силы и пришел им на подмогу! Стена пламени стала опадать на глазах. Стужа облизнула пересохшие губы. Ужасная смерть — сгореть заживо. Пламя оставило широкую полосу выжженной земли, усеянную дымящимися, обугленными останками людей и лошадей.

Эйкус взмахнул посохом, и шондосийцы бросились в атаку. Совместными усилиями воинов и магов Шондо войско Зарад-Крула было обращено в бегство. Это больше походило на бойню. Стужей овладела единственная мысль — убивать, убивать, жестоко и беспощадно. Она не слышала предсмертных криков и размахивала мечом до тех пор, пока совершенно не обессилела. Тогда она отъехала назад, чтобы передохнуть и оглядеться.

Мрачная картина открылась перед ее взором. Воодушевленные шондосийцы дрались как безумные. Израсходовав запас стрел, лучники вынули мечи и присоединились к кавалерии. Копейщики построились в фалангу и принялись методично истреблять шардаханцев. Когда сумки метальщиков опустели, в ход пошли камни с поля, которые не обеспечивали большой точности попадания, но, прочерчивая в темноте яркие полосы, устрасали врага.

Да, шондосийцы умели воевать. Поле было усеяно трупами, воины колдуна полегли, как колосья пшеницы под серпом жнеца.

Послышалось пение, оно становилось все громче и наконец заглушило шум битвы. Мелодия была благозвучной, но почему-то Стужа задрожала, словно от холода. Это был боевой гимн шондосийцев, и его слова рождались прямо сейчас на поле битвы. Они пели о смерти и преисподней, о своих братствах и Старейшинах, они пели о деве-воительнице. Стужа с удивлением поняла, что они поют о ней. Ангел Смерти На Крыльях Ночи — так они называли ее.

Меч задрожал у нее в руке, и с него упало несколько красных капель. Что ждет ее в будущем? Что ей уготовано? Стужа вытерла выступившую на лбу испарину пропитанным кровью рукавом и услышала, как рог Миноса протрубил сигнал к отступлению.

Они вернулись в лагерь, в палатке Старейшин был устроен военный совет.

— Какого черта ты протрубил сбор? — кричал Эйкус. — Мы бы преследовали этих собак до самого Шардаха!

Стужа со скучающим видом смотрела по сторонам, она не хотела вмешиваться, но чувствовала, как в ее сердце закипает гнев, и сжала кулаки. Минос сохранял внешнее спокойствие.

— Мы не мясники, — холодно произнес он, — и если ты хочешь поразвлекаться, отправляйся на скотный двор. Наша главная задача — охранять Врата.

Радамантус устало опустил на табурет.

— Друзья, — он сделал внушительную паузу, — мы должны оставаться возле Демониума. У нас не хватит людей, чтобы охранять Врата и одновременно гоняться за шардаханцами.

— Зарад-Крул не заставит себя долго ждать, и скоро нам понадобятся все воины, — добавил Минос.

Со своего места вскочил Хафид:

— Но если шардаханцы не подойдут ближе, мы застрянем тут, между ними и Демониумом.

Минос нахмурился и покачал головой:

— Шардаханцы всего лишь люди. Наш главный враг — Зарад-Крул и Темные боги. Если мы не одержим верх над ним, победа над его армией ничего не будет значить.

— Меня тошнит от этих разговоров! — Эйкус заходился от гнева. — Где этот проклятый колдун?!

— На кой черт ему нападать на нас? — Стужа не узнала свой голос. — Он может просто посидеть и подождать, пока мы тут все передеремся между собой.

Все замолчали, Минос сложил руки на груди и гордо взглянул на нее. И тут заговорил прежде молчавший Креган.

— Старший брат, — обратился он к Эйкусу, — я бы тоже хотел гнать войско Зарад-Крула до самого Шардаха, но я понимаю, что Минос прав. Колдун не стал вмешиваться, хотя знал, что никакая армия не сможет выстоять против наших Старейшин и магистров, если мы на земле Шондо. Я не знаю, почему он позволил нам разбить его армию, но уверен — у него должна быть для этого серьезная причина.

Справа от Радамантуса на тумбе стояла волшебная чаша с водой, и время от времени Старейшина наклонялся и вглядывался в неподвижную водную поверхность.

— Все бесполезно, — заявил он наконец. — Я ничего не вижу. Темные боги прячут от меня колдуна.

— А может быть, он мертв, потому ты его и не видишь, — фыркнул Эйкус. — Он зашел слишком далеко. Возможно, он не справился с ситуацией и Темные боги уничтожили его.

Стужа даже не попыталась скрыть свое презрение.

— Сколько человеческих жизней ты готов заплатить, чтобы узнать это наверняка? — спросила она у Эйкуса.

Глаза Старейшины вспыхнули недобрым светом, но прежде, чем он ответил, вмешался Радамантус:

— Вне всякого сомнения, Зарад-Крул жив. Хотя я и не вижу колдуна в вещих водах, я чувствую, что он где-то рядом. — Он закрыл глаза, будто прислушиваясь. — Ведь вы Старейшины и тоже способны ощутить его присутствие.

Минос помолчал, потом кивнул. Эйкус с силой толкнул стол, опрокидывая стоявшую на нем посуду и разливая вино.

— Все, что я ощущаю, так это то, что вы идиоты! Бесконечное ожидание размягчило вам мозги! Мы должны сражаться сейчас, пока они еще не успели снова собраться с силами. Надо прогнать их с нашей земли в этот вонючий Шардах и добить прямо под носом у Зарад-Крула!

В палатке стало очень тихо. Все взгляды устремились на разбушевавшегося Старейшину, и многие явно не понимали, что происходит. Радамантус медленно встал и поднял дрожащую руку, указывая на Эйкуса.

— Твоя жажда мести лишила тебя разума! — воскликнул он. — Вспомни, Старейшина, кто ты такой!

Лицо Эйкуса скривилось, словно от боли, и вдруг его щеки залила краска стыда. Он хлопнул Радамантуса по плечу, и у него в глазах появились слезы.

— Я потерял свою семью, друзей... У меня больше нет родного города! Я человек, Радамантус, всего лишь человек!

— Я знаю, — мягко ответил Старейшина Черной Стрелы. — Я знаю, как это больно.

— Нет, — в голосе Миноса звучала сталь, — ты давным-давно отказался от семьи и от родного города, когда стал старейшиной шондосийского братства. Теперь твоя семья — это те, кто следует за тобой под знаменем Серебряной Чаши. Они ждут, что ты поведешь их в бой, но я начинаю сомневаться в твоих способностях полководца.

Стужа никогда не видела Миноса таким сердитым. Что же это такое? Кто-то должен прекратить этот бесконечный спор.

Эйкус разразился потоком ругательств. Хафид, а потом Креган попытались успокоить его, но Старейшина настаивал на том, что необходимо захватить Шардах. Он расстелил на грязном полу карту и стал чертить на ней план захвата. Радамантус терпеливо указывал ему на те или иные недостатки плана, но замечания Миноса были язвительными, и между двумя Старейшинами началась перепалка.

Стужа снова почувствовала, что ее захлестывает гнев. Старейшины кричали на весь лагерь, вряд ли это сплотит воинов. Если они продолжают препираться, между их подчиненными вскоре произойдет раскол. Пора положить этому конец.

Выхватив меч, она воткнула его прямо в центр карты. Старейшины отпрянули и усталились на разгневанную девушку.

— А почему бы вам не решить это с помощью поединка? — вскричала она. — Вот мой меч. Могу кому-нибудь одолжить. Один из вас убьет другого, потом раскается, и тогда двое оставшихся Старейшин со слезами упадут в объятия друг друга, и мы будем наконец избавлены от этой ругани.

Креган, Хафид и Старейшины молча переглядывались. Кажется, ей удалось пристыдить их.

— Зарад-Крулу нужны не ваши драгоценные Врата. — Она похлопала по Книге Последней Битвы. — Вот что ему нужно. Вы выбрали Демониум как место для битвы, потому что здесь у вас больше шансов на победу. Но если я уеду отсюда с Книгой, Зарад-Крул даже не посмотрит на эту грудку камней. Он уже доказал, что ему не нужны никакие Врата для того, чтобы вызвать Темных богов. А что касается ваших дурацких планов... — она наступила на карту ногой, — простите, но я не собираюсь идти в Шардах, и поэтому мне не нужна карта. Да я скорее залезу голая в пчелиный улей, чем стану сражаться с Зарад-Крулом на его земле. Пусть этот проклятый колдун сам идет к нам, а мы будем ждать его здесь с мечами наготове, сытые и довольные. Зачем мне выбиваться из сил, если он будет вынужден приползти ко мне.

Эйкус трясся от бешенства, губы у него дрожали, он сжимал и разжимал кулаки. Он попытался выдержать взгляд Стужи, но не смог. Тогда он ногой отбросил ее меч и, бормоча ругательства, вышел вон.

— Мы не были к этому готовы, — озабоченно сказал Минос.

— Я тоже беспокоюсь за Эйкуса, — отозвался Радамантус.

Стужа со вздохом подобрала свой меч. Она чувствовала себя разбитой и опустошенной, ей захотелось выпить целый кувшин вина, но вместо этого она отправилась к своему костру, чтобы просто немного поспать.

Как всегда, она думала о доме, вспоминала свои последние дни в Эсгарии. Но на этот раз воспоминания не терзали Стужу, у нее просто щемило сердце.

Однако она проснулась вся в слезах. «Кажется, кошмары наконец оставили меня, — подумала Стужа, — но сны, которые я вижу теперь, все равно причиняют боль».

Она потянулась, зевнула и снова улеглась. Она смотрела в небо, но не видела ни звезд, ни луны — ничего, кроме черных туч. Потом она заметила птицу, через некоторое время еще двух. Неожиданно вокруг нее замелькали тени, пронзительные злобные крики разрезали тишину. Крылатые твари Зарад-Крула!

Стужа вскочила, хватаясь за меч. Темные тени кружились у нее над головой, то резко взлетая, то падая камнем. Громко протрубил рог и заглушил их крики, поднимая воинов, которые спешно облачались в доспехи и пристегивали оружие. Спящий лагерь превратился в кипящий котел. Прибежал запыхавшийся Креган.

— Шардаханцы! — объявил он. — Еще одно огромное войско.

— Зарад-Крул?

— Его не видно.

Стужа выругалась и отправилась к коновязи. Креган догнал ее:

— Тебя хочет видеть Радамантус.

— В палатке? — раздраженно спросила она.

— Там. — Креган показал на Демониум. — Он ждет у подножия.

Что может быть нужно от нее старику? Стужа увидела его и окликнула, но он не ответил, а лишь подал знак следовать за ним.

Вместе они поднялись по крутой тропинке, которая вилась спиралью вокруг почти отвесной скалы. Местами тропинка пропадала, оставались только выбоины в камне для рук и ног. Как ни стар был Радамантус, он преодолевал подъем с удивительной легкостью и проворством. А вот Стуже мешали длинный меч и болтающаяся на плече сумка, в которой лежала Книга. К тому моменту, когда они взобрались на вершину, одежда Стужи стала влажной от пота.

Три древних монолита, которые раньше она видела только издалека, теперь неясно вырисовывались перед ней в темноте. Стужа порывисто вздохнула и стала их разглядывать. Невозможно было определить, естественного они происхождения или нет. На каждом были вырезаны какие-то символы и руны, о значении которых она могла только догадываться. У Стужи по спине побежали мурашки. Монолиты располагались так, что вместе образовывали треугольник, и треугольный же плоский камень лежал в центре. Алтарь, не иначе.

— Зачем ты привел меня сюда? — спросила она нетерпеливо. — Мое место внизу, среди воинов.

— Я не спорю. — Радамантус скрестил руки на груди, не сводя с нее глаз. — Многие смотрят на тебя как на спасительницу мира. Думаю, некоторые пошли бы за тобой даже против воли Старейшин. Воины уважают тебя, а кое-кто из молодых братьев чуть ли не боготворит.

Стужа подняла брови. Ей было трудно в это поверить. Шондосийцы необычайно сдержанны.

— Ну и что?

— Твое место внизу, это так. Но Книгу тебе нужно оставить здесь.

Стужа нахмурилась. Старик вскинул руку, словно предупреждая ее возражения:

— Иногда нам открывается будущее. Когда ты появилась в Шондо, мы посмотрели в вешие воды и увидели некоторые события этой войны до того, как Темные боги примут в ней участие. Мы видели схватку на перевале Текаф и недавнюю битву. Конечно, без подробностей, но мы узнали, что тебе не суждено пасть ни в первом, ни во втором сражении, потому мы позволили тебе участвовать в них и не беспокоились о Книге. На самом деле от тебя этого ждали.

— А что изменилось теперь? — Стужа на мгновение задумалась. — Ты хочешь сказать, что я скоро погибну?

Радамантус покачал головой. У него было очень усталое лицо.

— Я не знаю, дитя мое. Картина будущего изменилась. — В его руках появилась волшебная чаша, которую Стужа уже видела однажды, но теперь в ней была трещина, и вода потихоньку вытекала. — Будущее, которое мы видели раньше в Эребусе, теперь не наступит. Во-первых, что-то непонятное творится с Эйкусом, и мы были к этому не готовы. Во-вторых, мы не видели, что шардаханцы нападут на нас сейчас. У них не должно быть таких сил. — Радамантус сложил руки и тут же развел их. Чаша исчезла. — Теперь мы больше не можем предвидеть будущее, появилось много новых факторов, влияющих на настоящее. Мы даже не подозревали, что в битву вступят такие силы. Судьба каждого из нас теперь под вопросом.

— Ты считаешь, что здесь Книга будет в большей безопасности?

— Все шондосийцы поклялись защищать Демониум. Положи Книгу на алтарь. Третью воинов останется внизу у подножия Демониума, а я буду здесь, у самых Врат. — Он ободряюще положил руку Стуже на плечо. — Если колдун попытается завладеть Книгой, ему придется сражаться за каждый свой шаг на пути к ней.

Стужа все еще колебалась, но чувствовала, что поддается на уговоры старика. Ей было нелегко расстаться с Книгой: она слишком долго носила ее с собой и слишком много

вынесла из-за нее. Но наконец она сняла с плеча сумку и протянула Книгу Радамантусу.

Он отступил на шаг и отвел глаза.

— Положи ее на алтарь. Я всего один раз держал ее в руках. Когда ты только приехала в Шондо. Я больше никогда не прикоснусь к ней.

Стужа услышала звуки рога и посмотрела вниз на лагерь. Войско выступало без нее. Она закусила губу. Радамантус молчал. Стужа собралась с духом и шагнула внутрь треугольника из монолитов.

Земля не разверзлась, и небеса не упали. Стужа медленно вытащила Книгу. Какой тяжелой она стала! Стужа чуть было не сунула ее обратно в сумку и не бросилась наутек. Но неожиданно для себя положила ее на алтарь, сделала глубокий вдох и почувствовала внезапное облегчение — состояние, которое она не испытывала уже давно. Кожаную сумку она кинула здесь же, посмотрела на Книгу в последний раз, развернулась и ушла не оглядываясь.

Радамантус стоял на краю скалы и смотрел вниз. Стужа не стала больше тратить время на разговоры и сбегала по тропинке вниз. Ашур нетерпеливо ждал ее. Кто-то, вероятно Креган, привесил к ее седлу новый щит вместо расколовшегося. Повесив его на руку, Стужа быстро взобралась на спину единорога и бросилась догонять войско.

Глава 12

Над Огненным Полем пронесся ураганный ветер, поднимая тучи удушающей пыли. Стужа вцепилась в поводья, чтобы не упасть, и прикрылась щитом от летящих в нее комьев земли и камней.

Внезапно ветер стих, и тогда грянул гром и ударила молния. Яркая вспышка прорезала темное небо, и земля окрасилась в кровавый цвет. И вдруг на большой валун на краю поля, как удары молота, посыпались молнии, похожие на дымящиеся змеиные языки. Там, где несколько мгновений назад был обычный валун, стояло каменное чудовище, напоминающее громадного скорпиона, только с шестью ногами.

Оцепенев от ужаса, Стужа разглядывала его клешни, три ядовитых жала, жадно раскрытую темную пасть и не могла оторвать от него глаз.

Молнии вычерчивали в ночном небе огненные зигзаги. Каменный скорпион задрожал, словно в него влилась таинственная сила, и тут угрожающе зашевелились клешни, пришли в Движение ядовитые хвосты, то закручиваясь и складываясь у него на спине, то снова распрямляясь. Они запросто могли проткнуть насквозь воина в латах. Открылись два глаза, в которых засветилась неземная злоба, и уставились на шондосийцев.

В наступившей тишине раздался громовой смех Зарад-Крула, который появился словно из воздуха. Стужа вспомнила миф о том, как космос был создан из музыки, а теперь она стала свидетельницей того, как в безумном смехе могущественного колдуна рождаются его

Темные союзники.

Креган порывисто вздохнул:

— Нугарил.

А потом завеса ночи колыхнулась, и тьма сгустилась, повеяло ледяным холодом. На противоположном от Нугарила краю поля появился еще один Темный бог — рожденный из ночной тьмы гигантский воин, призрачный и бесплотный.

— Ментес? — прокричала Стужа.

Креган лишь кивнул.

Смех колдуна стал оглушительным, и Стужа утратила остатки мужества. Если бы не присутствие ее друзей, она бы бросилась наутек. Она смотрела на Темных богов, Зарад-Крула и его многочисленное войско и уже приготовилась к смерти.

Со страшным криком Эйкус вонзил шпоры в бока своего коня и поскакал через поле к шардаханцу. Наступила тишина. Шондосийские воины смотрели на Миноса в ожидании приказа наступать, но Старейшина, сурово сверкнув глазами, распорядился всем оставаться на местах.

Неожиданно для себя Стужа вдруг пришла в ярость и выхватила из ножен меч. «Да и черт с вами, — подумала она. — Лучше погибнуть вместе с этим безумцем Эйкусом, чем ждать смерти с целой армией трусов». Но Минос преградил ей путь, а Креган поймал ее за руку.

— Стой, — приказал ей Старейшина. — Я не давал команды атаковать.

Она сердито посмотрела на старика.

— Он сам решил сразиться с врагом один на один, — прошептал Креган, и в глубине его темных глаз Стужа заметила печаль. — Мы видели в магическом кристалле, как он бьется с колдуном, пока Радамантус еще мог предсказывать будущее. Только вот исход поединка неизвестен. Если он одолеет Зарад-Крула, то мы выиграем сражение. Если нет... — Его голос дрогнул.

Стужа вложила в ножны меч, но Креган все равно не выпускал ее руку.

Не доезжая всего несколько шагов до колдуна, Эйкус спрыгнул с коня. Оставшись без седока, испуганное животное кинулось прочь, высекая искры из горящих камней. Старейшина Серебряной Чаши достал висящий у него на спине посох.

Зарад-Крул снова разразился смехом, и в его руке, словно осколок ночи, появилось копьё, которое колдун метнул в Эйкуса. Оно едва не вонзилось ему прямо в сердце, но Старейшина не стал уворачиваться. В последнюю секунду его посох будто сам собой отбил колдовское копьё. В этот миг шондосиец выкрикнул какое-то заклинание.

Из бесплодной земли, как змеи, выползли бурые перекрученные корни, заключая шардаханца в удушающие объятия. Посох дважды стукнулся оземь — и земля у Зарад-Крула под ногами превратилась в трясину, которая стала засасывать колдуна, а корни продолжали сдавливать его тело. Но ему удалось высвободить руки, он взмахнул ими. По трясине пробежала рябь, раздался хлопок, и земля снова стала твердой. Колдун вытянул шею и плюнул на корни, которые сразу же засохли. Он повел плечами и освободился от хрупких остатков.

Их битва походила на борьбу стихий. Неистовый ветер, вода и огонь, ледяной холод и палящий зной. Две крылатые твари Зарад-Крула с пронзительным криком упали с неба на его врага, но в них сами собой полетели камни с поля, защищая шондосийца.

Стужа зачарованно следила за поединком, радуясь вместе с другими воинами всякий раз, когда перевес оказывался на стороне Эйкуса, но ликующие крики шондосийцев еще не успевали умолкнуть, как колдун снова одолевал своего противника. Она отметила, что Зарад-Крул больше не тратил сил на смех, приберегая их для поединка.

Земля дрожала, на ней появились глубокие трещины, словно раны, в воздухе висели тучи пыли. Яркие вспышки озаряли тьму. А потом, будто по какому-то негласному договору, противники застыли как вкопанные, и все стихло. Их полные ненависти глаза встретились.

Стужа стиснула руку Крегана:

— Что происходит?

— Волевой поединок. — Он не мог отвести глаз от происходящего.

— У нас есть возможность узнать, какая страсть главенствует над человеческим духом. Жажда власти или жажда мести, — хладнокровно прокомментировал Минос.

Стужа уставилась на него:

— У тебя нет сердца! Это же твой друг!

Он холодно посмотрел на нее:

— Да, он мой друг. И не тебе судить меня, не тебе.

И только сейчас она заметила в его глазах затаенную боль. Он беспокоился за друга. Он боялся за брата. И она торопливо принесла ему свои извинения.

Тянулись бесконечные минуты. Но Эйкус и Зарад-Крул не выказывали никаких признаков усталости. Повисшая над полем тишина была плотнее, чем темные тучи. Люди не дыша следили за поединком, не слышалось ни лязганья оружия, ни скрипа доспехов. Даже лошади замерли.

И вдруг Зарад-Крул дернулся. Брови его еле заметно изогнулись. Он поднес руку к виску, его лицо свело судорогой боли, колени его подогнулись, и он с воплем рухнул на землю. Радостные крики шондосийцев разнеслись по равнине.

Эйкус занес над врагом меч.

И тут торжествующие возгласы превратились в вопли ярости, потому что к шондосийцам стремительно кинулся Нугарил на своих шести каменных ногах. Стужа тоже хотела закричать, но не смогла произнести ни звука. Застыв, она смотрела, как Темный бог подцепил Эйкуса одним когтем, обхватил его своими клешнями и стал сжимать до тех пор, пока не брызнула кровь. Потом он небрежно кинул безжизненное тело себе в пасть и проглотил его.

Никакие приказы Миноса не могли удержать шондосийцев.

Стужа направила своего скакуна прямо к Зарад-Крулу. Она жаждала его крови, все остальное было не важно.

Но как они ни спешили, увы, им не удалось расправиться с колдуном, потому что Нугарил поднял его и перенес на крутой скалистый утес, где тот был в безопасности.

Шондосийцы взревели и в ответ услышали вой — это шардаханская армия пошла в атаку.

Они встретились с оглушительным грохотом, не соблюдая строя, не слушая команд. Это была схватка, в которой людьми руководила только необузданная жестокость. Лязг стали, свист стрел, жалобное ржание, предсмертные хрипы слились в однородный шум — жуткую музыку боя, которая могла свести с ума кого угодно. И Стужа как безумная носилась по полю битвы, неожиданно возникая то здесь, то там. Она сшибалась с конными воинами, свешивалась из седла, чтобы одним махом выпустить кишки пешим шардаханцам, которые попадали в ее поле зрения. Меч пел у нее в руках, она рубила и кромсала, словно не знающая жалости машина для убийства.

И вдруг ее внимание привлекла ярко-голубая вспышка, потом еще несколько. Она быстро огляделась и с радостью отметила, что шондосийцы применили более мощное оружие, чем сталь, — посохи Старейшин и магистров. И те шардаханцы, кого коснулось голубое пламя, с громкими воплями падали замертво без всяких видимых повреждений. Но потом им на помощь пришел тот, кто был создан из ночной тьмы. Ментес. Стужа подняла глаза и вскрикнула, но никто не услышал ее в шуме битвы. В правой руке бога возникло копьё, подобное тому, что Зарад-Крул метнул в Эйкуса, но куда более устрашающее на вид. Ментес пригвоздил шондосийского воина к земле, и в его огромной руке тут же появилось еще одно копьё. Он метал копьё одно за другим, и ни один щит не мог спасти от его смертоносного оружия.

Но и Нугарил не дал забыть о себе. Когда Зарад-Крул оказался в безопасности, Нугарил бросился в гущу битвы. Он сновал среди шондосийцев, словно огромное насекомое, давил воинов своими клешнями и проглатывал их, набивая свою ненасытную утробу. Но что было

еще хуже, так это его проклятые жала. Он размахивал ими как бичами, и с них капал яд, от которого тела людей раздувались, приобретая отвратительный зеленый цвет еще до того, как жало, пройдя насквозь, выходило наружу.

Стужа застонала, словно от боли, глядя, как Нугарил и Ментес шагают сквозь ряды ее товарищей. Боги второго порядка — так назвал их Креган. Ни сталь, ни магия на них не действовали. Страх, словно холод, пробирал ее до костей, когда она видела, как ее товарищи гибнут, будто овцы на бойне, будучи не в силах противостоять непобедимому врагу. И шардаханцы воодушевлялись все больше.

Кто-то ударил по ее щиту. Стужа тут же ткнула острием меча в прорезь для глаз в шлеме нападающего. Она убивала десятерых, но прежде, чем она успевала перевести дух, на месте убитых врагов возникало сто новых.

Армию Шондо теснили все больше. Воины бились храбро, но против них был не обычный противник, а Крилары, которых больше всего боялись шардаханцы, не могли пустить в ход магию, поскольку использование заклинаний требовало времени на их подготовку.

Где же Радамантус? Когда он задействует хваленую мощь Демониума?

Стужа стиснула челюсти. Необходимо было снова сплотить шондосийцев, чтобы они могли хотя бы отступить в боевом порядке. Оставалось только одно средство. С диким криком она отшвырнула щит, разбив лицо какому-то шардаханцу, и вынула из ножен Жало Демона.

Она перерезала горло оказавшемуся поблизости вражескому воину и, не дав дьявольскому клинку напиться крови, подняла его над головой. Он задрожал у нее в руке и с леденящим душу воплем жадно кинулся на окруживших Стужу врагов, чтобы утолить свою жажду. Шардаханцы в страхе попятились.

— Вперед! — закричала Стужа и снова повела своих товарищей в бой. — Покажите им, на что мы способны!

Внезапно на нее упала чья-то тень, и она ощутила холод. Ашур бешено заржал, и его глаза зажглись ярким огнем. Это был Нугарил. Единорог встал на дыбы и попытался проткнуть его рогом, но безуспешно. Стужа едва удержалась в седле. Нугарил занес свою клешню, и она не задумываясь ударила по ней кинжалом.

Жало Демона взвыл, и потом взревел от боли Нугарил. Черная зловонная слизь потекла из раны и, попадая на землю, оставляла на ней выжженные пятна.

Стужа застыла на месте и с изумлением смотрела на Нугарила, не веря своим глазам. Она ранила бога!

Наконец все шондосийцы осознали это и разразились торжествующими криками. Они выкрикивали ее имя, около десятка смельчаков на скаку запрыгнули на спину богу-скорпиону, но топоры и мечи ломались о его твердую шкуру. На бесстрашных воинов обрушились жала и клешни, но на месте каждого павшего возникал другой.

Стужа вновь и вновь кидалась на Темного союзника Зарад-Крула. Жало Демона вопил от восторга. Нугарил попытался было проткнуть ее своим жалом, но единорог проворно отскочил в сторону. Из многочисленных ран чудовища сочилась зловонная слизь. Стужа не сводила глаз с его клешней.

— Назад! — крикнул ей Креган.

Она не стала ждать объяснений. Земля задрожала. Стужа ударила бога-скорпиона еще раз, чтобы заставить Жало Демона замолчать, и засунула кинжал обратно в ножны. Развернув единорога, она так пришпорила его, что уже через несколько мгновений была далеко от Нугарила. Рядом остановился Креган.

Земля с грохотом сотрясалась все сильнее, и вдруг равнина раскололась надвое. Испуганные лошади скидывали седоков и уносились прочь. Люди не могли удержаться на ногах и падали как подкошенные. А потом из огромной трещины снова выползли два чудовищных червя и устремились к Нугарилу.

Он бросился на них, но его ядовитые жала были бесполезны, а когда ему удалось

клешней разрезать одного червя пополам, обе половинки стали нападать на него независимо друг от друга. У него не было шансов победить в этой схватке.

— Он долго заставил себя ждать, — сказала Стужа, глядя на верхушку Демониума.

— Чтобы прийти к нам на подмогу, Радамантус наверняка выбрал самый удобный момент, и никто не знает, какими соображениями он при этом руководствовался. — Креган вдруг снова повеселел. Он наклонился к Стуже и поцеловал ее в щеку. — А кроме того, если бы он вступил в бой раньше, Нугарил не познакомился бы с твоим волшебным клинком. — Он притворно ужаснулся: — Нападать на бога с одним крошечным кинжальчиком!

Их прервал каком-то шум. Они уже слышали его прежде — хлопанье тысяч крыльев и пронзительные крики слуг Зарад-Крула.

Снова бушевала битва. Сталь против стали, колдовство против колдовства. Люди, боги, летучие твари, бабочки, черви — все перемешалось. Стужа наблюдала за всем этим с безопасного расстояния. Ей необходимо было перевести дух и дать отдых усталой руке. Внезапно она почувствовала сильный удар, кто-то разрубил ей доспех на ноге. Она даже не обратила внимание на боль и на то, что в сапоге у нее вдруг стало мокро. Одним ударом меча она оглушила нападавшего, а вторым раскроила череп. Ей понадобилась вся ее сила, чтобы высвободить меч.

Стужа огляделась, намечая свою следующую жертву, и тут длинное эсгарийское ругательство слетело с ее губ. По полю скакала Натира, о которой в пылу схватки все забыли. Под ней был конь Эйкуса, ее легкие белые одежды развевались, похожие на крылья ангела. Странно, но ни один меч не коснулся ее, ни один воин не преградил ей путь. С улыбкой она скакала прямо к Стуже, и глаза ее были прикованы к Жалу Демона. Стужа пришла в бешенство, но ни проклятия, ни угрозы не подействовали на немую девушку, она не желала покидать поле битвы. А Стужа не могла тратить на нее время. К ней неслись два вражеских воина. Она пришпорила единорога и вмиг оказалась между ними. Отпихнув одного так, что тот вывалился из седла, она одним махом разрубила второго надвое и повернулась к первому. Он так и не увидел того, кто нанес удар. Когда он рухнул на землю, он был уже мертв.

Позади стояла Натира.

Стужа хмуро смотрела на девушку, ее обуревали противоречивые чувства — раздражение и восхищение.

— Когда я найду того, кто должен за тобой следить, я ему так... — Она не закончила. Из ее груди вырвался крик, потому что неожиданно Натире прямо в сердце вонзилась стрела.

Но немая девушка не издала ни звука, даже не ахнула от боли. Тонкие пальцы коснулись стрелы, словно определяя ее длину, затем смяли оперение, потрогали метку, поставленную мастером. А потом Натира резко выдернула стрелу из тела. И при этом улыбка не сходила с ее лица.

Стужа от удивления раскрыла рот и едва не выронила меч. Ни раны, ни крови. Выстрел был метким. Она слышала характерный звук, когда стрела вошла ей в сердце. Но Натира была жива и невредима.

Прежде чем Стужа нашла, что сказать, она услышала свист и отразила удар боевого топора. Она выпустила нападающему кишки и повернулась к другому, совершенно забыв о Натире.

И вдруг ее прошиб холодный пот. Она узнала того, кто напал на нее, и не поверила своим глазам. Но факт был налицо. Рана у него на боку все еще кровоточила, Стужа разделалась с ним незадолго до этого. Тогда она во второй раз прикончила его, воткнув клинок ему прямо в сердце. Он с легким вздохом повалился на землю. И только тогда в ее душу закралось страшное подозрение. Она стремительно поскакала прочь, чтобы занять более удобную позицию и оглядеться, забыв о Натире, которая скакала за ней.

Теперь Стужа знала, что стало с телами шардаханцев, оставшихся разлагаться после первого сражения, и поняла, почему старейшины не уловили приближения к Шондо второй армии.

Стужа окинула взглядом поле битвы, разыскивая Ментеса. Темный бог больше не тратил свои силы на метание колдовских копий. То, чем он был занят теперь, было куда страшнее. От его растопыренных пальцев исходили темные волны, и, купаясь в них, трупы шардаханцев снова поднимались. Из их ран все еще текла кровь, но они возвращались в бой.

Значит, первая армия восстала из мертвых, чтобы биться, умереть и снова воскреснуть.

Стужа глубоко вздохнула, она была на грани отчаяния. Натира прикоснулась к ее плечу, показывая куда-то рукой. К ним спешил Креган. Из раны на голове, которую было не видно под шлемом, текла кровь и заливала ему глаза. Креган осадил коня.

— Смотрите!

К западу от Огненного Поля появилось какое-то яркое свечение.

— Я поскачу туда и получше рассмотрю. Если моя догадка верна, мы проиграли войну.

Это был призрак. Хотя он и не приближался, Стужа начала различать его очертания.

— Проклятье, я ничего не вижу, — вскричал Креган, размазывая тонкую красную струйку по лицу.

В его голосе послышался страх. Чтобы как-то подбодрить его, Стужа сжала ему руку и стала описывать то, что видит.

Четверка золотых коней. Да нет, это были не кони, а какое-то чудовищное подобие коней. У них были острые зубы, которые, изгибаясь, торчали из пастей. Гривы у них были твердыми как сталь и острыми как бритвы. На месте хвоста у каждого извивались змеи. Копыта были раздвоены, кони выпускали из ноздрей струи раскаленного белого пламени.

Позади ослепительно сияла колесница, вырезанная из огненного опала невероятных размеров. Ее украшали белые черепа, и в их глазницы были вделаны драгоценные камни. Огромные тяжелые колеса были окованы железом, утыканы гвоздями и шипами. А на колеснице стоял некто в развевающемся черном плаще. Капюшон скрывал его лицо, даже рук не было видно, и вожжи исчезали в пустых рукавах.

— Вот дьявол, это что еще такое? — Стужа посмотрела на Крегана.

Она никогда не видела своего друга таким бледным. В этой войне, полной странных, просто невероятных вещей, она изо всех сил старалась не терять мужество, однако реакция Крегана потрясла ее до глубины души.

— А почему я вижу его так отчетливо, если он настолько далеко отсюда?

— Он и далеко, и близко, — загадочно отвечал шондосиец. — Он еще не до конца материализовался здесь, на земле. Мы видим его как будто в окне, в то время как он передвигается сквозь измерения, покрывая огромные расстояния. Ты видишь его изображение, а не его самого. Хотя это всего лишь вопрос времени. Скоро он будет здесь.

Стужа моргала, ничего не понимая.

— Шаммурон, — объяснил Креган. — Не какой-то там бог второго порядка вроде Нугарила или Ментеса, а один из Ралдоров, трех богов Тьмы, которые тайком подталкивают чаши Весов Жизни и Смерти, стоит отвернуться Судьбе. Мы и представить себе не могли, что Зарад-Крул обладает такой силой и может вызвать его. Против этих двух второстепенных богов мы еще могли выстоять. Шаммурон не оставит нам шансов.

Кто-то подергал Стужу за рукав. Она обернулась и встретила взглядом с Натирой. Что-то было такое в бездонных голубых озерах глаз Натир, что придало Стуже сил, и у нее появилась слабая надежда. Стужа импульсивно сжала тонкую руку Натир, удивляясь тому, что могла бояться такой нежной девушки.

Шаммурон был виден уже в мельчайших деталях, однако Стужа не заметила, чтобы он приблизился к Демониуму.

— Итак, он еще не завершил переход, и если мы одолеем Зарад-Крула прежде, чем Шаммурон появится здесь, окно закроется, ведь так? — спросила Стужа.

— У нас нет времени! — Креган хлопнул себя по израненной ноге. — Мы не можем добраться до Зарад-Крула. Мы едва сдерживаем его армию на подступах к Вратам.

— Но, может, есть все-таки способ добраться до него? А что если мы пустим в ход вот это? — Стужа похлопала по кинжалу в ножнах у нее на бедре.

— Если Жало Демона способен ранить бога, возможно, он справится и с замком на переплете Книги Последней Битвы.

— Мы уже пытались сорвать замок, — возразил Креган.

— Но мы не пытались открыть Книгу с помощью Жала Демона.

В глазах Крегана вспыхнула надежда.

— Заклинания на ее страницах могли бы помочь нам выстоять даже против Шаммурона и победить.

Неожиданно рядом с ними во вспышке ослепительного света появился Незнакомец из Итай Калана.

— Взгляните, что делает Радамантус, — сказал он и исчез, приводя Стужу и Крегана в замешательство.

Стужа повернулась, чтобы посмотреть на вершину Демониума, и увидела древние монолиты, освещенные ярким пламенем.

— Книга!

Стужа кинулась через поле, проклиная минуту, когда она согласилась оставить Книгу там. Она слышала за спиной стук копыт, значит, Креган и Натира скачут следом, однако Стужа вырвалась вперед, яростно подгоняя Ашура.

Она въехала прямо в лагерь, поднимая пепел потухших костров и раскидывая всевозможную утварь. Она еще не знала, что ожидало ее там. Все, кто был в лагере, примерно треть шондосийского войска, лежали мертвые.

Стужа спрыгнула со спины Ашура и, охваченная ужасом, кинулась к Демониуму, молясь всем своим богам. Казалось, прошла целая вечность, пока она взбиралась по крутому склону, но наконец перебралась через край верхней площадки. Ее меч со свистом вылетел из ножен.

Радамантус и Зарад-Крул стояли друг против друга. Стужа не могла себе представить, как колдуну удалось пробраться к Демониуму незамеченным. Он сверкнул единственным глазом.

— Ты! — выпалил он. — Ведьма! Я искал тебя на поле битвы, но не мог найти. Я вижу, что твоя аура изменилась, но теперь это неважно. Умри! — вскричал он.

Зарад-Крул повел рукой, и в ней появилось черное копьё, которое он метнул в Стужу.

Старейшина взмахнул посохом и отразил летящее оружие. Но даже завидное проворство и ловкость Радамантуса не помогли ему отразить второе копьё.

Но прежде, чем Стужа успела пошевелиться, перед ней, словно живой щит, оказалась Натира. Стужа даже не заметила, когда та появилась на вершине. С отвратительным хрустом копьё вошло Натире в грудь, и она упала на землю.

Дева-воительница, затаив дыхание, ждала и надеялась. И не зря. Натира поднялась на ноги и вытащила копьё из груди, словно это была какая-то заноза, отшвырнула, и оно рассыпалось в пыль.

Зарад-Крул выпучил глаза. Да и Радамантус был поражен ничуть не меньше. Креган, который забрался наверх сразу вслед за Натирой, бросился к ней.

Но Стужа не стала упускать удобный момент. Она подскочила к колдуну, заноса над ним меч. «Пора положить конец этой безумной войне», — подумала она.

Невероятно, но Зарад-Крулу как-то удалось увернуться от удара, он упал, однако Стужа не дала ему подняться. Он катался по земле, и острые камни царапали его золотистую кожу, а она все пыталась вонзить в него меч. Но, похоже, Стужа забыла все приемы боя, наверное, потому, что ее захватила лишь одна мысль — убить. Неважно как, главное — убить.

Наконец колдун ухитрился бросить ей в лицо пригоршню земли. Стужа споткнулась и остановилась, бормоча ругательства и протирая глаза.

— Вас слишком много! — Зарад-Крул медленно поднялся на ноги. Его лицо было искажено от боли, из ран текла кровь. — Ну ничего, сейчас появится тот, кто разделается с вами!

Уголки его губ вздернулись в издевательской улыбке. Он хлопнул в ладоши, и с неба

упали две летучие твари, схватили его за плечи и унесли в ночь.

Радамантус без сил рухнул на камни. Стужа подбежала к нему. Его колотило как в лихорадке, липкий пот тек по пепельно-серому лицу.

Он ведь самый старый из Старейшин. Сколько же ему пришлось вынести в этой битве!

Слабая старческая рука слегка сжала ее плечо, будто Старейшина просил о помощи. А потом его усталые глаза закрылись, он забылся сном.

И вдруг невероятной силы толчок потряс Демониум до самого основания.

— Шаммурон!

Стужа сделала отчаянную попытку разбудить Старейшину Черной Стрелы, но это было невозможно. Ее окликнул Креган. Они вместе подбежали к обрыву и в ужасе стали смотреть, как приближается один из Ралдоров. Он вытянул руку, и край обрыва у них под ногами начал осыпаться, Демониум тряхнуло еще раз.

— Он уже здесь! — прокричал шондосиец. — Видишь, как дробятся камни под его колесами? Он пришел за Книгой Последней Битвы.

И он пришел не один. Радамантус перестал управлять гигантскими червями, и они уползли обратно в недра земли, и Ментес с Нугарилем теперь могли переключиться на Священные Врата.

— А теперь, клянусь именами этих богов, мы дадим им бой!

Стужа была полна решимости, она нашла Книгу там же, где и оставила, и попыталась поднять ее с каменного алтаря. Но сейчас Книга стала невероятно тяжелой и такой горячей, что обжигала пальцы. Делать нечего. Напрягаясь изо всех сил, Стужа подняла Книгу, прижала ее к груди и подошла с ней к обрыву.

Креган тоже не терял времени. Своим посохом он быстро начертил на земле какой-то магический символ и стал произносить заклинание. Его голос звучал все громче. Рисунок на земле начал светиться.

Стуже некогда было ждать, когда он закончит. Шаммурон, Нугарил и Ментес подошли уже слишком близко. Книга была их единственным спасением. Стужа потрогала таинственный замок и скобы, оковывающие переплет. Там, внутри, заключена сила, способная отразить зло, способная спасти этот мир. Необходимо было сорвать замок или же сломать скобы, но сталь и магия оказались бессильны. Лишь одно оружие могло справиться с этим. Рука Стужи сжала рукоять Жала Демона.

Раздался знакомый пронзительный вопль кинжала, и Креган на мгновение запнулся, но тут же снова сосредоточился на заклинании. И вдруг страшно закричала Стужа.

Она слишком поздно осознала, что совершила ошибку. Кинжал дрожал и извивался у нее в руках, но рядом не было ни одного врага. Как утолить жажду дьявольского клинка? Стремясь сорвать оковы с Книги, Стужа совсем забыла о его кровожадной природе. В ужасе она смотрела на Крегана, на Натиру, на спящего Радамантуса. Крик Жала Демона становился все более настойчивым.

Жало Демона требовал жертвоприношения. И кого-то из ее друзей придется отдать на заклятие. Но кого? Невозможно было сделать выбор.

У Стужи внезапно появилось ощущение, будто кто-то залез ей в голову и щупает мозг. Она попыталась сопротивляться, но почувствовала, что ее мысли потекли в каком-то странном направлении, словно они принадлежали кому-то другому... Зарезаться, удавиться, броситься вниз... Нет, нет! Но чудовища из ее кошмаров накинудись на нее, прижали к земле, стали швырять как игрушку, и она знала, что остается только одно — самоубийство.

Смерть, этот прекрасный юноша, уже открыл ей объятия. Призраки родителей манили ее. Орголио, тюремщик, истерически хохотал. Она зажмурилась, но призраки не исчезли.

Острые кинжала медленно повернулось, целясь ей прямо в сердце.

И вдруг кто-то схватил ее за руки. Борясь с чарами Жала Демона, Стужа с усилием открыла глаза. Это была Натира. С неожиданной силой девушка развернула кинжал к себе, а потом с улыбкой приставила дьявольский клинок к своей груди и отпустила его.

Сладострастный вздох сорвался с губ Натиры. Хлынула ярко-красная кровь, по при этом из груди девушки брызнули искры. Стужа застыла не месте. Кинжал умолк, и она ждала, что Натира сейчас закричит его криком. Но девушка не издала ни звука. Взметнулись легкие одежды, и она опустилась на землю.

Стужа бросилась к Натире. Несчастная была еще жива, но ее глаза уже начали стекленеть. Креган опустился перед ней на колени, обнял ее и стал молча укачивать, словно укладывал спать ребенка. Слезы ручьем потекли у Стужи по щекам, пальцы у нее разжались, Книга упала на землю, и никто не обратил на это внимания.

Натира подняла слабую руку, подзывая ее.

Стужа метнулась было к ней, но острое чувство вины заставило ее остановиться. Натира умоляюще смотрела на нее затухающим взором. Стужа подошла к ней и опустилась на землю.

— Прости... меня! — едва смогла вымолвить она.

Но Натира приложила палец к губам, а потом нежно прикоснулась к ее лицу. Другой рукой она вынула из сердца кинжал.

Блеснул клинок. И вдруг острая боль пронзила руку Стужи. Она ошеломленно смотрела на кровоточащий порез, оставленный кинжалом, и не могла пошевелиться.

Из последних сил умирающая взяла Стужу за руку и прижала ее ладонь к ране у себя на груди. Легкое покалывание поднялось у Стужи по руке, и она попыталась высвободить ее, но Натира держала Стужу с какой-то нечеловеческой силой. Стужа смотрела в улыбающееся лицо, в лазурные глаза, пока сердце Натиры не стукнуло в последний раз.

В горле у Стужи застрял крик, теплое покалывание в руке стало горячим, жар растекся по всему телу, обжигая ее, проникая прямо в сердце. Казалось, по жилам бежит расплавленное железо, кипящей кровью наливались глаза, внутренности жгло огнем. На мгновение Стуже почудилось, будто ее тело расширяется, а вместе с тем она почувствовала, что ее знания и способности становятся безграничными.

А потом Стужа ощутила полное спокойствие. Она снова посмотрела на порез у себя на ладони. Он уже затянулся и напомнил ей улыбку Натиры. Стужа закусил губу, она ждала того, что должно было свершиться, но не боялась этого.

Это произошло внезапно и неожиданно, как удар. словно в ее сердце родилась музыка. Симфония абсолютной силы. Теперь она знала, кто была Натира, и понимала необычайную ценность ее последнего дара. Стужа поднялась и окинула взглядом Огненное Поле. Она видела все, несмотря на расстояние и тьму. Она видела битву со всех сторон ясно и отчетливо — глазами всех ее участников.

Темные боги были уже совсем близко к Демониуму. Но внутри у нее звучала музыка. Она спокойно смотрела на Шаммуруна, ужасного Ралдора. Камни под его грохочущей колесницей взрывались фонтанами искр, кроша колеса.

Ее плащ и спутанные волосы развевались на ветру, который вызвала она сама. Безжалостно и беспощадно Стужа бросила в бой ту музыку, что гремела в ней, ударила ею со всей своей ставшей нечеловеческой силой. Враги дрогнули, но продолжали наступать.

Но вдруг к ней подскочил Креган, схватил ее за плечи и яростно затряс. Очень легко было прочесть в его сердце страх, волнение и любовь. Любовь к ней.

Он думает, я сошла с ума. Он не видит той перемены, что произошла во мне. А у меня нет времени на объяснения. Темные боги уже рядом.

Стужа отстранила его немим приказом. Дар Натиры опьянял ее. Ей стало подвластно почти все. Это не походило на колдовство, силы были словно продолжением ее мысли, и пользоваться ими было столь же легко, как руками и ногами. Она легко обнаружила те чары, что наложила на нее мать. Удалить их казалось совсем несложно, и она снова могла вернуть себе колдовские способности. Теперь она знала, как задействовать всю мощь Демониума.

И Стужа снова ударила, всеми силами, которые были теперь в ее распоряжении. Поднялся неистовый ветер, хлынул ливень, и Шаммурон остановился. Нугарил выпустил когти и вцепился в землю. Ментес корчился под градом молний, разрушавших его форму.

И все же они были богами. Один из Ралдоров снова двинулся к Демониуму. Ливень прекратился. Цепляясь за землю клешнями, Нугарил продвигался вперед. Ментес окутал молнии черными тучами. Над равниной прогремел отвратительный смех Зарад-Крула.

Теперь Стужа обладала истинным зрением, и никакие чары не могли скрыть истинного облика владыки Шардаха. Исчез стройный юноша с золотистой кожей и прекрасным лицом. Зарад-Крул был безобразным стариком. Он ухмылялся безгубым ртом, и Стужа видела гнилые зубы. Единственный глаз светился безумием. Лицо было покрыто коростой. В злобном веселье он хлопал в ладоши и приплясывал.

Стужа не остановила Темных богов, но она все же могла помочь своим друзьям справиться со слугами колдуна, которые были простыми смертными. Музыка, льющаяся из ее сердца, грянула так, что на правом фланге шондосийцев треснула земля. Будто невидимая рука собрала отчаянно вопящих шардаханцев и швырнула их в зияющую бездну. Лишь немногие избежали этой участи и спаслись бегством, моля своего хозяина о защите. Стужа посмотрела на них холодным взглядом — и их тела взорвались фонтанами яркого пламени. Дым и вонь окутали колдуна, и он согнулся пополам в приступе кашля.

Что же ты не смеешься теперь, сморчок? Смейся! А я посмеюсь над твоими жалкими мечтами. И знай, что я запросто могу расправиться с тобой, и тогда ты умрешь в муках.

Она переключилась на крылатых тварей и бабочек и увидела, что на самом деле это уродливые демоны. Взрываясь и горя, они падали на землю, словно крошечные звезды. Она опять перевела взгляд на Темных богов, они уже добрались до лагеря шондосийцев и приближались к Демониуму, круша все на своем пути.

И вдруг она снова почувствовала, будто кто-то коснулся мозга, а потом резко в голову ворвались чужие мысли. Она покачнулась, как от удара, такой силы было вмешательство, и ее пригнуло к земле.

Зачем... тебе... пугать жалкого смертного? Он совершенно выжил из ума, забудь о нем... Мы пришли за Книгой... и за тобой.

Стужа постепенно осмыслила послание Шаммуруна.

А теперь подойди ко мне... Думаешь, унаследовав силу богини, ты стала ею сама?

Книга Последней Битвы по-прежнему лежала у ног Натиры. Стужа повела рукой — древний фолиант задрожал, поднялся в воздух и подлетел к ней, опускаясь на раскрытую ладонь. Жало Демона, который погибшая девушка все еще сжимала в руке, издал протяжный жадный вопль.

Замолчи, — велела ему Стужа, и кинжал выполнил ее приказ. Она поманила его пальцем, и через мгновение он был у нее в руке.

Приложив клинок к замку на Книге, Стужа слегка надавила, и сверкающее лезвие прошло сквозь металл, как сквозь масло. Руны начали неярко светиться, и Книга открылась сама собой.

Замелькали страницы. Стужа постигала тайные знания, лишь проглядывая страницы, она словно впитывала их. Когда Книга закрылась, замок снова был цел, будто лезвие кинжала никогда не касалось его. Но это было не важно. Стужа запомнила все.

Она стала выкрикивать слова на незнакомом языке, и вокруг нее закружился вихрь, который быстро разрастался и начал засасывать песок и камни. Пот градом катился у нее по лбу, заливая глаза.

Воины по всей равнине попадали с ног. Зарад-Крул свалился со скалы. Даже Темные боги, которые были уже у самой вершины Демониума, скатились обратно к подножию.

Стужа почувствовала, как у нее подогнулись колени, и повалилась на землю. Вихрь, словно высасывая из нее энергию, разрастался, но этого было мало. Она собрала последние силы и выплеснула их. Ветер над равниной стих. Сначала вихрь словно сжался, а затем сдвинулся в сторону и втиснулся между монолитами, устремляясь вверх, до невиданных высот, черпая энергию из Врат, с тем чтобы отворить их. Стужа слишком ослабела и была не в силах подняться, ей оставалось только молиться, чтобы проход через измерения открылся.

А потом из вихря, ослепительно сверкая, вылетело прекрасное создание на

белоснежных крыльях. Пока оно парило над равниной, Стужа подползла к краю обрыва.

Ментес молча поднял руку, и от нее пошла волна тьмы. Человек-лебедь с легкостью обогнул ее, на его пальцах сверкнуло искрящееся золотое пламя. Ментес взревел от боли.

Странные создания стали появляться из вихря одно за другим и накинулись на Темных богов. На той земле, где недавно сражались и гибли люди, возобновилась вечная битва бессмертных богов.

Вихрь улегся. Стужа услышала голоса, кто-то поднимался по тропинке. К ней спешили Хафид и несколько его товарищей. На их лицах застыло выражение ужаса, они то и дело озирались.

— Во имя Гата, — сдавленным шепотом проговорил Хафид, — что это за существа?

— Повелители Света, — ответила она.

— Боги против богов. — Хафид суеверно обмахнулся. — Значит, это действительно Последняя Битва?

Она ничего ему не ответила.

— Но это не бог, — проговорил воин, имени которого Стужа не помнила, и указал куда-то пальцем.

Вскочив на брошенного кем-то коня, Зарад-Крул скакал на помощь своим союзникам, выкрикивая заклинания и длинные проклятия, но они были бесполезны в битве с Повелителями Света. Вдруг его конь споткнулся, и колдун рухнул на землю, да так и остался

лежать. Одна нога у него была неестественно вывернута. Могущественный маг лишился остатков разума. Он взвыл и в отчаянии замолотил кулаками по бесчувственным камням.

Нугарил повернулся к нему, и его глаза вспыхнули холодным светом. Огромные клешни зловеще задвигались, а жала зашевелились на спине. Оставив Шаммуруна и Ментеса сражаться без него, он перемахнул через разлом, приблизился к колдуну и поддел его своей чудовищной клешней. Через мгновение Зарад-Крул с пронзительным криком провалился в зияющую темную пасть. Стужу передернуло, когда челюсти Нугарила сомкнулись.

Хафид злорадно закивал:

— Как мы видим, зло пожирает зло.

От Ментеса уже почти ничего не осталось, бог-тень таял перед лицом Повелителей Света. Хотя Нугарил все еще сражался, ему было не справиться с такими противниками. Он двигался все медленнее, силы покидали его. В воздухе образовалась ослепительно белая воронка, и Повелители Света теснили к ней Шаммуруна.

Стуже нестерпимо хотелось закрыть глаза и забыться сном. Она смертельно устала, ее тело болело. Однако Хафид внезапно начал трясти ее за плечо и кричать что-то в ухо.

Бог на лебединых крыльях медленно спускался к ним с небес. В когтистой руке он держал Книгу Последней Битвы.

— Меня зовут Шакари.

У него был глубокий, мелодичный голос. И Стуже показалось, будто воздух наполнился сладким ароматом цветов, что растут на залитых солнцем лугах.

Он протянул ей руку, она робко подала ему свою и почувствовала приятное тепло, и усталость словно улетучилась, а боль утихла. Ее раны чудесным образом зажили.

Стужа начала было торопливо благодарить того, кто назвался Шакари, но он лишь улыбнулся и приложил палец к ее губам. Странно, ведь это был человеческий жест.

Он подвел ее к алтарю. Оказалось, что Врата ничуть не пострадали от вихря. Монолиты по-прежнему стояли прямо.

А на алтаре, широко улыбаясь, стоял Незнакомец.

— Здравствуй, моя юная воительница.

— Когда мы встретились в Итай Калане, я и впрямь была очень юной, — отвечала Стужа. — Но, думаю, теперь я повзрослела.

— Еще бы, — вставил Шакари. — Так много произошло с тех пор, как ты впервые столкнулась с Алмурионом. Ты изменилась.

— Алмурионом?

Незнакомец отвесил ей глубокий поклон:

— У нас не было времени, чтобы толком познакомиться.

— Но я видела, как бабочки обглодали твои кости!

Улыбка на губах Алмуриона погасла.

— Я умер, что рано или поздно случается со всяким смертным. Ты видишь мой дух, мою тень. Я остался здесь лишь на время, ибо мне было обещано, когда я выкрал Книгу, что увижу, чем все закончится, хотя и не смогу участвовать в битве. Теперь она завершена, и скоро я покину этот мир навсегда.

— Книга Последней Битвы спасена. — Бог-лебедь нежно провел по ней рукой. — Но все слишком гладко, — сказал он вдруг.

— Что же не так? — Стужа не могла не нахмуриться. — Разве мы не победили?

— Я как-то говорил тебе, — вмешался Алмурион, — что Повелители Света не собирались принимать участие в этой битве. Однако ты вызвала их вопреки желанию, с помощью заклинания, которое обнаружила в Книге. И это нарушило мировое равновесие, так что теперь совершенно невозможно предсказать, когда будет настоящая Последняя Битва. Срок отодвинулся на неопределенное время.

— Но самое плохое, — продолжал Шакари, — что заклинание было предназначено для того, чтобы вызвать Темных богов, причем тогда, когда мы сочтем нужным. А теперь они знают, что его также можно использовать, чтобы вызвать нас. Они услышали, когда ты его

произнесла. И они его запомнят.

Стужа отвела глаза.

— У тебя свои заботы, — ответила она ровным голосом, — а у меня свои. Мой мир какое-то время будет в безопасности, я по-прежнему жива, у меня появились друзья. — Она встретила глазами с Алмурионом. — Для меня это главная награда за то, что я выполнила твое поручение.

Он ответил ей еще одним поклоном и улыбнулся.

— Но меня кое-что беспокоит, — продолжала Стужа. — Когда в меня влилась сила Натиры, я уловила некий тайный смысл происшедшего.

Шакари захлопал крыльями:

— Разве того, что Книгу вырвали из лап Темных богов, недостаточно?

Алмурион сошел с каменного алтаря:

— Никто не знает истинного смысла событий, даже боги. Шакари тоже поклоняется своим богам, а у его богов есть свои боги, и так без конца. Кто может сказать, чья цель была достигнута?

— Не тратьте время на поиски смысла, — посоветовал Шакари. — Вы заблудитесь, как в лабиринте, в котором полно тупиков и запертых дверей, а также ответов на вопросы, которых никто никогда не задавал.

Вокруг Стужи вдруг закружилась пыль, и внезапно она оказалась в центре нового вихря. Повелители Света начали собираться.

— Мы покидаем вас, смертные. — Вой ветра заглушал голос Шакари, но его слова зазвучали у Стужи в голове. — Темные боги больше не будут разгуливать по вашей земле, но вы должны готовиться к новой великой войне. Свет и Тьма встретятся в последний раз, и тогда Вселенная погибнет, чтобы родиться вновь, и будет такой, какой ее создаст победитель.

Бог-лебедь передал Книгу Последней Битвы Алмуриону.

— Однако напоследок нужно сделать еще кое-что. — Он обхватил голову Стужи своими руками-крыльями, заставляя ее смотреть ему прямо в глаза. — Ты прочитала то, что было записано в Книге, и хотя мы и благодарны тебе за помощь, смертному нельзя хранить эти знания. Скоро ты заснешь, а когда проснешься, забудешь все, что увидела на ее страницах.

Шакари отступил назад.

Алмурион поднял на прощание руку:

— Живи долго, Стужа из Эсгарии, и помни меня.

А потом стало темно. Вихрь бушевал по-прежнему, из его центра взмыли Повелители Света и пропали. Последними были Шакари и Алмурион с Книгой. В голове у Стужи звучала песня бога-лебедя, убаюкивая ее. Стужа и не пыталась этому сопротивляться, она опустилась на землю. Ей было хорошо.

Глава 13

Она проснулась от солнечного света и открыла глаза. В окно дул свежий ветер. Стужа огляделась и узнала свою комнату в Эребусе. Неужели это был дурной сон? Еще один из ее кошмаров? В безоблачном небе ярко светило солнце.

Нет, это был не сон. Стужа увидела свежий шрам на ладони.

Она откинула покрывало и обнаружила, что одета в тонкую полотняную сорочку. К тому же кто-то искупал ее, и теперь ее волосы пахли травами. Она спустила на пол ноги и села.

В коридоре слышались шаги.

Креган?

Служанка, вздрогнув, обернулась, когда Стужа резко открыла дверь. Юное запачканное лицо просияло. Девушка быстро присела, пробормотав «доброе утро», и весело заспешила прочь, гремя посудой на подносе. Стужа нахмурилась. Могла бы и задержаться ненадолго, чтобы ответить на пару вопросов.

Куда все подевались? Было очень тихо. Прикрыв дверь, она снова села на кровать и, поджав ноги, прислонилась спиной к стене, на которой висел гобелен.

Куда все подевались?

Кто-то постучал в дверь и позвал ее.

Кто бы это ни был, она будет рада компании. Зря она не догадалась поискать какую-нибудь одежду, но теперь поздно. Она разрешила войти.

Вошел Радамантус, а за ним вереница слуг, которые внесли маленький столик, а на нем блюда с мясом, фруктами, овощами и хлебом. Справа был сыр, слева — кувшины с вином и свежей водой. Стужа и не думала, что голодна, однако с жадностью набросилась на еду. Отпустив слуг, Старейшина Черной Стрелы поставил напротив нее стул и начал есть фрукты, разрезая их тонким ножом.

Между делом они разговаривали.

— Натира была богиней.

Радамантус кивнул и хлебнул вина.

— Да. Нейтральной. Я всегда подозревал, что это так. — Он отложил нож. — Вокруг нее была какая-то странная аура. Сначала я этого боялся, но потом... — У него дрогнул голос.

— Я помню. — Она прожевала кусок мяса и проглотила. — Я чувствовала то же самое.

Сила богини ушла на то, чтобы вызвать Повелителей Света, и теперь собственные колдовские способности Стужи снова были заблокированы.

— Когда ее сила влилась в меня, мы были одним целым. Но после ее смерти у меня осталась лишь ее сила, я больше не чувствовала, что мы неразрывно связаны.

— И ты до сих пор не знаешь, какую роль Натира сыграла во всем этом?

Стужа кивнула:

— Ты назвал ее Нейтральной?

— Некоторые боги не присоединяются ни к Свету, ни к Тьме. Для них не найдется

места во Вселенной, когда ею будут править либо те, либо другие. Для них Последняя Битва станет началом конца. Сама их природа не позволяет им принять чью-либо сторону и удерживает от вмешательства в решающую схватку.

— Но ведь она вмешалась!

— Вовсе нет. — Старейшина взял нож, намазал маслом кусок хлеба и запил его сначала водой, потом вином. — Она ни разу не встретилась с Темными богами в открытой схватке.

— Она передала свою силу мне!

Старик усмехнулся:

— Но использовала ее против них ты. Это очень тонкое различие. Боги нередко поступают подобным образом. Вот почему мы, шондосийцы, не любим с ними связываться. Лучше черпать силу из Демониума. Это не отягощает совесть, а кроме того, гряде камней не нужно поклоняться.

Стужа выглянула в окно. По лазурному небу пролетела стайка птиц.

— Натира действительно умерла? Радамантус протянул руку и взял ломтик мяса.

— Она исполнила свое предназначение, вероятно с самого начала зная, что ее ждет. Какое еще может быть объяснение тому, что она так зачарованно смотрела на Жало Демона? Она была вынуждена погибнуть для того, чтобы передать тебе свою силу.

Стужа обдумывала его слова, и некоторое время они молчали. А потом ее осенило. Радамантус знает не все.

— Ты говоришь, что Последняя Битва принесет гибель нейтральным богам? — Она иронично усмехнулась. — Шакари сказал мне, что, открыв Книгу и призвав Светлых богов, я перенесла время Битвы, я ее отложила...

Радамантус подумал, а затем понимающе кивнул.

— Она знала, что погибнет от Жала Демона, — сказал он, — но также ей было известно, что им можно открыть Книгу.

— И при этом отложить гибель нейтральных богов на неопределенное время. — Стужа отложила нож и стала рассматривать солнечные блики в своем бокале с вином. — Думаю, я поняла смысл последних событий.

— Смысл? — Радамантус свел пальцы в замок. — Пути богов неисповедимы.

— Я это уже слышала. — Она залпом допила вино и вытерла губы. — Как бы то ни было, все закончилось и мы победили.

Он покачал головой:

— Боюсь, эта победа обошлась шондосийцам очень дорого. Погибли самые лучшие и самые молодые из нас, наши братства словно обескровлены. Мы попробуем набрать новых учеников, но пройдет много лет, прежде чем нам удастся подготовить еще одну сильную армию воинов и магов.

— Не падай духом, Старейшина. Наши женщины знают свое дело. Я и сам всегда, как мог, помогал им в их нелегком труде.

Это был Хафид. Стоя в дверях, он широко улыбался, явно в хорошем расположении духа, несмотря на раненую руку. Стужа пригласила его за стол.

— У тебя хорошее чувство юмора, — сказала она и тоже широко улыбнулась ему в ответ, — но твоя шутка была двусмысленной, я могла счесть ее за оскорбление.

— Я и не думал вас оскорблять, сударыня. — Хафид галантно поклонился. — Вы уже доказали, что умело пользуетесь мечом. Но наши женщины умеют обращаться с оружием не менее опасным. Если бы вы решили взять несколько уроков, я был бы рад стать вашим учителем.

Стужа тоже поклонилась, передразнивая его:

— Я предпочитаю длинный клинок с острым концом.

— Все женщины так говорят.

Они дружно рассмеялись.

Поскольку Индразад лежал в руинах, Хафид объявил, что будет теперь жить в Эребусе. Он налил себе вина, закусил сыром, потом подтянул табурет и уселся на него.

Они втроем проболтали чуть ли не весь день, стараясь не думать о том, что Эйкус мертв, а Минос лежит при смерти. Шондосийцы были искусными врачевателями, но надежды на то, что он выживет, почти не осталось.

Солнце садилось, и небо постепенно становилось темно-синим. Общение с друзьями доставляло Стуже огромное удовольствие, но она то и дело вспоминала о Крегане. *Где же он?* Весь день приходили и уходили слуги, они улыбались ей и выражали свою почтительность, желая заслужить ее расположение. А Креган так и не пришел.

Когда появилась служанка, чтобы вновь наполнить кувшины вином, Стужа поймала ее за руку:

— Если ты сможешь разыскать Крегана, скажи ему, что я хочу его видеть, а если он припозднится, все услышат историю о том, как он провел ночь в Зонду.

Служанка испуганно взглянула на Стужу и чуть не выронила поднос. Старейшина быстро выпроводил ее из комнаты и закрыл дверь.

Стужа медленно поднялась, пытаясь прочитать что-нибудь в глазах старика, но он отвел их и стал смотреть в пол. Хафид вдруг увидел что-то интересное за окном.

— Креган ранен?

Они молчали.

Тогда она с силой стукнула кулаком по столу. Перевернулась и разбила бутылка.

— Говорите!

Шондосийцы мрачно посмотрели друг на друга. Потом Радамантус вздохнул:

— Может быть, лучше показать ей.

На лице Хафида промелькнуло недовольство, он явно был против, но Старейшина уже принял решение.

Они шли бесконечными коридорами, спускались по бесчисленным лестницам все ниже и ниже, путь им освещал факел, который нес Радамантус. Босыми ногами она ощущала, каким холодным и сырым стал пол. Их шаги эхом разносились по узким проходам. Стужа была уверена, что они уже глубоко под землей.

Они остановились перед огромной дверью из отполированной бронзы. На ней была эмблема братства Черной Стрелы. Передав факел Хафиду, Старейшина взялся обеими руками за тяжелое кольцо на двери и с усилием потянул за него.

Дверь со скрипом отворилась.

Ученик, который был внутри, молча поклонился и вышел. Подземелье освещали свечи и масляные лампы. В воздухе плавали облака курящихся благовоний. Магические символы и причудливые узоры украшали пол и потолок. А на восточной стене, в центре белого треугольника, висел громадный роговой лук и колчан с черными стрелами.

Стужа вдруг ахнула.

В дальнем конце помещения на каменном алтаре лежало тело Крегана, по грудь укрытое легким голубым покрывалом. В его руке была такая же стрела, что висели на стене.

Стужа медленно подошла к своему погибшему другу и вгляделась в его пепельно-серое лицо с бескровными губами.

— Только не прикасайся к нему, — предупредил ее Радамантус.

На голове Крегана был ужасный след от удара.

По щекам Стужи потекли слезы, но она этого даже не заметила. Хафид с сочувствием обнял ее, но она отбросила его руку.

— Как это случилось?! — закричала она. — Когда я вызвала вихрь, он был жив! У него была лишь пара царапин!

Старик печально покачал головой:

— Я к тому времени уже пришел в себя, но был еще слишком слаб и ничего не мог поделать...

Вихрь поднял его в воздух и швырнул о камни.

Нет, этого не может быть. Они столько пережили вместе, они разделились со всеми врагами...

Хафид взял ее за руку и решительно потянул к выходу:

— Пойдем. Он отдал жизнь, спасая этот мир. Это прекрасная смерть, и, я думаю, он не хотел бы, чтобы ты так горевала.

— Подожди.

Он сжал ее руку:

— Прошу тебя.

— Да пошел ты!

Она оттолкнула его и снова подошла к алтарю.

— Остановись!

Но она, не обращая внимания на их крики, наклонилась и нежно поцеловала Крегана в губы.

И вдруг застыла. Что за черт? Его губы были теплыми. Она потрогала его лицо.

— Какого дьявола? — воскликнула она. — Он ведь жив! Радамантус схватил ее за плечи и развернул к себе:

— Я же просил тебя не прикасаться к нему.

— Вы говорили, что он умер!

— Нет, — ответил Хафид, — это ты так решила, на самом деле он был мертв четыре дня назад.

Стужа немного смутилась, но тут же ее щеки вспыхнули от гнева.

— Это сложно объяснить. — Радамантус вздохнул, ему было нелегко говорить. — Ты не посвященная. Да, Креган погиб на Демониуме. Для члена Крилара смерть — это страшное испытание, но это еще не конец.

— Испытание, которое немногие из нас смогли преодолеть, — добавил Хафид.

Старик отвел глаза:

— Почти никто. Одиннадцать магистров погибли, сражаясь с Зарад-Крулом. И только Креган, перейдя эту страшную черту между жизнью и смертью, вернулся к нам. — Он взглянул на Стужу и вдруг голос его дрогнул. — Три дня и три ночи он лежал холодный и неподвижный. Он всегда был самым любимым из моих учеников, самым талантливым, я знал, что он сможет справиться с тем, что многим не под силу, и на утро четвертого дня жизнь вернулась к нему. Он сразился со смертью и вышел из этой схватки победителем.

— Но почему вы не перенесете его куда-нибудь из этого темного подземелья?

— Этого делать нельзя. — Странный свет озарил лицо Радамантуса. — Он побывал в аду и видел там то, чему даже нет названия, так что теперь он совершенно беспомощен. В любом другом месте он стал бы легкой добычей для демонов и злых духов, и только здесь, среди защитных магических символов, он в безопасности.

— Долго он будет в таком состоянии?

Старейшина пожал плечами:

— Этого никто не знает. Он может очнуться через день, через час или через неделю. Может случиться так, что пройдут годы, а он все еще будет без сознания. Такое уже бывало раньше.

Хафид наклонился к ней:

— А когда он проснется, мы примемся за дело. Во-первых, нам заново придется учить его, ведь он потерял память.

— Он быстро научится и поднимется даже на более высокую ступень. — Радамантус ласково посмотрел на своего неподвижного ученика. — Креган познал то, что связывает миры воедино. И это даст ему невиданную силу, о какой он раньше и не мечтал.

— Силу Старейшины, — сказал Хафид. — Он сможет стать основателем нового братства.

Стужа медленно повторила его слова, словно хотела их запомнить, затем взглянула на Радамантуса и вздрогнула:

— Ты тоже умер и воскрес!

— И не однажды, — ответил старик спокойно. — Но каждый раз мне было все труднее.

Никому не дано обманывать смерть бесконечно.

— Сколько же тебе лет? — спросила она с дрожью в голосе.

— Ты знаешь историю о Тордеше и о том, как строилась дамба?

Стужа кивнула. Он показал на лук и колчан со стрелами, которые висели на стене.

— Я убил его коня одной из этих стрел, и Тордеш вернулся в Зонду. Эта была моя первая жизнь.

Она собиралась задать еще много вопросов, но он не стал больше говорить об этом.

— Ты до сих пор не объяснил мне, почему ты хотел, чтобы я считала Крегана мертвым.

Старейшина нахмурился и потер виски:

— Можно было сказать тебе, что мы не нашли его тело после битвы, и не приводить сюда. Но зная, как он дорог тебе, я дал тебе возможность взглянуть на него, прежде, чем ты покинешь нас.

— Но я не собираюсь пока уезжать.

— Боюсь, у тебя нет выбора. — Лицо старика стало печальным, но он был непреклонен. — Если ты хоть немного любишь Крегана, ты должна уехать из Шондо.

Стужа вспыхнула. Она упрямо сжала кулаки:

— Почему вы хотите от меня избавиться?

Хафид незаметно подошел к ней сзади, и, услышав шорох его плаща, Стужа по привычке потянулась к мечу. Проклятье! Она же в одной сорочке и совершенно безоружная.

— Я не могу всего объяснить, — с болью сказал старик. — Но здесь нельзя оставаться. — Ему было явно не по себе. — Прости, но тебе придется уехать.

Стужа сверкнула глазами:

— А если я не уеду?

Хафид участливо взял ее за руку. Но тут гнев и обида вырвались наружу. Глаза Стужи сузились, она сжала зубы и с легкостью вырвалась. Схватив Хафида за раненую руку, она ударила его об стену, и на лицо воина обрушился град пощечин. Но этого ей было мало. Когда ошеломленный Хафид попытался отвести ее руки, она пнула его в живот. Затрещала тонкая ткань сорочки. Он согнулся пополам, и тогда Стужа ударила его кулаком по голове. Хафид упал, и она еще несколько раз пнула неподвижное тело.

Дрожа от ярости, она подскочила к Радамантусу.

— А вот теперь мне пора, — прошипела она. — А то я могу забыть, что ты старик.

Хмурый Радамантус вывел ее из пещеры и приказал ученику, который ждал их за дверью, позаботиться о Хафиде.

Когда они пришли в ее покои, Радамантус сказал примирительно:

— Тебе необязательно ехать прямо сейчас. Утром я дам тебе все необходимое и распоряжусь, чтобы оседлали Ашура. Твое оружие и одежда лежат в сундуке у кровати. — Он помолчал и с несчастным видом воскликнул: — Зачем ты избила его? Ведь у него же ранена рука!

— Плевала я на его руку!

Опечаленный Радамантус вышел из комнаты. Стужа пинком закрыла за ним дверь и принялась ходить по комнате, пока гнев не утих. Осталась лишь обида.

Она хотела остаться рядом с Креганом. То, что она чувствовала по отношению к нему, конечно, не было любовью, но, возможно, когда-нибудь это перерастет в любовь.

Но почему же Радамантус гонит ее? Он прав только в одном. Ей не следовало бить Хафида.

Совершенно сбита с толку, она бросилась на кровать и наконец забылась сном. Опять ее мучили кошмары. Только к ужасным видениям из далекого прошлого прибавились новые — связанные с недавней битвой. Стужа металась на подушках, скинула одеяло. Она переживала все заново. Каждый момент, каждую смерть. И вдруг Стужа вскрикнула и проснулась. Вся дрожа, она села и стала смотреть в окно, вглядываясь в темноту ночи.

Утром, когда Радамантус постучал в дверь, она была уже готова к отъезду. Она отказалась от завтрака. Если ее снабдят провизией, она позавтракает где-нибудь в пути.

— Я вижу, ты уже успокоилась, — заметил Старейшина. — Хотя у тебя есть все основания злиться на нас.

— Этой ночью я видела сон, — призналась она, — даже не сон... — Она помолчала, собираясь с силами, чтобы произнести это. — Ведь это я убила Крегана?

Старик посмотрел ей прямо в глаза и наконец кивнул:

— Никто из шондосийцев никогда бы не сказал тебе об этом. Это не твоя вина. Креган прекрасно знал, что нельзя вмешиваться, когда ты стала использовать чужие, неизведанные силы.

Стужа закусила губу, надеясь, что физическая боль поможет ей справиться с болью душевной.

— Он боялся за меня, я прочитала его мысли, но оттолкнула его. Это все магия! Неведомые силы подняли его в воздух и ударили головой о монолит. Я потеряла над собой контроль и даже не обратила на него внимания.

Радамантус молчал.

— Вот почему ты хочешь, чтобы я уехала.

— Ты невольно стала виновницей его смерти, но от тебя также зависит и его возвращение к жизни. Нет, дитя, не вини себя. Креган знал, что нельзя вмешиваться, но он все равно сделал это из любви к тебе. Вот почему ты должна уехать.

Она начала догадываться, но промолчала.

— Эйкус мертв, а Минос смертельно ранен. Шондо будет нужен новый старейшина.

Она перебила его:

— Разве они не могут воскреснуть?

— Эйкус не может вернуться, его тело уничтожено, а с Миномом пока ничего не ясно. В последний раз мы вернули его с того света с большим трудом. Я вообще не уверен, что кто-нибудь из нас способен еще раз воплотиться после смерти.

— Но как мое присутствие может вам помешать?

— Боюсь, следующим за Эйкусом и Миномом буду я. Меня не страшит смерть, если мое место займет Креган. Но он любит тебя, поэтому и пытался помешать тебе сразиться в одиночку с Темными богами. Видишь ли, в чем дело, дитя мое... любви магу лучше избегать, а шондосийскому старейшине и вовсе запрещено, иначе однажды это помешает ему принять правильное решение. А я не могу допустить, чтобы из-за любви он забыл о своем долге.

Стужа смотрела на него несчастными глазами, она все еще не хотела верить.

— Главная проблема в том, — продолжал он, — что ты не из тех женщин, которые сидят дома и воспитывают детей. Что-то постоянно манит тебя и зовет в путь. Ты привыкла к приключениям, и я вижу, что тебе это нравится. Рано или поздно ты бы все равно ушла, а Креган последовал бы за тобой, забыв о Шондо. — Он глубоко вздохнул и спокойно встретил ее взгляд. — Я не могу этого допустить. Поэтому ты должна уехать, прежде чем память вернется к нему.

Сердце у нее замерло.

— Он будет помнить обо мне?

Легкая улыбка коснулась его губ.

— Разве хоть один мужчина может тебя забыть? — с легким поклоном произнес он. — Но к тому времени, когда память вернется к Крегану, я надеюсь, что чувство долга не позволит ему отправиться вслед за тобой. Видишь ли, несмотря на все мои уверения, — добавил он после паузы, — я все-таки позволил себе полюбить. И моя любовь — это Шондо. Креган нужен Шондо больше, чем тебе.

Наконец она поняла.

Старейшина Черной Стрелы проводил Стужу во двор, где ее уже ждал Ашур. К его седлу была приторочена сумка, полная золотых монет.

— Кое-какую выгоду я все же извлекла, — сказала она, похлопав горделивого зверя по шее. А затем поправила висящий на поясе кинжал.

Радамантус взял ее за руку.

— Послушайся старика в одном, прошу тебя. Ашур твой до тех пор, пока он пожелает остаться. А кинжал уже исполнил свое предназначение. Избавься от него, как только представится возможность. Нельзя оставлять его у себя.

Она взглянула на кинжал, затем на шрам, который он оставил у нее на ладони.

— Я учту это, мой друг.

Она вскочила в седло. Было идеальное утро для верховой езды. Дул легкий ветерок, солнце не слишком припекало. Старейшина отправился проводить ее до западных городских ворот, но шел рядом не произнося ни слова.

— Как Хафид? — вдруг спросила она. — Я хотела повидаться с ним перед отъездом, чтобы попросить прощения.

— Ты понаставила ему синяков, но в общем-то ничего страшного, — ответил Радамантус. — Это скорее был удар по самолюбию.

В этот ранний час улицы были почти пусты. Им встретились лишь несколько торговцев, спешивших на рыночную площадь.

Загремела цепь, и ворота отворились.

— Куда ты направляешься?

Она пожала плечами:

— Может, в Коркиру. Говорят, там такие же густые леса, как в Эсгарии, а Календское море известно своими штормами. Думая о родине, я больше всего скучаю по лесу и морю.

Радамантус взял ее руки и прижал к губам. Дрожь прошла по его телу, и волнение передалось Стуже.

Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

— Знаешь, — прошептала она, — все, что случилось, к лучшему.